Н.С.ГУМИЛЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. С. ГУМИЛЕВ

Полное собрание сочинений в десяти томах

ТОМ ВТОРОЙ

Стихотворения. Поэмы

(1910—1913)

Москва

1998

ББК 84.Р1
Г94

Тексты подготовили и примечания составили: М.Баскер (Великобритания), Т.М.Вахитова, Ю.В.Зобнин, А.И.Михайлов, В.А.Прокофьев, Г.В.Филиппов

В подготовке тома принимали участие: В.Н.Воронович (С.-Петербург), Н.М.Иванникова (Москва), Н.Г.Князева (С.-Петербург), И.П.Лозинская (С.-Петербург), В.П.Петрановский (С.-Петербург), С.Л.Слободнюк (Магнитогорск), С.И.Сенин (С.-Петербург), А.К.Станюкович (Москва)

Ответственный редактор тома Ю.В.Зобнин
Редактор Д.М. Климова

Исследовательская часть проекта выполнена при поддержке РГНФ
(проект № 96-04-06157)

Г 94 **Гумилев Н.С.** Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910—1913). — М.: Воскресенье, 1998. — 344 с.; ил.

ISBN 5—88528—179—3 (Т. 2)
ISBN 5—88528—159—9

Во второй том вошли все произведения Н.С.Гумилева (в том числе публикуемые впервые), созданные с апреля 1910 по декабрь 1913 г. Этот период в творчестве поэта отмечен интенсивными поисками новых идей и форм. Том иллюстрирован ранее не публиковавшимися материалами из архива П.Н.Лукницкого.

Г $\frac{4702010102—024}{К56(03)—98}$

ББК 84.Р1

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

1910 — 1913

1910

1. БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть как облака,
И нежные задумчивые лэди,
Какой дорогой вас ведет тоска,
К какой еще неслыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам,
Блеснет сиянье розового рая?

Вот я нашел, и песнь моя легка,
Как память о давно прошедшем бреде,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горящей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм,
Где я теиям молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.

В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди,
Там аист ловит змей у тростника,
И в полдень, пьяны запахом камеди,

Кувыркаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая.

Посылка

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала всё, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

2

Всё ясно для тихого взора:
И царский венец, и суму,
Суму нищеты и позора, —
Я всё беспечально возьму.

Пойду я в шумящие рощи,
В забытый хозяином сад,
Чтоб ельник, корявый и тощий,
Внезапно обрадовал взгляд.

Там брошу лохмотья и лягу
И буду во сне королем,
А люди увидят бродягу
С бескровно-землистым лицом.

Я знаю, что я зачарован
Заклятьем сумы и венца,
И если б я был коронован,
Мне снилась бы степь без конца.

3

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе предался я давно
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня... Небо было серо,
День прошел в томительном бреду,
За окном, на мокром дёрне сквера
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

«Посмотри, мой милый, видишь — птица,
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр!»

А потом читала мне про принца,
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, повертывая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая спела
И тебе о рае золотом.

4. ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
И одинокий кипарис,
И благосклонного Гуссейна,
И медленный его рассказ,
В часы, когда не видит глаз
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль, и почет.
Но нет, не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков
В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благостной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн
В садах, где розы и бассейн,
На берегу за старой Смирной.

Когда-то... Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте, —
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню,
И буду плакать о Леванте.

5. ВОЕННАЯ

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,
Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заухали гиены.

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов —
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

6. ПЯТЬ БЫКОВ

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,
И за то мне подарил богач
Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,
Я нашел в траве его следы,
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,
Звонкою ужаленный осой,
Я блуждал по зарослям пять дней,
Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосед
В пойло ядовитой белены,
И они валялись на земле
С высунутым синим языком.

Заколол последнего я сам,
Чтобы было, чем попировать
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

7. НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет ленящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он недогадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

8. ЗАНЗИБАРСКИЕ ДЕВУШКИ

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко, на севере, в Каире
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели
Жирные женщины Габеша,
Хитрые и злые сомалийки
И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец
На своем единственном муле
Через горы, леса и степи
Далеко, далеко на север.

На него нападали воры,
Он убил четверых и скрылся,
А в густых лесах Сенаара
Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира,
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой.

9. МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюще,
Ей приносит так много серёг и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть так звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не знать ничего...
Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабудь свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!
Его нет... Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом плаще
Ты найдешь... и ты будешь убит.

10. У КАМИНА

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города.

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны»...

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

11. ОТРЫВОК

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутом... о ужас!

12. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «Всё покинь!» —
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движенье,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!

И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь;
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пущи,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, —
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны, — летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и пленительной земли;
Но всего прекрасней жажда славы,
Для нее родятся короли,
В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорбь о высшем в голосе твоем:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

Видишь? город... веянье знамен...
Светит солнце, яркое как в детстве,
С колоколен раздается звон,
Провозвестник радости, не бедствий,
И над портом, словно тяжкий стон,
Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!
— «В келье разбирает чертежи
С нашим старым приором Хуаном;
В этих прежних картах столько лжи,
А шутить не должно с океаном
Даже самым смелым капитанам».

Сыплется в узорное окно
Золото и пурпур повечерий,
Словно в зачарованной пещере,
Сон и явь сливаются в одно,
Время тихо, как веретено
Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,
Старый приор в праздничном убранстве,
А за ними поднимает взор
Та, чей дух — крылатый метеор,
Та, чей мир в святом непостоянстве,
Чье названье — Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:
«Путь на юг? Там был уже Диас!»...
— Да, но кто слыхал его рассказ?.. —
«...У страны Великого Могола
Острова»... — Но где же? Море голо.
Путь на юг... — «Сеньор! А Марко Поло?»

Вот взвился над старой башней флаг,
Постучали в дверь — условный знак, —
Но друзья не слышат. В жарком споре —
Что для них отлив, растущий в море!..
Столько не разобрано бумаг,
Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела
От его рабочего стола.

Песнь вторая

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь,
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кущам,
Не дерзал подумать о грядущем;
В мыслях было пусто и темно;
Хмуро измеряли лотом дно,
Парусов чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья
Высчитали звездные событья,
Их слова гласили: «Всё обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитья
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станц гремело и баллад...

Всё прошло, как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы тяжкие труды
И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала
С топором пошел на адмирала,
А потом забился в дальний трюм
И рыдал... Команда не внимала,
И несчастный помутневший ум
Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты
И шептались — а хотелось выть:
«Если долго вслед за солнцем плыть,
То беды кровавой не избыть:
Солнце в бездне моется проклятой,
Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков,
Он молчит о лени их и пьянстве;
Целый день на мостике готов,
Как влюбленный, грезить о пространстве;
В шуме волн он слышит сладкий зов,
Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки:
Так над кручей злобные быки
Топчутся, их гонит пастырь горный,
В их сердцах отчаянье тоски,
В их мозгу гнездится ужас черный,
Взор свиреп... и всё ж они покорны!

Но не в город, и не под копье
Смуглым и жестоким пикадорам
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое своё,
А туда, в иное бытиё,
К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету;
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чует ног;
Если выше счастья нет поэту,
Чем придать нежданный блеск сонету;

Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,
Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая...
Если смертный видит отсвет рая,
Только неустанно открывая:

— То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды Богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья,
В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

Песнь третья

— «Берег, берег!..» И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками
Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлоокий,
Что, завидев с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират,
Ныне он Колумбу — младший брат!

Что один исчислил по таблицам,
Чертежам и выцветшим страницам,
Ночью угадал по вещим снам, —
То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам,
Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети прыгают матросы,
Я так счастлив... нет, я не могу...
Вон журавль смешной и длинноносый
Полетел на белые утесы,
В синем небе описав дугу,
Вот и берег... мы на берегу.

Престарелый, в полном облаченье,
Патер совершил богослуженье,
Он молил: «О Боже, не покинь
Грешных нас...» — кругом звучало пенье,
Медленная, медная латынь
Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Нам не раз мерещились в бреду...
Так же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны;
Цвел волчец; как грешники в аду,
Звонко верещали какаду...

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов,
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с нами лишь один,
Лишь один хранил в душе тревогу,
Хоть сперва, склонясь как паладин
Набожный, и он молился Богу,
Хоть теперь целует прах долин,
Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага,
В левом ухе медная серьга
И на смуглой шее нить коралла,
Но уста (их тайна так строга),
Взор, где мысль гореть не перестала,
Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,
По морю прошедший как по суше,
Словно шашки, двигающий души
От родных селений, мирных нег
К диким устьям безымянных рек...
Что он шепчет!.. Муза, слушай, слушай!

— «Мой высокий подвиг я свершил,
Но томится дух, как в темном склепе.
О Великий Боже, Боже Сил,
Если я награду заслужил,
Вместо славы и великолепий,
Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!

Крепкий мех так горд своим вином,
Но когда вина не стало в нем,
Пусть хозяин бросит жалкий ком!
Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен, —
Спущенный, теперь уже не нужен».

Да! Пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно-тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвиненный в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной,
Он покинут Музой Дальних Странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.
Как струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Как сквозь сон я слышал, что подруга
Мне шепнула: «Не скорби о том,
Кто Колумбом назван... Отойдем!»

1911

13. АКРОСТИХ

Адис-Абеба, город роз.
На берегу ручьев прозрачных,
Небесный див тебя принес,
Алмазной, средь ущелий мрачных.

Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной
(Мы все склоняемся пред ним),
А розы душны, розы красны.

Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.

14

О.Н.Арбениной

Я молчу — во взорах видно горе,
Говорю — мои слова так злы!
Ах! когда ж я вновь увижу море,
Синие и пенные валы,

Белый парус, белых, белых чаек
Или ночью длинный лунный мост,
Позабыв о прошлом и не чая
Ничего в грядущем, кроме звезд?!

Видно, я суровому Нерею
Мог когда-то очень угодить,
Что теперь — его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Боже, будь я самым сильным князем,
Но живи от моря вдалеке,
Я б, наверно, повалившись наземь,
Грыз ее и бил в слепой тоске.

15. БЛУДНЫЙ СЫН

1

Нет дома, подобного этому дому!
В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному,
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Петр не унизится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твое преумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирепых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пускай приведут мне танцовщиц Сидона
И Тира, и Смирны... во имя Венеры

Цветов и вина, дорогих благовоний...
Я праздную день мой в веселой столице!
Но где же друзья мои, Цинна, Петроний?..
А вот они, вот они, salve, amici.

Идите скорей, ваше ложе готово,
И розы прекрасны, как женские щеки;
Вы помните верно отцовское слово,
Я послан сюда был исправить пороки...

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок — неопрятность,
Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
Коль ты недоволен моим сиракузским!
Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?

3

Я падаль сволок к тростникам отдаленным
И пойло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже:

Хозяин, твои я целую колена,
Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от соленого пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины,
Как красное золото, полднем бездонным,
Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюбленным.

И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородою,
Он грустен... пойду и скажу ему: «Отче,
Я грешен пред Господом и пред тобою».

4

И в горечи сердце находит усладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню... мне было три года... по саду
Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря...
Но целое море печали не смоет
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идет мне навстречу...
И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

16. ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.

Молчит — только ежится,
И всё ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над очастью, Богом заклятою.

17. ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Как будто год наш роковой
двунадесятый возвращался.
Гр. Е. Растопчина.

Он близок, слышит лес и степь его;
Какой теперь он кроет ков,
Год Золотой Орды, Отрепьева,
Двунадесяти языков?

Вслед за его крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С военной музыкой и пением
Войдут войска в столицу... чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных,
Но громких в летописях слав?

Кто смелый?.. Но к чему допрашивать!
Туманно небо, воет пес,
В душе темно, — пора докашивать
Перестоявшийся покос.

Чума, война иль революция,
В пожарах села, луг в крови!
Но только б спела скрипка Муция
Песнь Торжествующей Любви.

18. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В узких вазах томленье умирающих лилий.
Запад был меднокрасный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы с тобой говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: не тот!
Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы звезды, что восходят раз в год.

Так певучи и странны, в наших душах воскресли
Рифмы древнего солнца, мир нежданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

19. АКРОСТИХ

Можно увидеть на этой картннке
Ангела, солнце и озеро Чад,
Шумного негра в одной пелеринке
И шарабанчик, где сестры сидят,
Нежные, стройные, словно былинки.

А надо всем поднимается сердце,
Лютой любовью вдвойне пронзено,
Боли и песен открытая дверца:
О, для чего даже здесь не дано
Мне позабыть о мечте иноверца.

20. АЛЬБОМ или СЛОН

Акростих

О, самой нежной из кузин
Легко и надоесть стихами.
И мне всё снится магазин
На Невском, только со слонами.

Альбом, принадлежащий ей,
Любовною рукой моей
Быть может не к добру наполнен,
Он ни к чему... ведь в смене дней
Меня ей только слон напомнит.

[illegible]

За что

О что за скучная забота
Пускаться мыслию из звезд
Из пыли и каменья что-то
Дано игры сдавать без козырей

Да игры из азартных грязная
И в нас тяжелая тоска
Дано без надежды, без волненья
Заигрывать на выигрыша.

[illegible] нет! Из всех возможных счастий
Мы выбираем лишь одно,
Лишь то, что силою всей страсти
Нас опалить осуждено.

Н. Гумилев

Когда вечер в саду рокотали соловей
И скамейка в далекой аллее ждала
И томила весна ... но она не пришла
Не хотела иль просто не смела прийти.

Оттого ли что было томиться не в мочь
Оттого ли что удали пламени рояль
Были тени спокойные мягкие ночи
И кого-то еще бы тяжкого мало.

Ни себя ... мне отрадно смиренно грустя
Ни ее ... если хочет пусть будет покой
...Но зачем этот день как больное дитя
Умирал не отмстив Божьею Рукой.

21. В САДУ

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой;
...Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, не отмеченный Божьей Рукой?

22. ЗА ЧТО

О, что за скучная забота
Пусканье мыльных пузырей.
Ну так и кажется, что кто-то
Вам карты сдал без козырей.

В них лучезарное горенье,
А в вас тяжелая тоска —
Вам без надежды, без волненья
Проигрывать наверняка.

О нет! Из всех возможных счастий
Мы выбираем лишь одно,
Лишь то, что синим светом страсти
Нас опалить осуждено.

23. НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Замирает дыханье, и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной
встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «Милый!»

У нее есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
...И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду,
всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

24. В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Звуки вьются, звуки тают...
То по гладкой белой кости
Руки девичьи порхают
Словно сказочные гостьи.

И одни из них так быстры,
Рассыпая звуки-искры,
А другие величавы,
Вызывая грезы славы.

За спиною так лениво
В вазе нежится сирень,
И не грустно, что, дождливый,
Проплывет неслышно день.

27 мая 1911 г.

25. ВСТРЕЧА

Молюсь звезде моих побед,
Алмазу древнего востока,
Широкой степи, где мой бред —
Езда всегда навстречу рока.

Как неожидан блеск ручья
У зеленеющих платанов!
Звенит душа, звенит струя —
Мир снова царство великанов.

И всё же темная тоска
Нежданно в поле мне явилась,
От встречи той прошли века,
И ничего не изменилось.

Кривой клюкой взметая пыль,
Ах, верно направляясь к раю,
Ребенок мне шепнул: «Не ты ль?»
А я ему в ответ: «Не знаю.

Верь!» — и его коснулся губ
Атласных... Боже! Здесь, на небе ль?
Едва ли был я слишком груб,
Ведь он был прям, как нежный стебель.

Он руку оттолкнул мою
И отвечал: «Не узнаю!»

28 мая 1911 г.

26. ПРОГУЛКА

В очень-очень стареньком дырявом шарабане
(На котором после будет вышит гобелен)
Ехали две девушки, сокровища мечтаний,
Сердце, им ненужное, захватывая в плен.

Несмотря на рытвины, я ехал с ними рядом,
И домой вернулись мы уже на склоне дня,
Но они, веселые, ласкали нежным взглядом
Не меня, неловкого, а моего коня.

29 мая 1911 г.

27. НА КРОВАТИ, ПРЕВРАЩЕННОЙ В ТАХТУ

Вот троица странная наша:
— Я, жертва своих же затей,
На лебедь похожая, Маша
И Оля, лисица степей.

Как странно двуспальной кровати,
Что к ней, лишь зажгутся огни,
Идут не для сна иль объятий,
А так, для одной болтовни;

И только о розовых счастьях:
«Ах профиль у Маши так строг...
А Оля... в перстнях и запястьях,
Она — экзотический бог»...

Как будто затейные пряжи
Прядем мы... сегодня, вчера;
Пока, разгоняя миражи,
Не крикнут: «Чай подан, пора!»

29 мая 1911 г.

28. ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТОК

Вечерние тихи заклятья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть, только цветы.

Так радует серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть, к счастью, влюбленный
В кого-то чужого... не здесь.

Но душно мне... Я зачарован;
Ковер надо мной, словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю — а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово,
И ярче пылание щек:
То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок.

29. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,
Старух гадальщиц, и их гаданья,
И всё, что не любил паша.

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «Что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

— Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых...
Какое счастье быть средь них!

30. ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море
бросится со скалы,
В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря,
Иль в темнице стать свободным, как свободны одни орлы,
Иль найти покой нежданный в дымной хижине дикаря!

Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что творит слова,
И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг,
— С иронической усмешкой царь-ребенок на шкуре льва,
Забывающий игрушки между белых усталых рук.

31. КУРАНТЫ ЛЮБВИ

Вы сегодня впервые пропели
Золотые «Куранты любви»;
Вы крестились в «любовной купели»,
Вы стремились «на зов свирели»,
Не скрывая волненья в крови.

Я учил Вас, как автор поет их,
Но, уча, был так странно-несмел.
О, поэзия — не в ритмах, не в нотах,
Только в Вас. Вы царица в гротах,
Где Амура звенит самострел.

2 июня 1911 г.

32. СОН

Утренняя болтовня

Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?
— Берег, ивы
При луне. —

А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.
— Дездемону
И себя. —

Вы глядите так несмело:
Кто там был за купой ив?
— Был Отелло,
Он красив. —

Был ли он вас двух достоин?
Был ли он как лунный свет?
— Да, он воин
И поэт. —

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?
— О пустыне
И мечте. —

И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?
— Дездемона,
Но не я. —

33. В ВАШЕЙ СПАЛЬНЕ

Вы сегодня не вышли из спальни,
И до вечера был я один,
Сердце билось печальней, и дальний
Падал дождь на узоры куртин.

Ни стрельбы из японского лука,
Ни гаданья по книгам стихов,
Ни блок-нотов! Тяжелая скука
Захватила и смяла без слов.

Только вечером двери открылись;
Там сошлись развлекавшие Вас:
Вышивали, читали, сердились,
Говорили и пели зараз.

Я хотел тишины и печали,
Я мечтал Вас согреть тишиной,
Но в душе моей чаши азалий
Вдруг закрылись, и сами собой.

Вы взглянули... и, стула бесстрастней,
Встретил я Ваш приветливый взгляд,
Помня мудрое правило басни,
Что, чужой, не созрел виноград.

4 июня 1911 г.

34. МЕДИУМИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНЬЯ

Приехал Коля. Тотчас слухи,
Во всех вселившие испуг:
По дому ночью ходят духи
И слышен непонятный стук.

Лишь днем не чувствуешь их дури;
Когда ж погаснет в окнах свет,
Они лежат на лиги-куре
Или сражаются в крокет.

Испуг ползет, глаза туманя;
Мы все за чаем — что за вид!
Молчит и вздрагивает Аня,
Сергей взволнован и сердит.

Но всех милей, всех грациозней,
Всё ж Оля в робости своей,
Встречая дьявольские козни
Улыбкой, утра розовей.

4 июня 1911 г.

35. ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листы.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей ие найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на нагую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

36. СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час,
Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.

И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну,

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О, это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознанье бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет,

Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

37. О ПРИЗНАНИЯХ

Никому мечты не поверяйте,
Ах, ее не скажешь, не сгубя!
Что Вы знаете, то знайте
Для себя.

Даже, если он Вас спросит,
Тот, кем Ваша мысль согрета,
Скажет, жизнь его зависит
От ответа;

Промолчите! Пусть отравит
Он мечтанье навсегда,
Он зато Вас не оставит
Никогда.

10 июня 1911 г.

38. ПАМЯТЬ

Как я скажу, что тебя буду помнить всегда,
Ах, я и в память боюсь, как во многое, верить!
Буйной толпой набегут и умчатся года,
Столько печали я встречу, что радость ли мерить?

Я позабуду. Но, вечно и вечно гадая,
Буду склоняться над омутом прежнего я,
Чтобы припомнить, о чем позабыл... и седая,
Первая прядка волос, помни, будет твоя.

12 июня 1911 г.

39. СТРАНИЦА ИЗ ОЛИНОГО ДНЕВНИКА

Он в четверг мне сделал предложенье,
В пятницу ответила я «да».
«Навсегда?» — спросил он. «Навсегда»,
И конечно отказала в воскресенье.

Но мои глаза вдруг стали больше,
Тоньше руки, и румяней щеки,
Как у девушек веселой, старой Польши,
Любящих обманы и намеки.

12 июня 1911 г.

40. БОРЬБА

Борьба одна: и там, где по холмам
Под рев звериный плещут водопады,
И здесь, где взор девичий — но, как там,
Обезоруженному нет пощады.

Что из того, что волею тоски
Ты поборол нагих степей удушье;
Все ломит стрелы, тупит все клинки
Как солнце золотое равнодушье.

Оно — морской утес: кто сердцем тих
Прильнет и выйдет, радостный, на сушу,
Но тот, кто знает сладость бурь своих,
Погиб... и Бог его забудет душу.

16 июня 1911 г.

41

Вечерний медленный паук
В траве сплетает паутину, —
Надежды знак. Но, милый друг,
Я взора на него не кину.

Всю обольстительность надежд,
Не жизнь, а только сон о жизни,
Я оставляю для невежд,
Для сонных евнухов и слизней.

Мое «сегодня» на мечту
Не променяю я и знаю,
Что муки ада предпочту
Лишь обещаемому раю, —

Чтоб в час, когда могильный мрак
Вольется в сомкнутые вежды,
Не засмеялся мне червяк,
Паучьи высосав надежды.

42. РАЙСКИЙ САД

Я не светел, я болен любовью,
Я сжимаю руками виски
И внимаю, как шепчутся с кровью
Шелестящие крылья Тоски.

Но тебе оскорбительны муки;
Ты одною улыбкой, без слов,
Отвести приказала мне руки
От моих воспаленных висков.

Те же кресла и комната та же...
Что же было? Ведь я уж не тот:
В золотисто-лиловом мираже
Дивный сад предо мною встает.

Ах, такой раскрывался едва ли
И на ранней заре бытия,
И о нем никогда не мечтали
Даже Индии солнца — князья.

Бьет поток; на лужайках прибрежных
Бродят нимфы забытых времен;
В выем раковин длинных и нежных
Звонко трубит мальчишка-тритон.

Я простерт на песке без дыханья,
И меня не боятся цветы,
Но в душе — ослепительность знанья,
Что ко мне наклоняешься ты...

И с такою же точно улыбкой
Как сейчас улыбнулась ты мне.
...Странно! Сад этот знойный и зыбкий
Только в детстве я видел во сне.

17 июня 1911 г.

43. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: «Своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной,
Тайно загрустил?

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожой твоей?

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

44. КЛЮЧ В ЛЕСУ

Есть темный лес в стране моей;
В него входил я не однажды,
Измучен яростью лучей,
Искать спасения от жажды.

Там ключ бежит из недр скалы
С глубокой льдистою водою,
Но Горный Дух из влажной мглы
Глядит, как ворон пред бедою.

Он говорит: «Ты позабыл
Закон: отсюда не уходят!» —
И каждый раз я уходил
Блуждать в лугах, как звери бродят.

И все же помнил путь назад
Из вольной степи в лес дремучий...
...О, если бы я был крылат,
Как тот орел, что пьет из тучи!

19 июня 1911 г.

45. ОПЯТЬ ПРОГУЛКА

Собиратели кувшинок,
Мы отправились опять
Поблуждать среди тропинок,
Над рекою помечтать.

Оля правила. Ленивый,
Был нежданно резв Силач,
На Голубке торопливой
Поспевал я только вскачь.

И со мной, хоть осторожно,
Оля ласкова была,
С шарабана это можно,
Но не так легко с седла.

19 июня 1911 г.

46. ЕВА ИЛИ ЛИЛИТ

Ты не знаешь сказанья о деве Лилит,
С кем был счастлив в раю первозданном Адам,
Но ты всё ж из немногих, чье сердце болит
По душе окрыленной и вольным садам.

Ты об Еве слыхала, конечно, не раз,
О праматери Еве, хранящей очаг,
Но с какой-то тревогой... и этот рассказ
Для тебя был смешное безумье и мрак.

У Лилит — недоступных созвездий венец,
В ее странах алмазные солнца цветут,
А у Евы — и дети, и стадо овец,
В огороде картофель, и в доме уют.

Ты еще не узнала себя самоё,
Ева — ты, иль Лилит? О, когда он придет,
Тот, кто робкое, жадное сердце твое
Без дорог унесет в зачарованный грот.

Он умеет блуждать под уступами гор
И умеет спускаться на дно пропастей,
Не цветок — его сердце, оно — метеор,
И в душе его звездно от дум и страстей.

Если надо, он царство тебе покорит,
Если надо, пойдет с воровскою сумой,
Но всегда и повсюду — от Евы Лилит, —
Он тебя сохранит от тебя же самой.

21 июня 1911 г.

47. СЛОВА НА МУЗЫКУ ДАВЫДОВА

Я — танцовщица с древнего Нила,
Мне — плясать на песке раскаленном,
О, зачем я тебя полюбила,
А тебя не видала влюбленным.

Вечер близок; свивается парус;
В пряном воздухе мирры и нарда
Я вплела в мои косы стеклярус
И склонилась на мех леопарда.

Но, как волны безмолвного Нила,
Всё ты бродишь холодным и сонным...
О, зачем я тебя полюбила,
А тебя не видала влюбленным.

21 июня 1911 г.

48. ДВЕ РОЗЫ

Перед воротами Эдема
Две розы пышно расцвели,
Но роза — страстности эмблема,
А страстность — детище земли.

Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена.

А обе на Пороге Знанья...
Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?!

49. ОСТРОВ ЛЮБВИ

Вы, что поплывете
К Острову Любви,
Я для вас в заботе,
Вам стихи мои.

— От Европы ль умной,
Джентльмена снов;
Африки ль безумной,
Страстной, но без слов;

Иль от двух Америк,
Знавших в жизни толк;
Азии ль, где берег —
Золото и шелк;

Азии, иль дале
От лесов густых
Девственных Австралий,
Диких и простых;

— Все вы в лад ударьте
Веслами струи,
Следуя по карте
К Острову Любви.

Вот и челн ваш гений
К берегу прибил,
Где соображений
Встретите вы ил.

Вы, едва на сушу,
Книга встретит вас
И расскажет душу
В триста первый раз.

Чтоб пройти Болота
Скучной болтовни,
Вам нужна работа,
Ну́жны дни и дни.

Скромности пустыня.
— Место палачу!
Всё твердит богиня,
Как лягушка в тине,
— «Нет» и «не хочу».

Но Стыдливость чащей
Успокоит вас,
Вам звучит всё слаще:
— «Милый, не сейчас!»

Озеро Томлений
— Счастье и богам:
Все открыты тени
Взорам и губам.

Но на Остров Неги,
Тот, что впереди,
Дерзкие набеги
Не производи!

Берегись истерик,
Серной кислоты,
Если у Америк
Не скитался ты;

Если знаешь цену
Ты любви своей —
Эросу в замену
Выйдет Гименей.

27 июня 1911 г.

50. 11 ИЮЛЯ 1911 г.

Ты, лукавый ангел Оли,
Стань серьезней, стань умней!
Пусть Амур девичьей воли,
Кроткий, скромный и неслышный,
Отойдет; а Гименей
Выйдет, радостный и пышный.
С ним дары: цветущий хмель
Да колечко золотое,
Выезд, дом и всё такое,
И в грядущем колыбель.

51. ЧЕТЫРЕ ЛОШАДИ

Не четыре! О нет, не четыре!
Две и две, и «мгновенье лови» —
Так всегда совершается в мире,
В этом мире веселой любви.

Но не всем вечеровая чара
И любовью рождаемый стих!
Пусть скакала передняя пара,
Говорила она о других;

О чужом... и, словами играя,
Так ненужно была весела...
Тихо ехала пара вторая,
Но наверно счастливей была.

Было поздно; ночные дриады
Танцевали средь дымных равнин,
И терялись смущенные взгляды
В темноте неизвестных лощин.

Проезжали какие-то реки.
Впереди говорились слова,
Сзади клялись быть верным навеки,
Поцелуй доносился едва.

Только поздно, у самого дома
(Словно кто-то воскликнул: «Не жди!»),
Захватила передних истома,
Что весь вечер цвела позади.

Захотело сказаться без смеха
Слово жизни святой и большой,
Но сказалось как слабое эхо,
Повторенное чуткой душой.

И в чаду не страстей, а угара
Повторить его было невмочь
— Видно выпила задняя пара
Все мечтанья любви в эту ночь.

20 июля 1911 г.

52

Пальмы, три слона и два жирафа,
Страус, носорог и леопард:
Дальняя, загадочная Каффа,
Я опять, опять твой гость и бард!

Пусть же та, что в голубой одежде,
Строгая, уходит на закат!
Пусть не оборотится назад!
Светлый рай, ты будешь ждать, как прежде.

53

Огромный мир открыт и манит,
Бьет конь копытом, я готов,
Я знаю, сердце не устанет
Следить за бегом облаков.
Но вслед бежит воспоминанье
И странно выстраданный стих,
И недопетое признанье
Последних радостей моих.
Рвись, конь, но помни, что печали
От века гнать не уставали
Свободных... гонят и досель.
Тогда поможет нам едва ли
И звонкая моя свирель.

26 июля 1911 г.

54

Когда я был влюблен (а я влюблен
Всегда — в идею, женщину иль запах),
Мне захотелось воплотить мой сон,
Причудливей, чем Рим при грешных папах.
Я нанял комнату с одним окном,
Приют швеи, иссохшей над машинкой,
Где, верно, жил облезлый старый гном,
Питавшийся оброненной сардинкой.
Я стол к стене подвинул; на комод
Рядком поставил альманахи «Знанье»,
Открытки — так, чтоб даже готтентот
В священное б пришел негодованье.
Она вошла спокойно и светло,
Потом остановилась изумленно.
От ломовых в окне тряслось стекло,
Будильник тикал злобно-однотонно.
И я сказал: «Царица, вы одни
Сумели воплотить всю роскошь мира,
Как розовые птицы — ваши дни,
Влюбленность ваша — музыка клавира.
Ах! Бог Любви, заоблачный поэт,
Вас наградил совсем особой меткой,
И нет таких, как вы...» Она в ответ
Задумчиво кивала мне эгреткой.
Я продолжал (и резко за стеной
Звучал мотив надтреснутой шарманки):
«Мне хочется увидеть вас иной,
С лицом забытой Богом гувернантки;
И чтоб вы мне шептали: "Я твоя",

Или еще: "Приди в мои объятья".
О, сладкий холод грубого белья,
И слезы, и поношенное платье.
А уходя возьмите денег: мать
У вас больна иль вам нужны наряды...
...Мне скучно всё, мне хочется играть
И вами, и собою — без пощады...»
Она, прищурясь, поднялась в ответ,
В глазах светились злоба и страданье:
«Да, это очень тонко, вы — поэт,
Но я к вам на минуту... до свиданья!»

Прелестницы, теперь я научён,
Попробуйте прийти, и вы найдете
Духи, цветы, старинный медальон,
Обри Бердслея в строгом переплете.

55. СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающнх взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

56

Да! Мир хорош, как старец у порога,
Что путника ведет во имя Бога
В заране предназначенный покой,
А вечером, простой и благодушный,
Приказывает дочери послушной
Войти к нему и стать его женой.

Но кто же я, отступник богомольный,
Обретший всё и вечно недовольный,
Сдружившийся с луной и тишиной?
Мне это счастье — только указанье,
Что мне не лжет мое воспоминанье
И пил я воду родины иной.

57. ЖЕСТОКОЙ

«Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово: друг?
Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанья только женских рук,

Прикосновенья губ стыдливо-страстных
И взгляды глаз нетребующих, да?
Ужели до сих пор в мечтах неясных
Вас детский смех не мучил никогда?

Любовь мужчины — пламень Прометея,
И требует и, требуя, дарит,
Пред ней душа, волнуясь и слабея,
Как красный куст горит и говорит.

Я вас люблю, забудьте сны!» — В молчанье
Она, чуть дрогнув, веки подняла,
И я услышал звонких лир бряцанье
И громовые клекоты орла.

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Бестенных виноградников Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

58. ВЕЧНОЕ

Я в коридоре дней сомкну́тых,
Где даже небо — тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Всё, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

59

Какою музыкой мой слух взволнован?
Чьим странным обликом я зачарован?

Душа прохладная, теперь опять
Ты мне позволила желать и ждать.

Душа просторная, как утром даль,
Ты убаюкала мою печаль.

Ее, любившую дорогу в храм,
Сложу молитвенно к твоим ногам.

Всё, всё, что искрилось в моей судьбе,
Всё, всё пропетое — тебе, тебе!

60. ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шепот, томный взгляд, —
И к упоеньям я приучен,
И к мукам, горше во сто крат.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне,
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

61. ПАЛОМНИК

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
— «Ахмет, Ахмет, тебе ли, старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?
Твое добро враги возьмут сполна,
Тебе изменит глупая жена».

— «Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: "Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про всё, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина"».

— «Ахмет-Оглы, ты лжешь! Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улетал к обители нетленной,
Но он был юн, прекрасен и высок,
И конь его был конь благословенный,
А ты... мы не слыхали о после
Плешивом, на задерганном осле».

Не слушает, упрям старик суровый,
Идет, кряхтит, и злость в его смешке,

На нем халат изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотом, в мешке;
Под мышкой посох кованый, дубовый,
Удобный даже старческой руке,
Чалма лежит как требуют шииты,
И десять лир в сандалии зашиты.

Вчера шакалы выли под горой
И чья-то тень текла неуловимо,
Сегодня усмехались меж собой
Три оборванца, проходивших мимо.
Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной
Смиренного не тронут пилигрима,
И в ночь его, должно быть от луны,
Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы
И Красное пылающее Море
Пред иим свои расстелет багрецы,
Волшебство синих и зеленых мелей...
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,
В одном из тех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах недаром дивно окрылил,

Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятья примет Азраил
И поведет тропою, разрешенной
Для демонов, пророков и светил.
Всё, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

62. Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора,
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны — поэт, чародей,
Властитель вселенной — тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

63

Я до сих пор не позабыл
Цветов в задумчивом раю,
Песнь ангелов и блеск их крыл,
Ее, избранницу мою.

Стоит ее хрустальный гроб
В стране, откуда я ушел,
Но так же нежен гордый лоб,
Уста — цветы, что манят пчел.

Я их слезами окроплю
(Щадить не буду я свое),
И станет розой темный плющ,
Обвив, воскресную, ее.

2 ноября 1911 г.

64. ОСВОБОЖДЕНЬЕ

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным;
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой;
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком, пичиоллой;

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально)... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди назвали убийцей и вором...

Жалко? Но только, как призрак, растаяли стены;
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство;
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... Изгнанник идет завоевывать царство.

65. ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы,
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружью»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защемит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

66. ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким нежданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространства безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи,
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллей.

Там вечером и страшно и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что всё это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травою пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.

67. РОЖДЕСТВО В АБИССИНИИ

Месяц встал; ну что ж, охота?
Я сказал слуге: «Пора!
Нынче ночью у болота
Надо выследить бобра».

Но, осклабясь для ответа,
Чуть скрывая торжество,
Он воскликнул: «Что ты, гета*,
Завтра будет Рождество.

И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота —
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.

Ни один из них вначале
На других не нападет,
Ни укусит, ни ужалит,
Ни лягнет и ни боднет.

А когда, людьми не знаем,
В поле выйдет Светлый Бог,
Все с мычаньем, ревом, лаем
У его столпятся ног.

Будь ты зрячим, ты б увидел
Там и своего бобра,

* Гета — по-абиссински господин.

Но когда б его обидел,
Мало было бы добра».

Я ответил: «Спать пора!»

68

Хиромант, большой бездельник,
Поздно вечером, в Сочельник
Мне предсказывал: «Заметь:
Будут долгие недели
Виться белые метели,
Льды прозрачные синеть.

Но ты снегу улыбнешься,
Ты на льду не поскользнешься,
Принесут тебе письмо
С надушённою подкладкой,
И на нем сияет сладкий,
Милый штемпель — Сан-Ремо!»

24 декабря 1911 г.

1912

69. РОДОС

Памяти М.А.Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзать облака;

В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик, —
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудами книг.

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие — где?»

70. ОТРАВЛЕННЫЙ

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью с улыбкой,
Всё налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат,
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...

И приду к ней, скажу: «Дорогая,
Видел я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края,
И совсем золотой небосклон.

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко — не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня».

71. СОНЕТ

Я, верно, болен: на́ сердце туман,
Мне скучно всё, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман):
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан, весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими, жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! я был убит.

72. НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.

И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный сумасшедший,
На глянцевитую скалу

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клок...
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

73. ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучася, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: не люблю.

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим,
Не смею вернуться в свой дом
И всё говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

74

Фидлер, мой первый учитель
И гроза моих юных дней,
Дивно мне! Вы ли хотите
Лестных от жертвы речей?
Если теперь я поэт, что мне в том,
Разве он мне не знаком,
Ужас пред вашим судом?!

75. УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

...Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки.
Анна Ахматова

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям.
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не всё ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу всё чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет...
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не идет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, — знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате...
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

76. ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней всё счастие мое.

Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

77. ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь».

78

На Дуксе ли, на Бенце ль я, —
Верхом на какаду,
На вечер в доме Вен<т>целя
Всегда я попаду.

79. ГЕНУЯ

В Генуе, в палаццо дожей
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Всё ведут между собою
Вековые разговоры,

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые...
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: «Вы, синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?

Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом».

80. РИМ

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе.

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть.
Они не люди, волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города.

Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки.
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И лик Мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый
Железных римских ночей?!

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап.

81. ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый — Каррары!

Всё спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

82. ОТКРЫТЬЕ ЛЕТНЕГО СЕЗОНА

Зимнее стало как сон,
Вот, отступает всё дале,
Летний же начат сезон
Олиным salto-mortale.

Время и гроз и дождей;
Только мы назло погоде
Всё не бросаем вожжей,
Не выпускаем поводий.

Мчится степенный Силач
Рядом с Колиброю рьяной,
Да и Красавчик, хоть вскачь
Всюду поспеет за Дианой.

Знают они — говорить
Много их всадникам надо,
Надо и молча ловить
Беглые молнии взгляда.

Только... разлилась река,
Брод — словно омут содомский,
Тщетно терзает бока,
Шпорит коня Неведомский.

«Нет!.. ни за что!.. не хочу!» —
Думает Диана и бьется,
Значит, идти Силачу,
Он как-нибудь обернется.

Точно! Он вышел и ждет
В невозмутимом покое,
Следом другие, и вот
Реку проехали трое.

Только Красавчик на куст
Прыгнул с трепещущей Олей,
Топот, паденье и хруст
Гулко разносятся в поле.

Дивные очи смежив,
Словно у тети Алины,
Оля летит... а обрыв —
Сажени две с половиной.

Вот уж она и на дне,
Тушей придавлена конской,
Но оказался вполне
На высоте Неведомский.

Прыгнул, коня удержал,
Речка кипела как Терек,
И — тут и я подбежал —
Олю выводят на берег.

Оля смертельно бледна,
Словно из сказки царевна,
И, улыбаясь, одна
Вера нас ждет Алексеевна.

Так бесконечно мила,
Будто к больному ребенку,
Всё предлагала с седла
Переодеть амазонку.

Как нас встречали потом
Дома, какими словами,
Грустно писать — да о том
Все догадаются сами.

Утром же ясен и чист
Был горизонт; все остыли;
Даже потерянный хлыст
В речке мальчишки отрыли.

День был семье посвящен,
Шуткам и чаю с вареньем...
— Так открывался сезон
Первым веселым паденьем.

18 июня 1912 г.

83. ВИДЕНИЕ

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон):
«Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье».

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий):
«От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слыхал твоего отреченья,
Ты встанешь заутра и встанешь для славы».

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

84. ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонарротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не всё умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым,
И здесь есть свет, и там — иные светы.

А краски, краски — ярки и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал, и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

85. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый,
О, как я безумно его любил,
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай.
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.

Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

86. СКАЗКА

Тэффи

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона
Шестиногого, с рыжей шерстью.

Сам хозяин был черен, как в дегте,
У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.

Жил он скромно, хотя не медведем,
И известно было соседям,
Что он просто-напросто дьявол.

Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Ворон, оборотень и гиена.

Собирались они и до света
Выли у реки Елизабета,
А потом в домино играли.

И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.

Это было еще до Адама,
В небесах жил не Бог, а Брама,
И на все он смотрел сквозь пальцы.

Жить да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.

И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радушно был взят в компанью.

Вот собрались они, как обычно,
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели.

И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.

Только выиграл всё ребенок:
И бездонный пивной бочонок,
И поля, и угодья, и замок.

Закричал, раздувшись, как груда:
«Уходите вы все отсюда,
Я ни с кем не стану делиться!

Только добрую старую маму
Посажу я в ту самую яму,
Где была берлога дракона».

Вечером по берегу Елизабета
Ехала черная карета,
А в карете сидел старый дьявол.

Позади тащились другие,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился...
А тогда уж Адам родился,
Бог спаси Адама и Еву!

87. ПТИЦА

Я не смею больше молиться,
Я забыл слова литаний,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клекот,
Словно звон истлевших цимбал,
Словно моря дальнего рокот,
Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу — когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожат речные,
Озаряемые луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимед,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нежный свет.

Если ж это голубь Господень
Прилетел сказать — Ты готов! —
То зачем же он так несходен
С голубями наших садов?

88. КРЕСТ

Корней Иванович Чуковский, вот,
Попал я к босоногим дикарям.
Кормлю собой их я, и повар сам —
Увы, наверно, выйдет стих-урод.
Корней, меня срамите Вы. Иона
Верней нашел приют средь рыбья лона!
А я, увы, к Чуковскому попав,
Добыча я Чуковского забав.
Ведь кит, усложнивши пищеваренье,
Желудок к твоему не приравнял
И, верно, им совсем не управлял,
Но ты велик: какое несваренье
Тебя сомнет?! Иона будет труп,
Но, кажется, попал тебе, Чуковский,
На зуб, на твой огромный, страшный зуб,
Я — не Иона, я же не таковский.

1913

89

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Всё, что смешит ее, надменную, —
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено
В мой дом спокойствие входило;
Я клялся быть стрелою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся,
        Всегда недвижные качели,
Где даме с грудью выдающейся
        Пастух играет на свирели.

1913г.

90

Никогда не сделаю я так:
Исповедать всем мои привычки. .
Как! Носить клеймо позорной клички —
О самом себе слагатель врак.

Лучше буду я курить табак,
А Мочульский пусть дает мне спички.
И другие птички-невелички
Говорят сонеты так и сяк.

У меня уже четыре книги,
Мальчик и жена — мои вериги.
И не стану я писать сонет,

Любят только дети упражненья.
Если я поэт, то без сомненья
Вам на просьбы я отвечу «нет».

91. ПЕРСЕЙ

Скульптура Кановы

Его изда́вна любят музы,
Он юный, светлый, он герой,
Он поднял голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны
Когда-то страшные глаза,

Черты измученного болью,
Теперь прекрасного лица...
— Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.

Вон ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон,
Туда, туда, за ним победа
Летит, крылатая, как он.

92

Понять весь мир какой-то странный сложным,
Огромною игрушкой сатаны,
Еще не сделанным, где сплетены
Тьма с яркостью и ложное с неложным.

Суровый бард, в боренье с невозможным
Любовь как знамя поднял ты, и сны
У розовой подслушал ты луны,
Что сердце девы делает тревожным.

Едва заслышим мы заветный звук
В твоем органе гулком и протяжном,
Смущается покой наш бледный, вдруг

Каким угрюмым явит мир и важным
Иоанна «Откровенья» голос нам
И вторит, кажется, его словам.

93

Какое счастье в Ваш альбом
Вписать случайные стихи.
Но ах! Узнать о ком, о чем, —
Мешают мне мои грехи.

94. ВИЛЛА БОРГЕЗЕ

Из камня серого иссеченные вазы
И купы царственные ясени, и бук,
И от фонтанов ввысь летящие алмазы,
И тихим вечером баюкаемый луг.

В аллеях сумрачных затерянные пары
Так по-осеннему тревожны и бледны,
Как будто полночью их мучают кошмары
Иль пеньем ангелов сжигают души сны.

Здесь принцы грезили о крови и железе,
А девы нежные о счастии вдвоем,
Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом...

Но дальше, призраки! Над виллою Боргезе
Сквозь тучи золотом блеснула вышина, —
То учит забывать встающая луна.

95. ФЛОРЕНЦИЯ

О сердце, ты неблагодарно!
Тебе — и розовый миндаль,
И горы, вставшие над Арно,
И запах трав, и в блеске даль.

Но, тайновидец дней минувших,
Твой взор мучительно следит
Ряды в бездонном потонувших,
Тебе завещанных обид.

Тебе нужны слова иные,
Иная, страшная пора.
...Вот грозно встала Синьория,
И перед нею два костра.

Один, как шкура леопарда,
Разнообразен, вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков.

Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобравшийся дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролой
Мой дом державный потрясен».

Они ликуют, эти звери,
А между них, потупя взгляд,
Изгнанник бледный, Алигьери
Стопой неспешной сходит в Ад.

96. ВЕНЕЦИЯ

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашней,
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне
— Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы, крылат.

А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубиного хора
Вздох, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?

Крикнул. Его не слыхали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

97. БОЛОНЬЯ

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.

Но вино чем слаще, тем хмельнее,
Дама чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротозеи
В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

98. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

<Первая редакция*>

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг. Могучих волн громаду
Взрывали злобно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел! Как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не открыли бухты необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат!

Но проходили месяцы; обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер, — мне нравились их пятна, —
И то, что прежде было непонятно —
Презренье к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но Дух Земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.

---

* О принципах публикации данного текста см.: комментарий на с. 294. — *Ред.*

Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... И ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль!
Взлетели кости, звонкие как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты задумчиво и строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя;
Но пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и ранил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.

Я не скорблю. Так было надо. Правый
Перед собой, не знаю я обид.
Ни тайнами, ни радостью, ни славой
Мгновенный мир меня не обольстит,
И женский взор, то нежный, то лукавый,
Лишь изредка, во сне, меня томит.

Лишь изредка надменно и упрямо
Во мне кричит ветшающий Адам,
Но тот, кто видел лилию Хирама,
Тот не грустит по сказочным садам,

А набожно возводит стены храма,
Угодного земле и небесам.

Нас много здесь собралось с молотками,
И вместе нам работать веселей;
Одна любовь сковала нас цепями,
Что адаманта тверже и светлей,
И машет белоснежными крылами
Каких-то небывалых лебедей.

Нас много, но одни во власти ночи,
А колыбель других еще пуста,
О тех скорбит, а о других пророчит
Земных зеленых весен красота,
Я ж — Прошлого увидевшие очи,
Грядущего разверстые уста.

Всё выше храм торжественный и дивный,
В нем дышит ладан и поет орган;
Сияют нимбы; облак переливный
Свечей и солнца — радужный туман;
И слышен голос Мастера призывный
Нам, каменщикам всех времен и стран.

<1913>

99. ТРАЗИМЕНДСКОЕ ОЗЕРО

Зеленое, всё в пенистых буграх,
Как горсть воды, из океана взятой,
Но пригоршней гиганта чуть разжатой,
Оно томится в плоских берегах.

Не блещет плуг на мокрых бороздах,
И медлен буйвол грузный и рогатый,
Здесь темной думой удручен вожатый,
Здесь зреет хлеб, но лавр уже зачах.

Лишь иногда, наскучивши покоем,
С кипеньем, гулом, гиканьем и воем
Оно своих не хочет берегов,

Как будто вновь под ратью Ганнибала
Вздохнули скалы, слышен визг шакала
И трубный голос бешеных слонов.

100. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию,
Места, любезные Вергилию,
В благоухающей лимонной
Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данта чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
Ведь ты во всем ее убранстве
Увидел Музу Дальних Странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится,
И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу.

101. СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход,
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Улисса,
Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких нереид
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются и дрожит
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не земле его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если Лето благоприятно,
Если любит меня Господь.

102. ИСЛАМ

О.Н.Высотской

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить дэнди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти». —

Но он, ногою топнув, крикнул: «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?» —

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка».

103. НА ПАЛАТИНЕ

Измучен огненной жарой,
Я лег за камнем на горе,
И солнце плыло надо мной,
И небо стало в серебре.

Цветы склонялись с высоты
На мрамор брошенной плиты,
Дышали нежно, и была
Плита горячая бела.

И ящер средь зеленых трав,
Как странный и большой цветок,
К лазури голову подняв,
Смотрел и двинуться не мог.

Ах, если б умер я в тот миг,
Я твердо знаю, я б проник
К богам, в Элизиум святой,
И пил бы не́ктар золотой.

А рай оставил бы для тех,
Кто помнит ночь и верит в грех,
Кто тайно каждому стеблю
Не говорит свое «люблю».

104. НЕАПОЛЬ

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты;
Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой, и лимоном,
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке;
А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб... Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют
Белобрысые туманы,
Всё хотят и всё не смеют
Выйти в полночь на поляны,
Где седые, грозовые
Скалы высятся венцом,
Где засела малярия
С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве,
Поднимает острый гребень,

Сладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,
Но, как истый лаццарони,
Всё дымит он и храпит.

105. ПАДУАНСКИЙ СОБОР

Да, этот храм и дивен, и печален,
Он — искушенье, радость и гроза,
Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа
И вновь растет, полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из-под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилье!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

106. БРЮСОВ И СОЛОГУБ

Беда пришла для символизма: Брюсов
Решил: «Теперь мне Северянин люб».
Юдоль печали Федор Сологуб
Сказал: «И я не из породы трусов».

Однако столько ж минусов, как плюсов,
В афере этой; с молоком у губ
Игорь Васильич был совсем не глуп,
Сбежал от них и остальных турусов.

Орлы над бездной, где же <простыня?>
Любимая, что, ласково маня,
Открыл под вами Игорь Северянин?

Грозит вам бездна, имя ей просак.
Уж вам друзья Олимпов и Пруссак.
Был символизм и <весь?> от сердца ранен.

107. АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы тут;
В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черный борется бог.

Восточная Африка
1913 г.

108

Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таянье вешнего снега,
Во всем, что гибнет и мудро!

Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупо,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком
В зеленом драконьем болоте,
Живые на стебле тонком,
О, где вы теперь цветете?

Ведь есть же мир лучезарней,
Что недоступен обидам
Краснощеких афинских парней,
Хохотавших над Еврипидом.

109. К***

Если встретишь меня, не узнаешь!
Назовут — едва ли припомнишь!
Только раз говорил я с тобою,
Только раз целовал твои руки.

Но клянусь — ты будешь моею,
Даже если ты любишь другого,
Даже если долгие годы
Не удастся тебя мне встретить!

Я клянусь тебе белым храмом,
Что мы вместе видели на рассвете,
В этом храме венчал нас незримо
Серафим с пылающим взором.

Я клянусь тебе теми снами,
Что я вижу теперь каждой ночью,
И моей великой тоскою
О тебе в великой пустыне, —

В той пустыне, где горы вставали,
Как твои молодые груди,
И закаты в небе пылали,
Как твои кровавые губы.

110. НОЧЬЮ

Скоро полночь, свеча догорела.
О, заснуть бы, заснуть поскорей.
Но смиряйся, проклятое тело,
Перед волей мужскою моей.

Как? Ты вновь прибегаешь к обману,
Притворяешься тихим, но лишь
Я забудусь, работать не стану,
«Не могу, не хочу, — говоришь...

Подожди, вот засну, и наутро,
Чуть последняя канет звезда,
Буду снова могуче и мудро,
Как тогда, как в былые года».

Полно. Греза, бесстыдная сводня,
Одурманит тебя до утра,
И ты скажешь, лениво зевая,
Кулаками глаза протирая:
«Я не буду работать сегодня,
Надо было работать вчера».

111. ЛЕОНАРД

Три года чума и голод
Разоряли большую страну,
И народ сказал Леонарду:
«Спаси нас, ты добр и мудр».

Старинных, заветных свитков
Все тайны знал Леонард,
В одно короткое лето
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король,
Народ сказал Леонарду:
«Отныне король наш ты».

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей,
Поэты победные оды
Не успевали писать.

Когда ж страна усмирилась
И пахарь взялся за плуг,
Народ сказал Леонарду:
«Ты молод, возьми жену».

Спокойный, ясный и грустный,
В ответ молчал Леонард,
А ночью скрылся из замка,
Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик пастух, дремавший
В ту ночь в угрюмых горах,
Говорил, что явственно слышал
Согласный гул голосов.

Как будто орел парящий,
Овен, человек и лев
Вопияли, пели, взвывали,
Говорили зараз во тьме.

112. ДЕЗДЕМОНА

Когда вступила в спальню Дездемона,
Там было тихо, душно и темно,
Лишь месяц любопытный к ней в окно
Заглядывал с ночного небосклона.

И страшный мавр со взорами дракона,
Весь вечер пивший кипрское вино,
К ней подошел — он ждал ее давно, —
Он не оценит девичьего стона.

Напрасно с безысходною тоской
Она ловила тонкою рукой
Его стальные руки — было поздно.

И, задыхаясь, думала она:
«О, верно, в день, когда шумит война,
Такой же он загадочный и грозный!»

113

На вечере Верхаре́на
Со мной произошла перемена,
И, забыв мой ужас детский (перед Вами),
Я решил учиться по-немецки.

114. СТАРЫЕ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, — то, значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.

Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

— «Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка».
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.

— «Отец не хочет... нам со свадьбою
Опять придется погодить».
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам — золотоглавые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

115. РАЗГОВОР

Георгию Иванову

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдье площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам, ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей,
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

«Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет "La p'tite Tonkinoise"[1].

Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, миря их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое.

Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал Всевышний небеса».

---

[1] «Крошка из Тонкина» (фр.). — *Ред.*

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

«Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.
Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом.

Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растеньем или зверем...
Знай, иначе помочь тебе я не могу».

И всё идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И всё спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

116

На ступенях балкона
Я вечером сяду,
Про век Наполеона
Слагая балладу.

И пронесут знамена
От Каэра к Парижу.
На ступенях балкона
Я их не увижу.

117

Мой прадед был ранен под Аустерлицем
И замертво в лес унесен денщиком,
Чтоб долгие, долгие годы томиться
В унылом и бедном поместье своем.

118

Грустно мне, что август мокрый
Наших ко́ней расседлал,
Занавешивает окна,
Запирает сеновал.
И садятся в поезд сонный,
Смутно чувствуя покой,

Кто мечтательно влюбленный,
Кто с разбитой головой.
И к тебе, великий Боже,
Я с одной мольбой приду:
Сделай так, чтоб было то же
Здесь и в будущем году.

119

Кармен худа, коричневатый
Глаза ей сумрак окружил.
Зловещи кос ее агаты,
Сам дьявол кожу ей дубил.

Урод — звучит о ней беседа,
Но все мужчины взяты в плен.
Архиепископ из Толедо
Пел мессу у ее колен.

Над темно-золотым затылком
Шиньон огромен и блестящ,
Распущенный движеньем пылким
Он прячет тело ей как плащ.

Средь бледности сверкает пьяный
Смеющийся победно рот,
Он красный перец, цвет багряный,
Из сердца пурпур он берет.

Она, смуглянка, побеждает
Надменнейших красавиц рой,
Сверканье глаз ее вселяет
В пресыщенность огонь былой.

Кармен худа, коричневатый
Глаза ей сумрак окружил
Зловещи кос ее агаты,
Сам дьявол кожу ей дубил.

Урод - звучит о ней беседа,
Но все мущины взяты в плен.
Архиепископ из Толедо
Пел мессу у ее колен.

Над темно-золотым затылком
Шиньон огромен и блестящ,
Распущенный движеньем пылким
Он прячет тело ей как плащ.

Средь бледности сверкает пьяный
Смеющийся победно рот,
Он красный перец, цвет багряный,
Из сердца пурпур он берет.

Она, смуглянка, побеждает
Надменнейших красавиц рои,
Сверканье глаз ее вселяет
В пресыщенность огонь былой.

В ее уродстве скрыта злая
Крупица соли тех морей,
Где вызывающе нагая
Венера вышла из зыбей.

Гумилев.

В ее уродстве скрыта злая
Крупица соли тех морей,
Где вызывающе нагая
Венера вышла из зыбей.

120

Этот город воды, колоннад и мостов,
Верно, снился тому, кто, сжимая виски,
Упоительный опиум странных стихов,
Задыхаясь, вдыхал после ночи тоски.

В освещенных витринах горят зеркала,
Но по улицам крадется тихая темь,
А колонна крылатого льва подняла,
И гиганты на башне ударили семь.

На соборе прохожий еще различит
Византийских мозаик торжественный блеск
И услышит, как с темной лагуны звучит
Возвращаемый медленно волнами плеск.

121

Над морем встал ночной туман,
Но сквозь туман еще светлее
Горит луна — большой тюльпан
Заоблачной оранжереи.

Экватор спит, пересечен
Двенадцатым меридианом,
И сон как будто уж не сон
Под пламенеющим тюльпаном.

Уже не сон, а забытье,
И забытья в нем даже мало,
То каменное бытие,
Сознанье темное металла.

И в этом месте с давних пор,
Как тигр по заросли дремучей,
Как гордость хищнических свор,
Голландец кружится летучий.

Мертвец, но сердце мертвеца
Полно и молний и туманов,
Им овладело до конца
Безумье темное тюльпанов.

Не красных и не золотых,
Рожденных здесь в пучине тесной
Т<......> что огненнее их,
Тюльпан качается небесный.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта, оговоренный в комментариях. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Если текст ранней редакции коренным образом отличается от окончательного, он воспроизводится целиком. Авторская орфография не исправляется.

2

1 *ПС 1923*	Всё чисто для чистого взора,
5	Пойду я в далекие рощи,
7	Где б ельник корявый и тощий
12	С бескровным, землистым лицом.
14	Заклятьем венца и сумы,
16	Мне снились бы своды тюрьмы.

4

Антология изд-ва «Мусагет»	*без загл.*
1	Я тело в кресла уроню,
40	Я тело в кресла уроню,

9

«Сатирикон»	*без загл.*
2	Выхваляет ее стан и лицо,
20	И над ним насмеялась дочь.

10

«Северные цветы»	*без загл.*
1	Наступала ночь. Догорал камин,

6	В восемьдесят душ был мой караван.
11	Мы рубили лес, засыпали рвы,
17	И в Стране Озер семь больших племен

11

«Грех», автограф	*без загл.*
1 автограф	...Христос сказал: убогие блаженны
6 «Грех»	Христос! Христос! А как же те, другие,
6 автограф	Христос, Христос, но как же те, другие,
7 «Грех», автограф	Чьей мыслью мы живем теперь и дышим,
8 «Грех»	Чьи имена звучат нам, как девизы?
8 автограф	Чьи имена звучат нам, как девизы,

12

подзаг. «Аполлон»	*(Поэма в четырех песнях)*
90	Без тревожных снов не мог уснуть.
109	Сколько их в былом! А в настоящем —
111	Вместо песен тяжкие труды
137	В их рогах гнездится ужас черный,
179	Умный кормщик, рыцарь иль пират.

Песнь четвертая

Мы взошли по горному карнизу
Так высоко за гнездом орла;
Вечер сбросил золотую ризу,
И она на западе легла;
В небе загорались звезды; снизу
Наплывала голубая мгла.

Муза, ты дрожишь, как в лихорадке,
Взор горит и кудри в беспорядке.
Что с тобой? Разгаданы загадки,
Хитрую распутали мы сеть...
Успокойся, Муза, чтобы петь,
Нужен голос ясный, словно медь!

Голосом глубоким и кристальным
Славу тополям пирамидальным
Мы с тобою ныне воспоем,
Славу рекам в блеске золотом,
Розовым деревьям, и миндальным,
И всему, что видим мы вдвоем.

Новый мир, как девушка, невинный!..
Кто ж прольет девическую кровь?
Кто визжаньем пил, как чарой винной,
Одурманит лес еще пустынный,
Острым плугом взрежет эту новь
И заплатит мукой за любовь?

Знаю! Сердце девушек бесстрастно,
Как они, не мучить никому:
Огонек болот отравит тьму,
Отуманит душу шум неясный,
Подкрадется ягуар опасный,
Победитель, к лоту <?> твоему.

Крик... движенье... и потонет в бездне
Той, что ночи Севера беззвездней,
Слишком много увидавший взгляд.
Здесь любовь несет с собой болезни,
Здесь растенья кроют сладкий яд,
И о крови боги говорят.

Но напрасно! Воли человечьей
Не сдержать ни ядам, ни богам!
В глубине пещер, по берегам
Тихих рек, по чащам и по рвам,
Всюду, всюду, близко и далече,
Запоют, пройдут людские речи.

Поднимайся занавес времен
И развейся сумрачная чара!
Каждый павший будет отомщен
Силою возвратного удара,
Зов свобод здесь кинет Вашингтон
И пройдет, как молния, Пизарро.

Девушка, игравшая судьбой,
Сделается нежною женой,
Милым сотоварищем в работе...
Водопады с пеной ледяной,
Островки, забытые в болоте,
Вы для жизни духа оживете!

Друг за другом встанут города,
Там забрызжет детский смех, и деды
Заведут спокойные беседы,
Вспоминая старые года...
Но безумцы, те уйдут туда,
Где еще не веял стяг победы.

Потому что Бог их — Бог измен!
Путник, Он идет над звездным севом,
Он всечасно хочет перемен;
Белизна нагих Его колен,
Вздох, звучащий солнечным напевом,
Снятся только ангелам и девам.

Странный Бог, не ведающий зла,
Честный, как летящая стрела,
Чуждая и круга, и угла,
Стройный Бог с душою пьяной снами,
Легкими и быстрыми шагами
Вдаль и вдаль идущий над мирами!

Голос твой, о Муза, точно рог, —
Он сродни тебе, веселый Бог!
Эти губы алого коралла
Ты когда-то в небе целовала,
Ты уже касалась этих ног
С их отливом бледного опала.

Заповедь его нам назови,
Дай нам знак, что ты пришла оттуда!
Каждый вестник был доселе Иуда.
Мы устали. Мы так жаждем чуда.
Мы так жаждем истинной любви...
— Будь как Бог: иди, лети, плыви!

14

загл.	ТОСКА ПО МОРЮ
автограф 1	
автографы 1, 2	*без посвящ.*
2	Говорю — мои слова так злы,
автограф 2	
3	Ах, когда ж я вновь увижу в море
автограф 1	
3	Ах, когда бы вновь увидеть в море
автограф 2	
8	Ничего в грядущем, кроме звезд.
10	Смог когда-то очень угодить,
автограф 1	
между 12 и 13	Я томлюсь, мне многого не надо, Только — моря с четырех сторон. Не была ль сестрою мне наяда, Нежным братом лапчатый тритон?
16	Грыз ее и бил в глухой тоске!
16	Грыз ее и бил в глухой тоске.
автограф 2	

16

20	И мне всё неможется,
«Русская мысль»	
23	Березку подрытую
«Русская мысль», ПС 1922	

18

автограф	*без загл.*
1	В вазах было томленье умирающих лилий.
3	О Леконте де Лиле мы тогда говорили,
6—9	И читали спокойно, и шептали — «не тот!»
	...Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
	Как кочевницы-звезды, что восходят раз в год.
	Было тихо, так тихо, и пред нами воскресли

21

загл.	WARUM
автограф 2	
автограф 3	*без загл.*
1	Каждый вечер в саду рокотал соловей
3	И томила весна... но она не пришла
9—10	Не себя — я умею забыться грустя;
автограф 2	Не ее — если хочет, пусть будет такой,
9—10	Ни себя... мне отрадно <склоняться?> грустя
автограф 3	Ни ее... если хочет пусть будет такой
11	— Но за что этот день, как больное дитя,
автограф 2	

22

загл.	МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ
автограф 2	
1—2	Какая скучная забота —
	Пусканье мыльных пузырей!
4	Нам карты сдал без козырей.
6—7	А в нас тяжелая тоска...
	Нам без надежды, без волнения
11	Лишь то, что синим углем страсти

23

2	Перед странно-волнующим ликом твоим,
автограф 2	Неизвестность,

5—6 В каждой травке намек на возможность
немыслимой встречи,
Горизонт — обиталище феи всегда светлокрылой,
8 И совсем замирающим голосом вымолвит: «милый».

27

автограф 2 *без загл.*

5 Как дедовской странно кровати
12 Совсем экзотический бог.

28

автограф 3 *без загл.*

2 Не тьма, а мечта немоты
4 А может ночные цветы
8 Во что-то другое... не здесь
9 Но душно мне!.. Я зачарован;
автограф 2
9 Но сладко мне... Я зачарован
автограф 3
10 Ковер подо мной, словно сеть;
автограф 2
12 Смотрю... — а хочу не смотреть.
14—15 И ярче пылание щек...
— То мучит, то нежит лиловый,
15—16 То мучит и нежит лиловый
автограф 3 Лиловый и <нрзб.> цветок.

29

«Аполлон» *без загл.*

1 Еще близ порта кричали хором
10 Тропинку в чаще камыша;
15 Но глаз упрямых не подымая,
18 Лежит любовников былых.

30

«Аполлон»	*без загл.*
5—6	...Да, я понял: образ жизни — не жена, что всегда жива; И не воин с твердым сердцем, не работник, влачащий плуг.

32

Лит. альманах изд-ва «Аполлон»	*без подзаг.*
11	— Был Отелло...
автографы 1, 2	
13	Был ли он вас двух достоин,
15	— Да! Он воин
21	Что ж? Вы слушали влюбленно,

35

Лит. альманах изд-ва «Аполлон»	*без загл.*
загл. автограф	ЗАТВОРНИЦЕ
между строфами 3 и 4	Добровольной затворнице в клетке Ах, своих же затей и тревог, Вам не видно, что движутся ветки, Свежим ветром проносится рок; Что весною так радостны просини, Так нежданны, что сводят с ума, — Ведь для Вашей торжественной осени Есть один только выход, — зима.

36

Лит. альманах изд-ва «Аполлон»	*без загл.*
2 *автограф*	И буду думать лишь о Вас, о Вас.
4 *Лит. альманах изд-ва «Аполлон», автограф*	И вновь душа пьяна, обожжена.
8 *автограф*	На дымный сад взгляну и на луну.
9 *Лит. альманах изд-ва «Аполлон»*	Вот там, у лип, вы мне сказали «да»...
9 *автограф*	Вон там, у клумб, Вы мне сказали «да»...
между 10 и 11 *Лит. альманах изд-ва «Аполлон»*	....
Между 10 и 11 *автограф*	И, задрожав, я кину в небо зов, Пугая лёт ночных часов и сов. — Все ложь: и Бог, и люди, и Змея, Есть только двое — Вы, моя, и я!» ....
11—13	...И вдруг сознанье бросит мне в ответ, Что Вас, любимой, не было, и нет; Что Ваше «да», Ваш трепет, у сосны

41

загл. *автограф*	ARAIGNÉE DU SOIR
1	Вечерний, вдумчивый паук
3	То — «espoir». Но, милый друг,
9—12	Мое — сегодня! На мечту Я дум его не променяю И муки ада предпочту Лишь обещаемому раю.
14	Вольется в трепетные вежды,

43

1—2 Ангел шепчет: «своевольный,
автограф Что ты так уныл,
5 Полно! Разве всплески — речи
10 Темный, древний бор,
16—18 Для вассала — стыд!»
— Так и ночью молчаливой,
Днем и ввечеру

48

9 И обе — на пороге Знанья!
автограф
11 И тайну неги и сгоранья

54

2 Всегда — в поэму, женщину иль запах),
ПС 1923
3 Мне захотелось воплотить свой сон,
7 Где верно жил облезлый старый гном,
11 Открытки, так, чтоб даже Готтентот
13 Она вошла свободно и легко,
16 Будильник звякал злобно, однотонно.
18 Умели воплотить всю роскошь мира,
21—22 — Ах, бог любви, загадочный поэт,
Вас наградил совсем особой меркой,
25—26 Я продолжал (и тупо за стеной
Гудел напев надтреснутой шарманки):

55

«Биржевые ведомости», *без загл.*
«Новое слово»

5—6 Как я часто бросал испытующий взор,
Как я много встречал отвечающих взоров
11—12 И не их ли тоска нам шевелит снега,
Красной кровью не их ли горят горизонты?

56

1—2	Да, мир хорош, как старец у порога,
автограф	Что путника зовет во имя Бога
7	Но кто же я, изгнанник своевольный,
10	Мне это счастье — только обещанье,
12	Что пил я воду родины иной.

58

Лит. альманах изд-ва «Аполлон»	*без загл.*
9	Всё, что пугало, расколдуя,
17	Учил молчать, хотеть, бороться,

60

Лит. альманах изд-ва «Аполлон»	*без загл.*
6—8	Их робкий шепот, томный взор, И к упоеньям их приучен, Меня не дразнит их позор.

61

7	Твой дом, добро враги возьмут сполна,
«Северные цветы»	
13	Где знойный вихрь вздымает горы праха,
строфы 3—8	*отсутствуют*

62

«Русская мысль»	*без загл. и посвящ.*
17	И тихая девушка в платье из красных шелков,

65

посвящ.	*Н.И.Гродекову*
«Русская мысль»	
4	Высоких, старых генералов.
24	Напоминает им о прежнем;

66

Загл. с подзагол.	ПАМЯТИ ИННОКЕНТИЯ ФЕДОРОВИЧА АННЕНСКОГО:
«Аполлон»	*По случаю второй годовщины смерти, исполнившейся 30 ноября*
2	Ведя с собой умы людей,
11	Он вбрасывал в пространство безымянных
28	Из тьмы к прохожему спешит.
33—36	То муза отошедшего поэта, Увы! безумная сейчас, Беги ее: в ней нет отныне света И раны, раны вместо глаз.

70

«Новая жизнь»	*без загл.*
22	Светят белые отсветы дня,

71

11	Огнем заката залитой гранит,
«Биржевые ведомости»	
«Новое слово»	

72

загл.	ОПАСЕНИЕ
«Биржевые ведомости»	
«Новое слово»	*без загл.*

4	Сомлевших в буре берегов.
«Биржевые ведомости», «Новое слово»	
6	Бурун, седой любимец гроз,
8	И грузно грянет на утес.
13	И весел парус, кормчий ловок,

75

2	Я приближаюсь к заветным дверям,
ЧН, «Черное и белое»	
11	Странного зверя, которого нет,
16	И никогда не придет за едой.
22	Вы ж, как всегда, веселы на канате,

79

9—10	С блеском глаз, с улыбкой важной,
«Русская мысль»	Как живые-неживые...
13	Кажется, что будет чудо:

80

4	По праву привет тебе!
автограф	
12—13	Сжигали они города?
	Когда же в царство иное
21	И взор Мадонны вдохновенный,
«Русская мысль»	
21—24	И взор мадонн вдохновенный,
автограф	И храм Святого Петра,
	И всё, что нежно и тленно
	Родилось только вчера!
26	Растут меж дряхлых камней
«Русская мысль»	
25—28	Он будет, вечный и дикий,
автограф	Стоять на семи холмах,
	Покуда звездные лики
	Над ним горят в небесах.
31	Он крепок лишь следом длинных

81

7 Возвращаются мальчики в красном
«Русская мысль»
23 Изогнулся с тоской всегдашней

83

ЕЛПН *без загл.*

5 Выходят из тени, выходят из ночи
18 Ты встанешь наутро, и встанешь для славы».
19—23 И скрылись, как два отступающих света
(В безрадостном мраке два яркие света),
Дневные лучи заиграли по шторам,
Послышалась песня, — и встал истомленный
С надменной улыбкой, с уверенным взором.

84

загл. ФРА АНЖЕЛИКО
«Гиперборей», автограф

6 Но где живет их царство, слава, сила,
9 Пускай велик воздушный Рафаэль,
«Гиперборей»
9 Пускай прекрасен дивный Рафаэль,
автограф
12 Челлини, давший бронзе крылья плоти!
«Гиперборей», автограф
15 А хмель да-Винчи душу замутит,
23—24 Да, он не всё умеет рисовать,
Но то, что он рисует, совершенно.
42 Слетал к нему, одеян ризой красной,

85

«Гиперборей»,	*без посвящ.*
автографы 1, 2	
4	Но было уж поздно, мы шли в полях.
«Гиперборей»,	
автограф 1	
14	Мы спали в кибитках глухих равнин,
17	И вот достигли стены Китая,
20	А мне же сеять мой рис и чай,
между 20 и 21	Мой путь протянулся светло и прямо,
	И мне из беседок цветных у вод
	Прохладных кричали — «Зайди к нам, лама!»
	Но я улыбался и шел вперед.
23	Пред ним я склонился с восторгом тайным,
25—26	И тихо, так тихо над миром дольным
автограф 2	С глазами гадюки, он ныл и ныл
28	О вечном, и воздух вокруг темнил.

86

«Гиперборей»	*без посвящ.*
автограф 1	*без. загл. и посвящ.*
1	На горе, среди того края,
«Гиперборей»,	
автограф 1	
5	Прилетали странные птицы,
«Гиперборей»	
5	Прилетали страшные птицы,
автограф 1	
11—13	У него были острые когти,
«Гиперборей»,	Цепкий хвост под плащем он прятал.
автограф 1	Жил он тихо, хотя не медведем,
33	И радушно был взят в компанью.
36	За игру в домино засели.
37—39	*отсутствуют*
43	А как выиграл, вздулся, как груда:
56	А в то время Адам родился,

87

2	Я забыл слова литургий
автограф	
6—7	Точно звон истлевших цимбал
	Точно моря далекого рокот
11	Словно струи блестят речные,
«Гиперборей»	

91

подзагол.	*Статуя Кановы*
ЕЛПН	
10	Уже прекрасного лица...
11—12	Не манят к смертному безволью,
	Полны печали без конца.
между строфами	Свой путь он подвигами метит,
3 и 4	Но он божественно-хитер,
	И взора ясного не встретит
	Поверженных застывший взор.

94

8	И пеньем ангелов сжигают душу сны.
ПС 1922, ПС 1923	
10	И девы нежные о счастии вдвоем,

95

3	И замки древние над Арно,
автограф	
11	Вот грозно встала Синьория

96

2	Гулко ударили —три.
«Гиперборей»,	
автограф	
4—5	Странник, молчи и смотри.
	Город — как голос наяды

10—12 Завесы черных гондол.
Там, где огни на лагуне —
Тысячи огненных пчел.
19 Чу! голубиного хора
21 Может быть, это лишь шутка,
23—27 Марево? Страннику жутко,
Вдруг — никого, ничего.
Крикнул — его не слыхали —
И, оборвавшись, упал
В звонкие, бледные дали

97

2—3 Нет прекрасней женщин, чем в Болонье!
«Гиперборей» В звездной мгле разносятся признанья,
6 На мгновенье выхватит из мрака —
8 Черный ус, что крутит забияка,
10 А любовь глядит и торжествует...
12 Как дрожит она, когда целует!
14 Дама, чем красивей, тем лукавей!
16—17 И они придут, придут до света,
С мудрой думой о Юстиниане,
23 Но порой и он волочит ноги

99

8 Здесь зреет хмель, но лавр уже зачах.
ПС 1922, ПС 1923
13 Вздохнули скалы, слышен вой шакала

100

посвящение «Гиперборей», автограф *Сергею Городецкому*

7—12 Феррара так легко и просто
Тебе напомнит Ариосто.
Срывай огромную глицинию,
Преследуй ящерицу синюю,
В благоухающей, лимонной

Трущобе стих сложи влюбленный!
14 Когда я полон жгучей ревности,

101

6—7 А земля говорит, поет:
«Гиперборей», автографы 1, 2 «Неужель хоть одна есть крыса

12 Призывающего к игре?»
20 Повидаться с иной судьбой,
между строфами 4 и 5 Но врагам не предам лукаво,
Ни лобзанья Иуды дам
Я пути, что лег величаво,
«Гиперборей», автограф 1 Молчаливо лег по холмам,

автограф 2 Одиноко лег по холмам,
«Гиперборей», автографы 1, 2 И луне, что встала, как слава,
И сияет обоим нам.
25—26 Солнце духа, ах! беззакатно
автограф 2 Не вещам его побороть!
29—30 Если лето благоприятно,
«Гиперборей», автограф 1 Если любит меня Господь!

102

загл. СОНЕТ
автограф *без посвящ.*

4—5 Известный враг христиан на всем Леванте.
И я ему заметил: перестаньте
9 Но он ногою топнув крикнул: бабы,
11 Поддельным признан был на той неделе.
12—13 И прошептал с печалью: мыши съели
Три волоска из бороды пророка.

103

автограф	*без загл.*
2—4	Я лег у камня на горе
	И небо плыло надо мной
	И горы стыли в серебре.
9	И ящер средь горячих трав,
ПС 1923	
11—13	Высоко голову подняв,
автограф	Застыл и двинуться не мог.
	О если б умер я в тот миг,
15	К богам, в Элизиум святой,
20	Не говорить свое — люблю.

104

1	Море, солнце, солнце, море!
«Заветы»,	
автограф	
16	Их увидел сквозь века.
25	Но как птица с трубкой в клюве,
29—31	Облака плывут, как кони,
	Цитра издали звенит,
	Но на славу лаццарони

107

1	Полночь сошла, африканская темень,
ЕЛПН	
6	Кому быть хозяином этих мест;
15—16	Снова дорога пестрым змеем
	Будет ползти с холмов на холмы.

108

3—4	В таянье вешнего снега,
Колчан,	Во всем, что гибнет и мудро.
автограф 2	
16	О, где вы теперь цветете!
Колчан	
20	Хохотавших над Эврипидом.

13—20	*отсутствуют*
автограф 1	

109

автограф 3	*без загл.*
1—2	Если встретишь меня, не узнаешь,
	Назовут, едва ли припомнишь,
5	Но, клянусь, ты будешь моею,
8	Не удастся тебя мне встретить.
16	О тебе в великой пустыне,

110

автографы 1, 2	*без загл.*
1—3	Скоро полночь. Свеча догорела.
автограф 2	О заснуть бы, заснуть поскорей...
	Но смиряйся проклятое тело
4	Перед волей железной моей.
автографы 1, 2	
5	Как ты вновь прибегаешь к обману?
автограф 2	
6—7	Притворяешься тихим; но лишь
автограф 1	Я забудусь: «Работать не стану,
7	Я забудусь — «работать не стану,
автограф 2	
8	Не хочу, не могу», — говоришь...
автограф 1	
8	Не хочу, не могу» — говоришь?
автограф 2	
9	«Подожди, вот засну, и наутро,
автограф 1	
12	Как тогда, как в былые года...»

111

26	В ту ночь в далеких горах,
«Гиперборей»	

112

автографы 1, 2, 3	*без загл.*
2 *автограф 1*	И, трепеща застежки расстегнуть
2 *автографы 2, 3*	Там было тихо, тихо и темно,
3—5 *автограф 1*	В тоске старалась вспомнить что-нибудь Иное — розы, краски небосклона, Могучий мавр, высокий как колонна,
5 *автограф 2*	И черный мавр со взорами дракона
6 *автограф 1*	Ей дерзко руку положил на грудь,
6 *автограф 2*	Весь вечер пивший красное вино,
7—8 *автограф 1*	И на постель осмелился толкнуть И обнажить нетронутое лоно.
7 *автограф 3*	К ней подошел, он ждал ее давно,
8 *автографы 2, 3*	Он не услышит девичьего стона.
9—11 *автограф 1*	Напрасно стон плачевный «подожди» Из полусмятой вырвался груди, В глазах сверкнули слезы... было поздно.
11 *автограф 2*	Его стальные руки... было поздно.
11 *автограф 3*	Его стальные руки, было поздно.
13 *14* *автограф 1*	— О верно в час, когда шумит война Такой же он загадочный и грозный».
14 *автограф 3*	Такой же он загадочный и грозный.

114

43 *«Современник»,* *«Россия в родных песнях»*	Уйти? Но разве любишь новое

115

«Современник» — *без посвящ.*

3 Тогда встает Душа и пляшет, как лунатик,
9 «Ах, хорошо б теперь сидеть в кафе счастливом,
19 Смотреть на бисер звезд; ведь очень небогато
24 Чем усмирить Души мятежной торжество.
29 Пускай ушей и глаз навек замкнутся двери,
31 А после будешь ты растеньем или зверем...

КОММЕНТАРИИ

В творческой биографии Гумилева период с апреля 1910 г. по декабрь 1913 г. отмечен чрезвычайно интенсивными поисками новых идей и форм, позволяющих преодолеть «инерцию» традиций символизма. Это время обретения идейной и поэтической самостоятельности, превращения поэта из «ученика» В.Я. Брюсова и Вяч.И. Иванова в «мэтра» новой, противостоящей символизму литературной школы — акмеизма.

В марте-апреле 1910 г. Гумилев участвует в дискуссии, развернувшейся вокруг докладов Вяч.И. Иванова «Заветы символизма» и А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитанных в московском «Обществе свободной эстетики» и петербургском «Обществе ревнителей художественного слова». Иванов и Блок стремились сформулировать своеобразный «катехизис» обновленного символизма, «теургического символизма», который, по мнению докладчиков, должен вспомнить «о священном языке жрецов и волхвов», обратиться в «ознаменовательное тайновидение прирожденных формам соотношений с высшими сущностями и в священное тайнодействие любви, побеждающей разделение форм, в теургическое, преображающее "Бу́ди".» (Иванов Вяч. И. Заветы символизма // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 189). «Основная мысль — искусство должно служить религии», — резюмировал содержание выступлений Иванова и Блока В.Я.Брюсов (см.: Брюсов В.Я. Дневники. М., 1927. С. 142). «В нашем кругу, у экс-декадентов, великий раскол, — писал тогда же Брюсов П.П.Перцову, — борьба "кларистов" с "мистиками". Кларисты — это "Аполлон", Кузмин, Маковский и др. "Мистики" — это московский "Мусагет", Белый, Вяч. Иванов, Соловьев (имеется в виду С.М.Соловьев. — *Ред.*) и др. В сущности, возобновлен дряхлый-предряхлый спор о свободном искусстве и тенденции. Кларисты (от фр. clair — светлый, ясный; термин "кларизм" вошел в литературный обиход 10-х гг. XX века после выхода статьи М.А.Кузмина "О прекрасной ясности" 1910. — *Ред.*) защищают ясность мысли, слога, образов, но это только форма, а в сущности они защищают "поэзию, коей цель — поэзия", как сказал старик Иван Сергеевич (Тургенев. — *Ред.*). Мистики проповедуют "обновленный символизм", "мифотворчество" и т.п., а в сущности хотят, чтобы поэзия служила их христианству, была бы ancilla theologiae (служанка богословия (лат.). — *Ред.*)» (Печать и революция. 1926. № 7. С. 46).

Судя по сохранившимся материалам, Гумилев с самого начала оказался в оппозиции к «теургам», прежде всего — к Вяч. Иванову (см.: Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская

литература. 1990. № 1. С. 200—207). В апрельском номере «Аполлона» (№ 7) за 1910 г. появилась статья Гумилева «Жизнь стиха», положения которой прямо перекликаются с будущими акмеистическими установками. Одной из важнейших эстетических идей, сформулированных Гумилевым, было положение об отчуждении произведения искусства от его создателя. По мнению Гумилева, «смысл» художественного произведения определяется читателем сугубо произвольно, а потому художник не может и не должен прогнозировать «содержательное» воздействие произведения. В противовес излишне «рациональным», «искусственным» созданиям поэтов, «увлеченных посторонними искусству соображениями» (т. е. — символистов), Гумилев выдвигает идеал стихотворения, которое «должно являться слепком прекрасного человеческого тела», т. е. быть формально совершенным: «Гомер оттачивал свои гекзаметры, не заботясь ни о чем, кроме гласных звуков и согласных, цезур и спондеев, и к ним приноравливал содержание» (ПРП 1990. С. 46).

Если учение о «жизни стиха» может восприниматься как первая попытка Гумилева выстроить антисимволистскую эстетическую программу, то его «философия движения», отразившаяся в произведениях 1910—1911 гг., прежде всего — в поэме «Открытие Америки», явилась приступом к более глубокой мировоззренческой реформации модернистской эстетики. И здесь Гумилев исходным пунктом творческой полемики избрал поэтическую философию Вяч. Иванова.

Мировосприятие Иванова определялось пониманием Хаоса как мирового трансцедентального начала. Созерцая материальный мир, «частные» формы его, Иванов видел всюду единую, «хаотическую» сущность. Если Иванов «проплавлял» (по определению Ф. Ф. Зелинского) образы бытия, то Гумилев, пытаясь сохранить тенденцию к выявлению их «метафизической общности», предпочитал иметь дело с «пластикой мира», не делая попыток заглянуть в область «потустороннего». В ивановском понятии «мирового хаоса» Гумилев выделил *движение* как непременный атрибут любого из явлений и придал ему мистическое значение. Движение, по идее Гумилева, непосредственно доступно нашему восприятию и не является гипотетической дефиницией (как «непознаваемое»). С другой стороны, движение, именно в силу своей «всеобщности», связывает мироздание в некое единство и, следовательно, будучи причастными к движению, мы сливаемся с мировым «целым». Такое понимание «божественности» движения восходило к своеобразно перетолкованному Гумилевым учению Гераклита Эфесского о «космическом огне», которое было использовано и Ивановым при создании собственной символистской эстетики. На особое понимание Гумилевым движения (являющегося в человеческой жизни прежде всего в форме «путешествия», «странствия») обращали внимание многие современники поэта: «Свои дальние путешествия он совершает не поверхностно, он не скользит по землям как дилетант и турист. Нет, Гумилев оправдывает себя особой философией движения, «божественного движения», которое одно преображает косные твари мироздания и всему живому сообщает новую жизнь»

(Айхенвальд. С. 37). В творчестве Гумилева 1910—1911 гг. любое путешествие оказывается актом познания трансцедентальной глубины мироздания. Анализируя эпос «Чужого неба», Ю. Н. Верховский писал, что здесь «под миром вещей вскрывается постепенно ощущение бытия во всей его иррациональности» (Верховский. С. 106). Прежде всего это относится к тем произведениям, которые «проникнуты музыкальным пафосом устремления» — здесь происходит «гармоническое слияние онтологической основы с миром вещей, или, иначе, душевно-музыкального с красочно-пластическим восприятием чувственного мира». Ю.Н. Верховский удачно назвал «поэзию путешествий» у Гумилева — «странничеством духа» (Верховский. С. 106, 111, 136). Знаменательно, что на 1910—1913 гг. приходятся три африканские путешествия Гумилева: в Харар, зимой 1909—1910 гг.; в Аддис-Абебу, в сентябре 1910 — марте 1911 гг.; по Северо-Восточной Африке во главе этнографической экспедиции Академии наук, в апреле-сентябре 1913. Это существенно повлияло, среди прочего, на характер экзотических мотивов в гумилевском творчестве (подробно об этом см.: Давидсон А. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992).

В своей совокупности идейно-поэтические искания Гумилева привели к тому, что в его творчестве 1910 — 1911 гг. все заметнее стала проявляться тенденция к отказу от «заветов символизма»: «ноуменальная» открытость символического творчества заменялась лирическим переживанием «внешнего» мира (своего рода «лиро-эпосом», уже близким будущей акмеистической описательной «вещности»). М. М. Тумповская отмечала, что подобную поэзию «нельзя назвать ни только созерцательной, ни лирической. Лиризм чужд всему поэтическому облику Гумилева. <...> Ощущение самого себя не дано ему непосредственно. Он приходит к нему не сразу, но только через ощущение других вещей» (Аполлон. 1917. № 6—7. С. 68).

«Оппозиционность» по отношению к символизму привела к заметному охлаждению в отношениях Гумилева с «учителями» — Брюсовым (переписка с ним в 1910—1911 гг. постепенно утрачивает «исповедальный» характер) и Вяч. Ивановым. С другой стороны, у Гумилева укрепляются творческие связи с С. А. Ауслендером, М. А. Кузминым, А. Н. Толстым. В 1911 г. в постоянном окружении Гумилева появляются М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич и др. 25 апреля 1910 г. женой Гумилева стала А. А. Ахматова — образовался уникальный союз двух крупнейших русских поэтов XX века.

После длительного перерыва, вызванного путешествием поэта в Африку (сентябрь 1910 — март 1911; в контексте «философии движения» данное путешествие может восприниматься как своеобразный акт «жизнетворчества»), роль Гумилева в литературной борьбе, развернувшейся в начале 1910-х гг. в лагере «новой поэзии», необычайно возросла. С момента возвращения из Африки Гумилев получает «в безраздельное владение» стихотворный отдел «Аполлона» (см.: О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // Мандельштам О. Э. Камень. Л., 1990. С. 244—245 (Лит. памятники)), а через год с небольшим — в октябре 1912 г. — весь литературный отдел (письмо Гумилеву С. К. Маковского с просьбой о заведовании литературным отделом журнала, см.: Неизд.

1986. С. 139). Тем самым завершилась длительная борьба за право определять литературную политику журнала между «старшими» поэтами, главой которых был Вяч. Иванов, и «молодой редакцией», лидером которой являлся Гумилев (см.: Маковский С. К. Николай Гумилев (1886—1921) // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 48). В 1911 г. Гумилев вместе с С. М. Городецким, М. Л. Лозинским, О. Э. Мандельштамом создает литературное объединение, альтернативное символистскому «Обществу ревнителей художественного слова», — «Цех поэтов» (первое заседание состоялось 20 октября 1911 г.). Впоследствии именно в среде «Цеха поэтов» будет сформирована группа «Акме». Другим центром новой художественно-поэтической школы стал романо-германский семинар на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который посещали в эти годы многие поэты «Цеха» (М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, Вас. В. Гиппиус и др.); Гумилев, поступив в 1908 г. на юридический факультет университета, в сентябре 1909 г. перевелся на историко-филологический и с перерывами продолжал обучение вплоть до августа 1914 г., когда его занятиям помешала война.

На протяжении 1910—1914 гг. Гумилев активно сотрудничает в многочисленных периодических изданиях («Русская мысль», «Биржевые ведомости», «Ежемесячное литературное приложение к журналу "Нива"», «Новая жизнь»), альманахах («Северные цветы», «Общедоступный литературно-художественный альманах», «Грех» и др.). Особое место в творческой биографии Гумилева в эти годы занимает, как уже было сказано, сотрудничество в журнале «Аполлон», затем — в журнале «Гиперборей». Последний был создан при непосредственном участии Гумилева в октябре 1912 г. как орган «Цеха поэтов».

Особым явлением в гумилевском творчестве этих лет стали стихотворения, т. н. «караваевского цикла». Альбомы сестер М. А. и О. А. Кузьминых-Караваевых, кузин поэта, были заполнены Гумилевым летом и осенью 1911 г. (в альбоме О. А. Кузьминой-Караваевой два последних стихотворения относятся к лету 1912 г.) в период платонического слепневского романа поэта и Марии Александровны Кузьминой-Караваевой. До середины 20-х годов эти альбомы хранились у матери их владелиц — К.Ф.Кузьминой-Караваевой; в настоящее время местонахождение их неизвестно. Сохранились лишь точные копии альбомов, снятые в январе 1925 г. П.Н.Лукницким. Он же приложил к снятым копиям следующие справки: «Альбом М.А.Кузьминой-Караваевой находится у ее матери. Взят был для переписки А.А.Ахматовой, переписан мною у нее, в квартире. Орфография старая. Переписано всё — точно. <...> Размер страниц альбома 19,5 x 12 см. Переплет альбома — кожаный с затвором». В копии альбома О.А.Кузьминой-Караваевой те же общие формулы повторены с добавлением, что «Переплет альбома — кожаный. Размер страниц альбома 11 x 18 1/4». Копии, снятые П.Н.Лукницким, находятся ныне в ИРЛИ.

Состав альбома М. А. Кузьминой-Караваевой[1]:

Акростих (19)
Warum (21)
Неизвестность (23)
Встреча (25)
Лиловый цветок (28)
Сон (*Утренняя болтовня*) (32)
В Вашей спальне (33)
Затворнице (35)
Сомнение (36)
Память (38)
Борьба (40)
Araignée du soir (41)
Райский Сад (42)
Ангел-Хранитель (43)
Ключ в лесу (44)
Ева или Лилит (46)
Две розы (48)
«Пальмы, три слона и два жирафа...» (52)
«Огромный мир открыт и манит...» (53)
«Я до сих пор не позабыл...» (63)
«Хиромант, большой бездельник...» (68)

Состав альбома О. А. Кузьминой-Караваевой:

АЛЬБОМ или СЛОН. *Акростих* (20)
Мыльные пузыри (22)
В четыре руки (24)
Прогулка (26)
На кровати, превращенной в тахту (27)
Куранты любви (31)
Медиумические явленья (34)
О признаниях (37)
Страница из Олиного дневника (39)
Опять прогулка (45)
Слова на музыку Давыдова (47)
Остров любви (49)
11 июля 1911 г. (50)
Четыре лошади (51)

---

[1] Здесь и далее в скобках указывается номер стихотворения в настоящем издании.

Открытье летнего сезона (82)
Обед в Бежецке (см. т. 6 данного собрания сочинений).

«Караваевские» стихотворения по-разному оценивались современниками: Ахматова считала их «посредственными» (см.: Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 246), Вяч. Иванов — «достаточно удавшимися», хотя и «не безупречными» и «не вполне оригинальными» (См.: Неизданные письма Н. С. Гумилева. Публ. и коммент. Р. Д. Тименчика // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1. С. 67). Стихи «караваевского» цикла, которые вошли в состав «Чужого неба», получили в целом доброжелательную оценку критики. В настоящее время «караваевские» стихотворения часто оказываются объектом изучения историков акмеизма: по мнению Р. Д. Тименчика, в этих стихотворениях ярко сказалось стремление Гумилева к обновлению поэтических средств лирического повествования (Тименчик. С. 177—178).

В апреле 1912 г. издательство «Альциона» выпустило четвертую книгу стихов Гумилева — «Чужое небо» (ЧН), которая, однако, была названа Гумилевым «Третьей книгой стихов» (в подзаголовке). Поэт демонстративно отказывался от первой, ученической, а главное, чересчур «символистской» книги (см.: Кузмин М.А. Н. Гумилев. Чужое небо // Аполлон. 1912. № 2. С. 73; Павловский А.И. Николай Гумилев // БП. С. 9; Лукницкая В. К. Материалы к биографии Н. Гумилева // СП (Тб). С. 27—28).

Состав ЧН[1]:

I

Ангел-Хранитель (43)
Две розы (48)
Девушке (35)
На море (72)
Сомнение (36)
Сон (32)
Отрывок (11)
Тот другой (60)
Вечное (58)
Константинополь (29)
Современность (55)
Сонет (71)
Однажды вечером (18)
Она (76)
Жизнь (30)
Из логова змиева (16)

---

[1] Названия приводятся по оглавлениям книг Гумилева, где они не всегда совпадают с заглавиями внутри книги.

II

Посвящается Анне Ахматовой

Я верил, я думал (62)
Ослепительное (4)
Родос (69)
Паломник (61)
Жестокой (57)
Любовь (73)
Баллада (1)
Укротитель зверей (75)
Отравленный (70)
У камина (10)
Маргарита (9)
Оборванец (77)
Туркестанские генералы (65)

АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

1. Военная (5)
2. Пять быков (6)
3. Невольничья (7)
4. Занзибарские девушки (8)

III

ИЗ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ (переводы: см. т. 7 данного издания. — *Ред.*)

На берегу моря
Искусство
Анакреонтическая песенка
Рондолла
Гиппопотам

IV

ПОЭМЫ

Блудный сын (15)
Открытие Америки (12)

V

Дон Жуан в Египте (одноактная пьеса в стихах; см. т. 6 данного издания. — *Ред.*)

«Последняя книга Н. Гумилева "Чужое небо", — писал В. Ф. Ходасевич, — выше всех предыдущих. И в "Пути конквистадоров", и в "Романтических

цветах", и в "Жемчугах" было слов гораздо больше, чем содержания, и ученических подражаний Брюсову — чем самостоятельного творчества. В "Чужом небе" Гумилев как бы снимает, наконец, маску. Перед нами поэт интересный и своеобразный. В движении стиха его есть уверенность, в образах — содержательность, в эпитетах — зоркость» (Ходасевич В.Ф. Русская поэзия: Обзор // Альциона. М., 1914. Кн. 1. С. 204—205). Высоко оценил книгу Брюсов: «По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева оставляют впечатление работ художника одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники <...>. Надо любить самый стих, самое искусство слова, чтобы полюбить поэзию Н. Гумилева <...>. В "Чужом небе" Н. Гумилев разрабатывает темы, которых ранее не касался, пользуется, и умело, метрами, которыми раньше не писал» (Брюсов В.Я. Сегодняшний день русской поэзии // Рус. мысль. 1912. № 7. Отд. III. С. 19). С. М. Городецкий поддержал акмеистские установки ЧН: «В этой книге много воздуху, много свежести. Это не книга символов, но это книга жизнеспособных образов <...>. Ни мистики, ни магии, ни каббалистики, ни теософии нет в этих стихах» (Речь. 1912. 15 (28) октября). Кратким положительным откликом отметил книгу Вл.И. Нарбут (см.: Новая жизнь. 1912. № 9. Стб. 265—266). Отрицательной была лишь рецензия Бориса Садовского. «О "Чужом небе" Гумилева как о книге поэзии можно бы не говорить совсем, потому что ее автор — прежде всего не поэт», — отмечал рецензент: все стихи в книге «на одном уровне, а это самый дурной знак, указывающий на полную безнадежность автора как поэта». Сопоставив Гумилева с А.А. Фетом (не в пользу Гумилева), Садовской представил автора ЧН как «бездарного стихотворца» (см.: Современник. 1912. № 4. С. 364—366).

На читателей-современников книга произвела благоприятное впечатление. «Дорогой Николай Степанович, — писал Гумилеву И. М. Шапиро. — Собрался написать Вам. Я все время был очень занят и книгами, и разговорами, и лишь на прошлой неделе добрался до Вашего дивного "Чужого неба". Много читал хороших книг, многим приходилось мне восхищаться <...> — но впечатление, произведенное Вашей книгой, и удовольствие, полученное от нее, не уступают самым сильным переживаниям, вызванным различными произведениями» (Неизд 1986. С. 142). «"Чужое небо" освежающим было чтением, — вспоминал о своих студенческих годах В. Вейдле, — для многих, я уверен; помню, что и для меня. <...> Да и кто же нас баловал такой четкостью рисунка, при настоящем лиризме...» (Вейдле В. Петербургская поэтика // СС 1У. С.VI). В статье Ю.Н. Верховского «Чужое небо» оценивалась как «последняя дань» ученичеству, подчеркивалось «переходное» значение книги, но при этом критик признавал, что «эстетизм», свойственный молодому поэту, наполняется иным, «музыкальным» содержанием (Верховский. С. 113). Эту идею в наши дни развил А. И. Павловский: «Будучи книгой <...> переходной, "Чужое небо" содержало в себе немало черт предшествующего этапа, но стих действительно <...> сделался определеннее и намного выше по формальному мастерству. Здесь у Гумилева <...> проявилась столь характерная для его стихов

отчеканенность формы, ее строгость и изящество, а также отчасти наметилось и не менее свойственное стиху Гумилева впоследствии ритмическое своеобразие, в частности, умелое использование стопы как подвижной и выразительной звуковой единицы; он уже стал пользоваться намеренным... пропуском ударений, что сообщало стопе гибкость и воздушность... Пэон придавал стопе подвижность живого голоса, прерывающегося в дыхании, выдающего сдержанное волнение, и таким образом неожиданно и своеобразно усиливал психологизм его лирики, внешне остававшейся “объективной” и эпиграмматичной <...>. В “Чужом небе” <...> есть мотивы <...> которым предстояло <...> определить своеобразие художественного мира Гумилева» (БП. С. 35—36).

Гумилев составлял отделы книги по жанрово-родовому признаку. Так (с известной долей условности), первый отдел представляют преимущественно лирические стихотворения, второй — баллады и стихотворения балладного толка, включая стилизации под песни африканцев (см. коммент. к №№ 5—8), третий — переводы, четвертый — поэмы (эпос) и, наконец, пятый — драматическое произведение. Создается впечатление, что Гумилев задался целью продемонстрировать возможность содержательных и формальных новаций в различных родовых и жанровых литературных образованиях; по крайней мере, при подобном формальном разнообразии, закрепленном архитектоническими особенностями книги, вся она проникнута неким единством мирочувствования. Сам Гумилев писал о «просветленных тонах “Чужого неба”» (В мире отеч. классики. С. 462), что непосредственно ведет к грядущему акмеистическому «мужественно-твердому и ясному взгляду на жизнь». Недаром, хотя «Чужое небо» вышло годом раньше появления акмеистических «манифестов» Гумилева и Городецкого, критики и исследователи видели в стихотворениях, вошедших в книгу, образцы акмеистического творчества: «Вершина гумилевского акмеизма — его сборник “Чужое небо” <...> вышедший еще до официального провозглашения акмеизма. В этом сборнике мы найдем “акмэ” его “объективной” лирики и концентрат его экзотических мотивов и тем...» (Струве Г. П. Творческий путь Гумилева // ССII. С. XIX).

Второе издание сборника «Чужое небо» готовилось в 1918 г. (анонс — в сборнике гумилевских переводов китайской поэзии «Фарфоровый павильон»), но осуществлено не было.

1912—1913 гг. проходят в творческой судьбе Гумилева под знаком создания и утверждения акмеизма. Акмеистическая программа вырабатывалась на протяжении всего 1912 г., начиная с выступления Гумилева на заседании «Общества ревнителей художественного слова» 18 февраля 1912 г. и заканчивая лекцией С. М. Городецкого «Символизм и акмеизм» в «Бродячей собаке» 19 декабря 1912 г. В феврале 1913 г., в № 1 «Аполлона» за 1913 г. появились акмеистические «манифесты» — Гумилева («Наследие символизма и акмеизма») и Городецкого («Некоторые течения в современной русской поэзии. Акмеизм»). Теоретические аспекты акмеизма активно обсуждались на заседаниях «Цеха» (см., напр.: Гиппиус Вас. В. Цех

поэтов // Ахматова А. А. Десятые годы. М., 1989. С. 84), однако единства взглядов достигнуто не было. Общим для всех поэтов-акмеистов было признание необходимости «преодоления символизма» (В. М. Жирмунский), однако рецепты этого «преодоления» предлагались самые различные — от возврата к «примитивизму», «наивному реализму» (см.: Брюсов В. Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894—1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 398; Rusinko E. Adamism and Akmeist Primitivism // Slavic and East European Journal.1988. Vol. 32. Pp. 84—97) до культурологической «вещной» описательности, служащей средством передачи лирического содержания у Ахматовой и Мандельштама (см.: Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.,1977. С. 106—133; Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and World. Oxford, 1995). «Краеугольным камнем» акмеистической эстетики у Гумилева является тезис о «непознаваемости непознаваемого». Главным недостатком символистских доктрин, по мнению Гумилева, явилась «гносеологическая нецеломудренность» — неадекватное реальности представление о возможностях человеческого познания, желание познать мир в его трансцедентальной полноте. В акмеизме высшей ценности символизма — полному знанию — противополагалась другая ценность, порождаемая процессом познания — незнание: «Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, — вот то, что нам дает неведомое... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма» (ПРП. 1990. С. 19). В гумилевской акмеистической эстетике присутствует генетическая связь с агностическими учениями, прежде всего — с учением И. Канта (см.: Зобнин Ю. В. «Кантианские» мотивы в творчестве Н. С. Гумилева (К вопросу о генезисе акмеистической эстетики) // Философские проблемы искусствоведения, теории и истории культуры: Сб. научных трудов. СПб., 1994. С. 50—58). В соответствии с учением Канта, отрицание «тотального знания» символистов вело в творчестве Гумилева к утверждению веры в религиозные ценности и к безусловному их утверждению. Решение проблемы отношения к «непознаваемому» было большим духовным завоеванием Гумилева — это открывало ему путь к творчеству, свободному от гнета неприемлемых для поэта еретических, а порой и прямо кощунственных установок символистской эстетики, ориентированной на «богопознание».

Введение в проблематику акмеизма религиозно-философского аспекта вело Гумилева к переосмыслению задач искусства, которое теперь виделось поэту формой духовного воспитания человека. С этим связана попытка ввести в акмеизм элемент герметических учений, схожих по целям (например, масонское учение о «совлечении Ветхого Адама»). В «акмеистических» произведениях Гумилева 1912—1913 гг. прослеживаются элементы масонской символики: «<...> поэтическая программа позднего Гумилева задумывалась как-то параллельно масонским положениям...» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 35).

В качестве примера «настоящих акмеистических стихотворений» в № 3 «Аполлона» за 1913 г. выступала, в частности, поэма «Пятистопные ямбы» (первая редакция); в это же время Гумилев пытался осуществить отдельное издание «Итальянских стихотворений» — результат поездки в Италию весной 1912 г. Однако следующая книга, собравшая эти и другие стихотворения поэта, созданные в «канун» акмеистического «бунта» против символизма — «Колчан», — вышла только в конце 1915 г.

В данном разделе комментарии к каждому произведению, обозначенные соответствующим номером, начинаются с библиографической справки, в которой перечислены в хронологическом порядке прижизненные публикации с указанием на наличие вариантов и других редакций. Шрифтовое выделение обозначает источник, по которому текст печатается в настоящем издании. Как правило, это последняя авторская публикация (отступления от этого принципа оговариваются в каждом отдельном случае). Затем дается свод важнейших посмертных публикаций в следующем порядке: отдельные издания; альманахи и сборники; журналы; газеты с 1922 по 1997 г. Вслед за печатными источниками указывается наличие автографов, обосновывается датировка и сообщаются сведения о переводах на иностранные языки. Далее освещается творческая история произведения, дается историко-литературный комментарий, а также пояснение (применительно к контексту) малоизвестных реалий.

1910

1. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС 1 - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Русский путь - - ЧН - - ВБП, ошиб. публ. - - МП; Русские поэты серебряного века; Родник (Рига). 1989. № 10 («Посылка» опубл. как отдельное ст-ние).

Дат.: 25 апреля 1910 г. — по времени венчания Гумилева и Ахматовой.

Ст-ние подарено Гумилевым Ахматовой в день их венчания — 25 апреля 1910 г. (см.: Тименчик Р. Д. Николай Гумилев // Родник. 1988. № 10. С. 20—21). В этой связи любопытно замечание Н.Я.Мандельштам о том, что Гумилев «уговаривал Ахматову писать баллады. Ему казалось, что выход из тупика, в который завели символисты, в сюжетной поэзии» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга. Париж, 1978. С. 57). Написано в форме старофранцузской баллады со сложной строфикой, сжатая схема которой дана в «Посылке». «Французская

баллада, — писал Гумилев, — это лирическое стихотворение с определенным чередованием многократно повторяющихся рифм» (ПРП 1990. С. 247). «В стихотворении “Баллада”, — отметил Б. Садовской, — г. Гумилев с упорством циркового жонглера ухитрился нанизать целых девять рифм (леди, победе, наследий, бреде, Андромеде, меди, снеди, камеди, медведи)...» (Современник. 1912. Кн. 4. С. 366). М. А. Кузмин подчеркивал программный характер ст-ния: «Наиболее ценное по значению и новизне есть заявление о юноше Адаме. Этот взгляд юношески-мужественный, “новый”, первоначальный для каждого поэта, взгляд на мир, кажущийся юным, притом с улыбкою всему, — есть признание очень знаменательное и влекущее за собою, быть может, важные последствия» (Аполлон. 1912. № 2. С. 74). Ср. с гумилевским определением «адамизма»: «...мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» (Наследие символизма и акмеизм // ПРП 1990. С. 55); Н. Ю. Грякалова обращает особое внимание на то, что «“адамистическое” мироощущение было с программной ясностью выражено в “Балладе”» (см.: Грякалова Н. Ю. Н. С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Исследования и материалы. С. 119). М. Йованович указывал на присутствие в ст-нии масонской символики: «С точки зрения обращенности акмеизма к масонским идеям вполне закономерной представляется его связь с “адамизмом”; сюжет Адама, по ряду источников — “первого масона”, обыгран Гумилевым <...> в “Балладе”, причем <...> стихотворение выдержано в ярко масонском духе (взаимосвязанность тем Адама и Христа — “младенца”, ведущего людей в “розовый рай”)» (Н. Гумилев и русский Парнас. С. 35).

Ст. 5. — Здесь допускается двоякое толкование: в контексте ст-ния значение слова «чара» может трактоваться как «чаша», что в сочетании с темой странничества позволяет предположить, что речь идет о Святом Граале. Ст. 10. — Как явствует из дальнейших стихов, мотив «розового рая», обретаемого «в пустыне», является реминисценцией библейской Книги Исхода (1, 11). Ст. 14—15. — Андромеда в древнегреческой мифологии дочь царя Эфиопии Кефея, принесенная как искупительная жертва морскому чудовищу за гордыню своей матери Кассиопеи и спасенная Персеем, сыном Зевса и Данаи. После победы над чудовищем Персей взял Андромеду в жены. Их свадьбу пытался расстроить прежний жених Андромеды Финей, однако Персей обратил заговорщиков в камни, показав нападающим на него голову Горгоны Медузы. Упоминание в ст-нии об этом мифологическом сюжете может носить автобиографический подтекст. Ст. 16—25. — Реминисценция из Книги Второзакония, ср.: «Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы <...> тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их <...> ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и тогда воспламенеет на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя. Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов богов их сожгите огнем...» (Втор. 7, 1—5). «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот

уже сорок лет, чтобы смирить тебя <...> Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор, в землю, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, в землю, где масличные деревья и мед, в землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка...» (Втор. 8, 2—9). Ст. 24. — Камедь (другое название — гумми) — древесный сок, смола, сок растений. Ст. 25. — Упоминание медведей как непременных обитателей гумилевской «земли обетованной» позволяет предположить, что в ст-нии возникает мотив Аркадии, символом которой был царь Аркас — сын медведицы. Мотив Аркадии непосредственно подводит к тайным доктринам европейского средневековья, в которых Аркадия играла огромную роль. Ст. 26—30. — В масонских учениях неоднократно возникала трактовка библейского образа Адама в раю как символа цели «вольных каменщиков» — созидания «земного рая». Христос, называвший себя «Сыном человеческим», рассматривался в тайных учениях как типологическое соответствие ветхозаветному Адаму; в Новом Завете о Христе говорится как о «новом Адаме» (1 Кор. 15, 45—49). Ст. 29. — Модернизация эпизода Евангелия от Матфея, повествующего о хождении Христа по водам (Мф. 14, 25—32); образ «младенца-Христа» может соотноситься с трактовкой образа «нового Адама», совлекшего «Адама ветхого», т. е. плотского, смертного. Поскольку ст-ние создавалось одновременно с работой над поэмой «Открытие Америки», не исключено, что источником образа «младенца-Христа», шествующего по водам, явились и подготовительные материалы к поэме: «Штурман Колумба, Хуан де ла Коса, на своей первой карте вновь открытых стран поместил, между прочим, изображение человека, переносящего через море младенца-Христа» (Анучин. С. 239—240). Ст. 31—35. — «Посылкой» в канонической форме баллады позднего средневековья называется заключительная строфа из 4-х или 5-ти ст. Ахматова полагала, что «Посылка» в этом ст-нии перекликается со ст-нием «Она» (см.: Самый непрочитанный поэт... Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. 1990. № 5. С. 220).

2. Общедоступный литературно-журнальный альманах. Кн. I. М., 1911.

ПС 1923, с вар. - - СС II, вар. ПС - - СП (Тб), вар. ПС - - СП (Тб) 2, вар. ПС - - СТ (Пол) - - БП - - СтПРП (ЗК), вар. ПС - - СтПРП, вар. ПС - - ОС 1989, вар. ПС - - Кап 1991 - - СС (Р-т) II, вар. ПС - - Соч I - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир), вар. ПС - - Круг чтения - - Престол - - Изб (XX век) - - Изб 1997, вар. ПС - - ВБП - - МП; Душа любви.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 133).

Мотив «неизвестного короля», «короля-бродяги» в дальнейшем творчестве Гумилева неоднократно возникает как в ст-ниях («Освобожденье», «Стокгольм», «Ольга»), так и в драматургии («Гондла», «Отравленная туника»). Генетически

этот мотив восходит к рыцарским романам «артуровского» цикла, к сказаниям о «семействе Грааль» (образ «короля-рыбака» присутствует в произведениях К. де Труа, В. фон Эшенбаха и др.). Возможно, одним из источников этого мотива у Гумилева явились рассказы о Гаруне-аль-Рашиде из сказок «1001 ночи».

3. ЕАПН. 1913. № 2.

ПС 1922 - - ПС 1923 - - ССП - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - Изб (Кр) - - Ст ПРП (ЗК) - - Ст ПРП - - ОС 1989 - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) II - - Соч 1 - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - ЛиВ - - ЧК - - Круг чтения - - Престол - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Чудное мгновенье: Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988. - - Ст (Куйбышев).

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 133).

Ст. 13—18. — Возможно, речь идет о сказках В. Гауфа «Рассказ о калифе-аисте», «Молодой англичанин» и «Сказка о мнимом принце» (см.: Полякова С. В. Источник одного образа из «Заблудившегося трамвая» Гумилева // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 98). Ст. 21—24. — «Лунная» тема тесно связана у Гумилева с образом Ахматовой (см.: Тименчик Р.Д. Николай Гумилев // «Родник». 1988. № 10. С. 20—22). Эта строфа приводится в стихотворном переводе на англ. язык в книге А. Хейт, в связи со стихотворными портретами Ахматовой у Гумилева и, опять-таки, в связи с трактовкой лунатизма Ахматовой — в «метафизическом ключе» (см.: Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. P. 16).

4. Антология изд-ва «Мусагет». М., 1911, с вар. - - **ЧН.**

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС 1 - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС (Р-т) I - - Изб (X) - - Соч 1 - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русская поэзия начала XX века. М., 1998.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 133).

Ст-ние написано во время свадебного путешествия Гумилева и Ахматовой в Париж весной 1910 г.; на его автобиографический подтекст указывала В. С. Срезневская: «У Ахматовой под строками всегда вполне конкретный факт, хотя и не названный по имени. У Гумилева всегда мечта и фантазия, за которой только близкий, знающий человек может увидеть причину чувств, родивших эту мечту и фантазию. И как всегда, реальность принимает причудливые формы, ощущение разрастается до пределов галлюцинаций и они ведут к бесконечному, к ощущению Смерти, так часто присутствующей в поэзии Гумилева, и рождают

тоску по неизведанному, куда-то влекут, и поэт уходит за ними в мечты о неизвестных ему краях и встречах <...> и вот тревожные строки полнозвучных стихов завораживают слушателя или читателя:

Я тело в кресло уроню —
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго...»

(см.: Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 10). В связи с этим интересно наблюдение А. Наймана: «...смысловая нагрузка "кресла" в стихах Ахматовой всегда — "отдых путешественника"» (см.: Найман А. Опыт прочтения нескольких поздних стихотворений Ахматовой // Ахматовский сб. (1) Париж, 1989. С. 140). Чтение Гумилевым этого ст-ния на заседании «Кружка Случевского» 16 апреля 1911 г. было встречено благожелательно (см.: Азадовский К. М., Тименчик Р.Д. К биографии Н. С. Гумилева: (Вокруг дневников и Альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Рус. литература. 1988. № 2. С. 178—179); о чтении ст-ния автором упоминается и в воспоминаниях В. И. Немировича-Данченко (см.: Воля России. 1924. № 8—9. С. 256). Упоминание ст-ния присутствует и в «Путевых заметках» Андрея Белого, который, путешествуя по Африке вместе с Асей Тургеневой, возил с собою «Чужое небо» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка // Летописи гос. лит. музея. М., 1940. С. 269). Мотивы «Ослепительного» отразились в пародии Белого «Под Гумилева», с предуведомлением: «Автор — восхищенный ценитель африканских стихов Н.С. Гумилева; «Пародия» — добродушная шутка» (цит. по: Русская литература XX века в зеркале пародии. М., 1993. С. 103—104). Высоко оценил ст-ние Ю. Н. Верховский, подчеркнувший, что «мотивы странствий, экзотики, полусказочных стран в "Чужом небе" разрабатываются шире (чем в "Романтических цветах" и "Жемчугах". — *Ред.*) — то интимно и глубоко лично, песенно-элегически, то в красочно-подвижной объективации» (Верховский. С. 99). В ряде критических работ ст-ние приводится как иллюстрация перехода поэта от символизма к акмеизму: «Именно адамовская способность — давать всему имена. Мир Гумилева, будучи миром творимым, естественно, должен быть далек от обыденной жизни. Оттого так часто в его стихах найдем мы картины экзотической природы <...> — "и в море врезавшийся мыс, и одинокий кипарис, и благосклонного Гуссейна"» (см.: Струве Г.П. Н. Гумилев: По поводу выхода его новой книги стихов «Колчан» // Час пик (СПб). 1991. 2 сентября). «Прежде всего мы видим среди акмеистов поэтов, отношение которых к окружающим их предметам и любование ими носит на себе печать <...> романтизма. Романтизм этот, правда, не мистический, а предметный, и в этом его коренное отличие от символизма. Такова экзотическая поэзия Гумилева <...> Гумилев влюблен в эти экзотические предметы

окружающего мира чисто по-земному, но любовь эта насквозь романтична» (Ежов-Шамурин 1925. С. XXVI). Гумилев «нанизывает <...> магические имена арабских сказок в своем "плаче о Леванте" <...> Подходы Гумилева к арабской теме — это именно перебор вокабул, обживание чужих наречий в ожидании героя» (Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 125). Ю. В. Зобнин приводит ст-ние в качестве стихотворного «манифеста» «философии движения» Гумилева (Русский путь. С. 18).

Ст. 1—6. — Ср.:

Мы всё, мы всё переживем,
Что было близко лучшим душам,
И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим.
(В. Я. Брюсов. «Строгое звено»)

Ст. 5—6. — Вероятно, имеются в виду «цепи Гименея», «узы брака»: ст-ние создавалось в первый месяц супружеской жизни поэта. Ст. 8. — Кипарис является, в ряду присущей ему символики, священным деревом Зороастра; возможно, эта деталь пейзажа, выведенного в ст-нии, оказывается символом ницшевской «страны блаженных» — цели путешествия Заратустры («Так говорил Заратустра»). Ст. 13. — Багдад — столица нынешнего Ирака, является местом действия сказок «1001 ночи». Ст. 14. — Синдбад (Синдбад-мореход) — персонаж цикла сказок «1001 ночи», был одним из любимых героев Гумилева, в котором воплощался гумилевский идеал поэта-странника. Ст. 18. — Бассора (Басра) — город на юге Ирака. Ст. 22—24. — Рок (Рух) — сказочная птица персидской мифологии, тождественная египетскому и европейскому Фениксу, гнездящаяся в уединенных местах; обладает мистической силой. Столкновение путешественников, возглавляемых Синдбадом, с птицей Рух — сюжет одной из историй «1001 ночи». Ст. 26. — Джины (джинны) — злые духи мусульманской мифологии, упоминающиеся в сказках «1001 ночи». Ст. 30. — Гарун-аль-Рашид (766—809 гг.) — арабский халиф, прославившийся богатством, щедростью и любовью к приключениям, один из персонажей сказок «1001 ночи». Ст. 32—36. — Смирна (Измир) — город в Турции; упоминание о герое ст-ния как о паломнике (а не путешественнике-туристе) может быть истолковано как намек на «масонский подтекст»: Смирна была местом конвенций одной из высших степеней розенкрейцеров (см.: Богомолов Н. А. Оккультные мотивы в творчестве Гумилева // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 47). Ст. 42. — Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция).

5. Антология изд-ва «Мусагет». М., 1911 - - **ЧН.**

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС 1 - - СП (Волг) - - Сп (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП

- - ОС 1989 - - Изб (М) - - Ст (М-В) - - ШЧ - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Аврора. 1987. № 9.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 113).

Написанные весной 1910 г. в Париже четыре ст-ния — «Военная» (№ 5), «Пять быков» (№ 6), «Невольничья» (№ 7), «Занзибарские девушки» (№ 8), — вошедшие в ЧН под общим названием «Абиссинские песни» (с указанием порядкового номера перед каждой песней), являются оригинальными произведениями Гумилева (Жизнь поэта. С. 109). В критической литературе данные ст-ния отождествляются с «Абиссинскими песнями, собранными и переведенными Н. Гумилевым» (рукопись в архиве М. Л. Лозинского, впервые опубликована: БП. С. 478—483). Вероятно, подобные недоразумения начались уже в 1911 г., так что сам Гумилев, рецензируя «Антологию изд-ва “Мусагет”», счел нужным оговорить: «Четыре абиссинские песни автора этой рецензии написаны независимо от настоящей поэзии абиссинцев» (Аполлон. 1911. № 7. С. 76). Об атрибуции «Абиссинских песен» и переводов см.: Тименчик Р. Д. «Над седою, вспененной Двиной...»: Н. Гумилев в Латвии // Даугава. 1986. № 8. С. 119; Эльзон М. Д. Комментарии // БП. С. 603; Давидсон А. Б. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 137. О причинах подобных контаминаций оригинальной гумилевской поэзии с переводами абиссинского фольклора писал Н. Н. Скатов: «Романтическая мечта есть то, что разлито в мире, чем может быть одержим каждый. Стихов, прямо об этом говорящих, немного, но они есть, свидетельствуя о незамкнутости мира гумилевского романтического героя, казалось бы, столь исключительного. Потому-то, когда поэт писал об Африке, сам угол зрения оказался необычным. Абиссинские стихи стали не стихами об абиссинцах, а, так сказать, стихами абиссинцев (воина, невольника, любовника), довольно условных, конечно, но все же не бесплотных» (СП (Феникс). С. 10). В современной Гумилеву критике «Абиссинские песни» встретили единодушное одобрение. «...В переложениях абиссинских песен Н. Гумилева — яркая красочность и большое мастерство», — отметил В. Я. Брюсов (см.: Русская мысль. 1911. № 8. Отд. III. С. 16). «Необыкновенной свежестью проникнут цикл “Абиссинские песни” Н. Гумилева. Эти четыре песни <...> чаруют своим девственным простодушием», — писал С. М. Городецкий, добавляя, что «пятое» ст-ние (речь идет об «Ослепительном» в «Антологии изд-ва “Мусагет”» — см. коммент. к № 4) — «отравленное сплином, слишком здешнее, петербургское, немощное, особенно на фоне абиссинских песен» (Речь. 1911. 27 июня). «Большинство поэтов, уходивших на зов капризной мечты под “чужое небо”, оставалось под ним чужестранцами, любопытно глазевшими вокруг и излагавшими затем свои наблюдения в стихах, более или менее звучных. Из современных русских поэтов только двое сумели претворить свои блуждания в особый мир,

живущий своей жизнью: Иван Бунин <...> и Николай Гумилев, чьи абиссинские песенки надолго останутся прекрасными образцами "экзотической поэзии"» (Олидорт Б. Литературный четверг // Приазовский край. 1916. 6 октября. № 263). Примечательно, что в советском литературоведении «Абиссинские песни» долгое время служили своеобразной «индульгенцией» для «крамольного» Гумилева, поскольку в них усматривался некий положительно воспринимаемый «социальный» мотив (см.: Павловский А. И. Николай Гумилев // БП. С. 37). В годы легализации творчества Гумилева в СССР акценты в трактовке ст-ний несколько сместились в сторону поиска в конкретике изложения первых элементов акмеистической «вещности»: «В них, в отличие от других стихотворений, много сочных реалий — бытовых, социальных. Исключение понятное. "Песни" творчески интерпретировали фольклорные произведения абиссинцев. В целом же путь от жизненного наблюдения к образу у Гумилева очень непростой» (Смирнова Л. А. «Припомнить всю жестокую, милую жизнь...» // Изб (М). С. 18—19).

Ст-ние навеяно событиями итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. Подробнее о реалиях, встречающихся в ст-нии, см.: Лебедев В. Нетерпенье достичь Харэр (По маршруту путешествия в Эфиопию поэта Николая Гумилева) // Вокруг света. 1988. № 2. С. 35—37.

Ст. 1. — Дурро — травянистое растение рода сорго, семейства злаковых; употребляется в пищу в виде крупы или муки. Ст. 2. — Смоква — инжир. Ст. 5—8. — Описываются события, связанные с победой абиссинских войск негуса (императора) Менелика II над итальянцами в битве при Адуа (1896 г.). Рас (князь) Маконен (совр. — Мэкконын), двоюродный брат Менелика II и правитель провинции Галла (бывшего Харэрского султаната, завоеванного Менеликом II), возглавил авангард стотысячной абиссинской армии и разгромил крупный отряд итальянского экспедиционного корпуса. Наряду с войсками из Харэра (стар. наименование — Харрар) в армии абиссинцев находились отряды из города Аксум, одного из старейших городов (бывшей столицы Аксумского царства), располагавшегося на северных территориях Эфиопии в I—VII вв., и из провинции Тигрэ. Ст. 19—20. — Ашкер — солдат; здесь — самый храбрый солдат императора. В Эфиопии до сих пор существует культ лошадей; боевым кличем воинов Менелика II служило не имя императора, а кличка его лошади — Аба Данья (дословно: Отец-Судья).

6. Антология изд-ва «Мусагет». М., 1911. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - СтПРП (ЗК) - - Ст ПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - Ст (М-В) - - ШЧ - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 113).

См. коммент. к № 5.

Ст. 7. — Крааль — кольцеобразное сооружение, сочетающее в себе жилые постройки и загон, которое возводили племена Южной и Восточной Африки.

7. Антология изд-ва «Мусагет». М., 1911 - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - Ст (М-В) - - ШЧ - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-Т) I - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Трифонов 1962 - - Декадентская литература - - Трифонов 1971 - - Трифонов 1980 - - Трифонов 1987 - - Мысль, вооруженная рифмами. Л., 1987 - - Русская литература XX века. Дооктябрьский период: Хрестоматия. - - Л., 1991; Аврора. 1987. № 9; Лит. газета. 1967. 22 марта.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 113).

См. коммент к № 5. Данное ст-ние трактовалось в советском литературоведении как свидетельство «антиколониальных» настроений Гумилева и в какой-то мере служило поводом для частичной «реабилитации» наследия поэта: «Прославляя открывателей и завоевателей дальних земель, Гумилев все же не всегда закрывал глаза на судьбы покоряемых ими народов. Свидетельством тому служит “Невольничья” <...> (в ней невольники мечтают пронзить ножом тело угнетателя-европейца) ...» (История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Л., 1983. С. 697). В монографии А. Давидсона «Муза Странствий Николая Гумилева» (М., 1992) дана обстоятельная характеристика взглядов и настроений Гумилева в эпоху его африканских путешествий. Метрическую характеристику ст-ния см.: Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха. Л., 1987. С. 372—373.

8. Антология изд-ва «Мусагет». М., 1911. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - ШЧ - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - Сп (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Дат.: май 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 113).

См. коммент. к № 5. Ю. Н. Верховский писал: «Тронутые стилизацией “Абиссинские песни” полны одушевления, а в “Занзибарских девушках” подымаются до высокой эпической простоты» (Верховский. С. 109).

Ст. 2. — Каир — столица Египта, находящегося к северо-западу от Эфиопии. Ст. 3. — Занзибар — государство Восточной Африки, расположенное на островах и береговой полосе материка. Ст. 5—8. — Габеш — административный центр Тунисской провинции (помимо того — арабское название Абиссинии); Сомали — страна Восточной Африки, граничившая с Абиссинией; Каффа — лесистая горная страна на юге Абиссинии (другое название — Гомара). Ст. 15. — Сенаар — область в центральной части Судана, в бассейне Голубого Нила.

9. Сатирикон. 1910. № 31 (31 июля), с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП (Волг) - - Сп (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП (Ир) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - Родник (Рига). 1988. № 10.

Дат.: не позднее 31 июля 1910 г. — по дате публикации.

По свидетельству Ахматовой, поводом для создания ст-ния послужил сон, приснившийся ей после оперы Ш. Гуно «Фауст» (см.: Haight A. Letters from Nikolay Gumilyov to Anna Akhmatova. 1912—1915 // Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. № 118. P. 101). Сама Ахматова писала: «Мне в юности приснился страшный сон, будто кто-то (правда, не помню, кто) мне говорит: "Фауста вовсе не было — это все придумала Маргарита... А был только Мефистофель..." Не знаю, зачем снятся такие страшные сны, но я рассказала мой сон Н<иколаю> С<тепановичу>. Он сделал из него стихи. Ему была нужна тема гибели по вине женщины — здесь сестры» («Самый непрочитанный поэт»: Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. 1990. № 5. С. 222). Высоко оценил данное ст-ние Ю. Н. Верховский, противопоставлявший его ранним гумилевским балладам (в частности, «Семирамиде») как пример «пробуждения» и «освобождения» в эпосе Гумилева «душевно-музыкального начала»: «...баллада о Маргарите полна одушевления, полна живописной и звуковой гармонии» (Верховский. С. 96). Ср.: «Самой близкой из баллад "Чужого неба" к более раннему типу баллад Гумилева является "Маргарита", <...> хотя и здесь намечается значительная разница. В более ранних балладах элемент фантастики принимается безоговорочно, а здесь он представляется в ироническом свете, благодаря намеку на то, что Фауст далеко не обладатель тайных знаний и услуг Мефистофеля, а просто обыкновенный соблазнитель» (Sampson E.D. Nikolay Gumilev. Boston, 1979. P. 90). Метрическим особенностям баллады посвящена работа В.С. Баевского: «Гумилев делает <...> шаг в расшатывании силлабо-тоники, создавая стих, который <...> теперь обычно называют тактовиком. <...> Нужен значительный художественный вкус, чтобы стих не развалился. Гумилев достигает цельности, тактично перемещая менее строго ритмизированные стихи с более строгими в

отношении ритма» (Н. Гумилев и русский Парнас. С. 72). Н. Богомолов указывал на влияние данного ст-ния на одноименное ст-ние Б. Пастернака из «Тем и вариаций» (см.: Богомолов Н. А. Читатель книг // Соч I. С. 15).

Ст. 1—8. — Валентин и Маргарита — брат и сестра, персонажи первой части трагедии И.-В. Гете «Фауст»: в отсутствии Валентина Маргариту соблазнил Фауст, который покорил ее, помимо прочего, богатыми дарами. Шкатулки с драгоценностями (в опере — одну шкатулку) доставлял Маргарите спутник Фауста — злой дух Мефистофель. В оперной традиции Мефистофель представлялся насмешливым кавалером в красной одежде. Ст. 15. — Марта — соседка Маргариты, выполнявшая роль сводни. Ст. 19. — Риголетто — придворный шут, персонаж драмы В. Гюго «Король забавляется», которая послужила источником для либретто оперы Дж. Верди «Риголетто», соперничавшей по популярности с «Фаустом» Гуно. Сюжет оперы строится на истории безответной любви дочери Риголетто Джильды к соблазнившему ее герцогу. Ст. 21—24. — Вернувшись из похода, Валентин, желая отомстить за честь сестры, вызвал Фауста на дуэль и был убит из-под руки Фауста Мефистофелем. Сцена дуэли — один из кульминационных моментов оперы.

10. Северные цветы: Альманах. М., 1911. с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 — СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - Ст (XX век) - - Ст (М-В) - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) I - - Изб (X) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - СП (К) - - ЛиВ - - Круг чтения - - Carmina - - Престол - - Изб (XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Трифонов 1962 - - Декадентская литература - - Трифонов 1971 - - Трифонов 1980 - - Акме - - В мире отеч. классики - - Трифонов 1987 - - Русская поэзия начала XX века. Дооктябрьский период. М., 1988 - - Ст (Куйбышев) - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии. М., 1993 - - Русская поэзия «серебряного века», 1890—1917. М., 1993 - - Акаткин - - Лазаренко (с опеч.); Новый мир. 1986. № 9 - - Лит-ра в школе. 1990. № 5.

Дат.: осень 1910 г. — по датировке В. К. Лукницкой (СП (Тб). С. 477).

Перевод на англ. яз («At the Fireside») — Modern Poems from Russia, translated by Gerald Shelley. London, 1942 (перепечатка этого изд.: Westport, Connecticut, 1977). P. 15—17; перевод на франц. яз. — Antologie de la Poèsie Russe. La Renaissance du XX-e siècle: Introduction, traduction et notes par N. Struve. Paris, 1970. P. 166—169.

Ахматова в «Заметках» о творчестве Гумилева сказала о «страшных стихах в "Чужом небе"», которые поэт прислал ей «с дороги в Африку» (см.:

Новый мир. 1990. № 5. С. 220). В. С. Срезневская, «дешифруя» биографический подтекст лирики поэтов-супругов, писала: «Она (Ахматова. — *Ред.*) читала стихи, гораздо более женские и глубокие, чем раньше. В них я не нашла образа Коли. Как и в последующей лирике, где скупо и мимолетно можно найти намеки о ее муже, в отличие от его лирики, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, сквозь его увлечения и разнообразные темы маячит образ жены. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая "злое торжество":

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Это стихотворение ("У камина") сто́ит того, чтобы процитировать его в подтверждение моих высказываний, основанных не только на впечатлениях, но и на признаниях и фактах» (О Анне Ахматовой. М., 1991. С. 8). На то, что в ст-нии нашла отражение «драма разрыва» Гумилева с Ахматовой, указывал С. К. Маковский (см.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 63—64). Современники отмечали метрическое своеобразие ст-ния: «Гумилев <...> делает быстрые и успешные завоевания в лирике»; «Его стихи становятся все интересней и по форме, и по содержанию. Одно из напечатанных им стихотворений останавливает внимание новизной ритмов. Эта новизна достигается применением двух пэонов третьих в строчке двустишия, контрастированным применением пэона первого в первой половине второй строки» (Белый А. Десять лет «Северных цветов» // Рус. мысль. Кн. X. Отд. III. С.24). На эту же особенность ст-ния указывает В.С. Баевский: «В обоих стихах на месте паузы пропущен безударный слог. Если бы пропуска не было, слышался бы напевный шестистопный хорей, как писали в XIX в.» (Н. Гумилев и русский Парнас. С. 71). Н. А. Богомолов отмечал зависимость от «римтической структуры» данного ст-ния «баллад двадцатых годов, интонации Н. Тихонова» (Соч. 1. С. 14). Метрические новшества Гумилева были встречены в штыки современными ему критиками-традиционалистами: Л. Вас-ий (Л. М. Василевский) назвал альманах «Северные цветы», в котором помещалось ст-ние, «отрыжкой старого декадентства», а гумилевкую балладу — «вычурной и сочиненной», сравнив ее с «Неуместными рифмами» З. Н. Гиппиус (Речь. 15 апреля 1911 г.). Сохранились свидетельства о чтении Гумилевым этого ст-ния на заседании «Кружка Случевского» 16 апреля 1911 г. (см.: Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 178—179). Ю. Н. Верховский писал, что «при чтении... "У камина" нельзя не вспомнить поэзии Анны Ахматовой <...> опять-таки эти сближения — в области *музыкальной* конечно» (Верховский. С. 108). С.И. Чупринин обращался к данному ст-нию для иллюстрации своей концепции «сновидческой», «фантастической» природы гумилевского творчества: «Стоит только дать волю грезе — и начинается

карнавальная смена то ли масок, то ли жребиев...» (ОС 1989. С. 14), а для И.А. Панкеева это ст-ние знаменовало «новый этап» в трактовке поэтом «экзотического», «конквистадорского» начала, т. е. переход к акмеистическому творческому методу (см.: Изб (Слов). С. 24).

В названии ст-ния возможен намеренно-иронический контраст с пушкинскими стихами: «...Завтра, Нина, / Завтра, к милой возвратясь, /Я забудусь у камина, / Заглядусь не наглядясь» («Зимняя дорога»). Ст. 17. — Вероятно, имеется в виду страна Сидамо — изобилующая озерами территория на Юго-Западе Абиссинии, на которой проживали народы сидамо, гимирра, каффа и др. О стране Сидамо упоминается в ст-нии «Африканская ночь» (№ 107). Ст. 25—26. — Цитируются в стихотворном переводе А. Хейт, которая связывает эти строки с письмом Гумилева к Ахматовой «по дороге в Абиссинию» (Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. P. 17).

11. Грех: Сборник рассказов, стихотворений и статей. М., 1911, с вар. - - **ЧН**. ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - Ст (Пол) - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб (М) - - СС (Р-т) I - - Ст (М) - - Изб (X) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП (Ир) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст (Яр) - - Изб (XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - Ст 1995 - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Акме - - Душа любви.

Автограф с вар. и другой строфикой (пять, пять и три ст.) — в собрании М. С. Лесмана.

Дат.: не позднее ноября 1910 г. — по времени публикации.

Перевод на англ. яз. — SW. P. 53.

«Гумилев находит силы на мгновенье остановиться, остановиться в разгаре хлопот, чтобы задуматься о правомерности только что рожденного лирического героя — "сильного, злого, веселого", — писала И. Винокурова. — Правомерности с точки зрения традиции, не литературной, конечно, а христианской. Стихотворение "Отрывок" отражает эти раздумья. Резко выделяясь медлительной, тяжелой интонацией на фоне брызжущих весельем стихов "Чужого неба", стихотворение как бы дает толчок той неприметной поначалу, но неуклонной переориентации, что происходит в поэзии Гумилева» (Новый мир. 1990. № 5. С. 254—255). В том же духе трактовал ст-ние В.Л. Полушин, выявляя в нем «философские размышления о том, что за славу и величие на земле надо платить» (ЗС. С. 20—21). «Здесь сталкивается несколько острых тем, и задан вопрос, оставленный без ответа. В начале звучит религиозная тема, она же — и тема этическая. Здесь изображены два пути — путь религиозно-нравственного совершенства и путь творчества ценностей культуры. Эти пути противопоставлены друг другу. <...> Кроме основных тем, здесь введена тема рыцарства, а кроме того, упоминается

имя Беатриче. Не есть ли это имя для поэта наряду с прочими значениями — символ христианской культуры? <...> Упоминание о Беатриче связывает здесь тему культуры с любовной лирикой, что в плане художественного мировосприятия Гумилева представляет интерес. Повторяем: заданный здесь вопрос оставлен без ответа, но все творчество Гумилева есть именно попытка найти ответ на этот вопрос» (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 387). С. Л. Слободнюк видел в ст-нии реминисцентные переклички с произведениями Ф. Ницше — «Возникает впечатление, что мы читаем мини-конспект "Антихриста"» (Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992. С. 135—136) — однако, оговаривал при этом, что, по его мнению, ст-ние Гумилева является «игровым текстом», призванным «профанировать» источник, показать логическую несостоятельность трактата Ницше (там же).

Ст. 1—5. — Вольный пересказ Гумилевым начала Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5, 3—12). Искажения слов Христа (подмена «нищих духом», «кротких» — убогими, физически ущербными и т. п.) в сочетании с обостренным вниманием к теодицее христианства отсылают к антихристианским трактатам Ф. Ницше «Утренняя заря», «Генеалогия морали», «Антихрист». Ст. 3. — Реминисценция (может быть, невольная) из «Демона» М. Ю. Лермонтова; ср.: «Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвездные края». Ст. 4. — Мотив Христа как небесного шефа рыцарства восходит к средневековым легендам, связанным с поиском Чаши Грааль (см.: Мифологический словарь. С. 237). Ст. 11. — Беатриче — героиня произведений Данте Алигьери, выступающая как «софийный» образ человеческого существа; в «Божественной комедии» является небесной спутницей Девы Марии. Ст. 13. — Образ «площадного шута» в сочетании с именем Байрона, возможно, имеет источником отрывок из письма А. С. Пушкина П. А. Вяземскому (6 ноября 1825 г.): «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

12. Аполлон. 1910. № 12, с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС 1 - - СП (Волг) - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - СП (Феникс) - - Изб (Кр), вар. 1910 с опеч. - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - Изб (М) - - Ст (М-В) - - ШЧ - - Изб (Слов) - - Кап 1991 - - СС (Р-т) 1 - - Изб (Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СП (XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб (XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 26 окт. 1910 г. — по датировке Н. А. Богомолова (Соч. 1. С. 511).

Поэма создавалась Гумилевым в 1910 г. Посылая 26 октября из Порт-Саида рукопись поэмы С. К. Маковскому, Гумилев писал: «В поэме я принимаю заранее все изменения, сделанные Вами, вместе с Кузминым и Вячеславом Ивановичем (Ивановым. — *Ред.*). Я прошу о них» (Неизвестные письма Н. С. Гумилева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. № 1. Т. 46. С. 64). 5 ноября в письме Вяч. И. Иванову Гумилев спрашивал мнение о поэме и сообщал, что «4 песнь написана целиком в Средиземном море» (Неизд 1986. С.123). Печатно на выход поэмы откликнулся только М. А. Кузмин: «Новые книги Гумилева разнообразнее, может быть, по рифмам и строфам, причем в этом последнем отношении весьма примечательна поэма "Открытие Америки", где каждая строфа — из 6 строк с двумя рифмами, причем четырнадцать строф каждой песни исчерпывают всевозможные комбинации двух рифм в шести строчках» (Аполлон. 1912. № 2. С. 74). На формальные изыски поэмы обращал внимание и К. И. Чуковский (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 136). Стиховедческий анализ осуществлен В. С. Баевским: «Создается впечатление, что поэт одновременно решал и художественную задачу, и математическую задачу на перестановку шести элементов множества, состоящую из двух подмножеств по три элемента в каждом, причем три элемента каждого подмножества считаются неразличными между собой» (Баевский В. С. Николай Гумилев — мастер стиха // Исследования и материалы. С. 95). Особенности поэтики и идеологии поэмы критики тесно увязывали с принципами акмеизма, провозглашенным в год выхода «Чужого неба». Уже Кузмин, цитируя ст. 5—6, называл «симптоматичными» заявления о «принятии мира» автором «Открытия Америки» (Указ. соч. С. 73). «Выражая <...> свое приятие мира, — комментировал Г. П. Струве ст. 11—12, — Гумилев, однако, принимает его не объективно. <...> Для него даже не существует мира обычной, повседневной действительности. Мир Гумилева — это мир, преображенный его творческой волей...» (цит. по: Час пик. 1991. 2 сентября). О формирующемся в поэме «новом миросозерцании» писал В. И. Нарбут: «Эти строки <...> говорят о вечном, простом и ясно понятом Н. Гумилевым мире» (Новая жизнь. 1912. № 9. С. 266). Ю. И. Айхенвальд более подробно сформулировал «новое миросозерцание» Гумилева, дав ему название «философии движения» (см.: Айхенвальд. С. 37).

О том же, хотя и совершенно иначе оценивая поэзию Гумилева, писал Н. И. Ульянов: «Кроткого, любящего Иисуса не встретишь на его страницах; всюду могучий и грозный Саваоф — повелитель титанических сил, похожий на вавилонского Баала-Мардука или на германского Одина. <...> Но всё это больше дань эстетике. Если искать у него что-то похожее на религиозное мировоззрение, то это будет скорее пантеизм, что-то близкое к религии Спинозы, Ницше, Дарвина <...> Не Космосом ли именуется божество, которому поются эти строки? Это в его неисповедимых силах и бесконечных превращениях — тайна, мудрость и святость мира, в котором нет ни добра, ни зла» (цит. по: Человек. 1990. № 1. С. 175—176). В общем, как бы ни оценивали критики «философию движения», положения которой сформулированы в первой песне поэмы, везде утверждалась связь ее с будущей идеологией «адамизма», свойственной гумилевскому акмеизму: «Даже если официальное провозглашение акмеизма как такового еще не состоялось к этому времени — многие критики считают "Чужое небо" вершиной гумилевского акмеизма. Достаточно назвать <...> поэму "Открытие Америки", развивающую героический пафос "Капитанов": цит. ст. 5—6. — *Ред.*» (Вагин Е. Поэтическая судьба и миропереживание Н. Гумилева // Беседа. 1986. № 4. С. 181). Особое внимание привлекал герой поэмы: «Гумилев рисует Колумба самым бодрым, самым смелым неутомимым открывателем, следующим в Неизвестное за Музой Дальних Странствий. <...> Колумб уверенно ведет "стадо оробелое свое" в "новый мир", в иное бытие, и воле его нет преград: (цит. ст. 157—162. — *Ред.*) <...> Колумб для Гумилева человек, жаждущий славы и желающий утвердить свою волю» (Натова Н. Образ Америки в русской поэзии // Записки русской академической группы в США. Т. X. Нью-Йорк, 1976. С. 238—239). В том же духе оценивали гумилевскую трактовку образа Колумба и представители «вульгарного социологизма»: «Сильная личность, воин, решительно расправляющийся со всякими бунтовщиками и "дикарями", держащий своих подчиненных в твердых руках — вот его герой. Таким ему представляется и образ великого Колумба. В поэме "Открытие Америки" поэт идеализирует этот образ (цит. ст. 127—138. — *Ред.*)» (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 128). Некоторые исследователи были склонны видеть в поэме гумилевское ви́дение «нео-романтического» героя: «Колумб Гумилева <...> близок к романтическим "мятежным героям" Лермонтова» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 123). В статье Е. Томпсон подвиг Колумба рассматривается как подвиг романтического героя, бросающего вызов миру, хотя и получивший «неожиданное разрешение» (Thompson E. Some Structural Patterns in the Poetry of N. Gumilev // Welt der Slawen. Bd. 19—20, 1974. P. 337—348). «Колумб Гумилева — персонаж, несомненно, с романтической генеалогией. Но вопрос не ограничивается одним Колумбом. Разочарование, по выражению самого поэта, "презренье к миру и усталость снов" ностальгическим мотивом проходят через сборники "Колчан" (1916) и "Костер" (1918)» (Папля Э. Homo peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. P. 218). «Может быть, впервые во

внутреннем облике героя нет гармонии, — замечает Л. А. Смирнова. — Сравним внутреннее состояние Колумба до и после путешествия <...>. Аналогия с устремлениями художника безусловна и грустна. <...> Пора юношеских иллюзий прошла» (Изб (М). С. 17).

Полемика велась и вокруг жанровой специфики поэмы в контексте акмеистической жанровой традиции. «Новую поэзию, — писала об акмеизме Л. М. Рейснер, — <...> часто и не без основания упрекают за слишком узкое понимание художественных задач. Казалось странным, что эстетическая школа, объявив войну целому ряду других направлений (символизм, футуризм), сама в деле осуществления своих принципов не пошла дальше чисто лирической формы словесного письма. Эпос и драма — "большое искусство" — оставались в стороне, а вся тяжесть нового миросозерцания, целый ряд тем исторических и философских — оказались втиснутыми в хрупкие сонеты, рондо и канцоны. Перегруженный содержанием и ограниченный в объеме стих утратил свою нечаянную легкость, и чтобы не лишиться ясности и простоты, заменил художественную последовательность — схемой и логикой рациональной. Правда, уже делались попытки к исправлению этой досадной односторонности. "Открытие Америки" и "Пятистопные ямбы" Гумилева — первые большие вещи (акмеизма. — *Ред.*), переход от сгущенной миниатюры к чему-то большему» (Летопись. 1917. № 5/ 6. С. 363). Как об образчике «акмеистического лироэпоса» говорит об «Открытии Америки» О. Ильинский: «...в теме Музы Дальних Странствий важен не столько географический или приключенческий момент, сколько чисто лирическая тяга к тому, чтобы подчинить себе пространство, встать, как на гребне волны полного художественного всеединства» (Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 387). Для Е.Терновского «"Открытие Америки", несмотря на "эпические" песни, не выходит за рамки лирического цикла», поскольку «для разработки такой темы требовалось иное отношение и к историческому материалу поэмы, и к самому типу поэмы» (Ternovsky E. Essai sur l'histoire du poème russe de la fin du XIXe et du debut du XXe siècle: Великолепная неудача. Lille, 1987. P. 291).

Поэма обладает символическим подтекстом: открытие Америки трактуется герметическими учениями (Ф. Бэкон, трактат «Новая Атлантида») как начало великой цивилизации, которая должна возникнуть в Новом Свете, воплотив идеалы тайных масонских обществ (см.: Холл. С. 776—777). Особенности в трактовке Гумилевым подвига Колумба, возможно, связаны с его отношением к деятельности и идеалам масонства.

Ст. 13—18. — Ср. с «Отрывками» Гераклита: «Мир в своем движении подчинен закону — Логосу <...> Логос существует вечно и носит всеобщий характер» (Материалисты древней Греции. М., 1956. С. 44). По мысли Гераклита, Логос — универсальное начало космоса — состоит в том, что все течет, все изменяется, и существует, и не существует: «Этот космос, один и тот же для всего

существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» (Там же). Гераклит призывал признать тяготеющую над человеком силу Логоса — Движения и подчиниться ему, включившись в мировое действо: «Следует знать, что война всеобща и правда — борьба, и что все происходит через борьбу и по необходимости» (Там же). Ст. 41—42. — Нард — благовонное растение из семейства валериановых, считавшееся драгоценным и высоко ценившееся древними. Каравелла — высокобортное трех-четырехмачтовое судно с высокими надстройками, использовалось итальянскими, испанскими и португальскими мореплавателями в XIII—XVII вв. Ст. 51. — Приор Хуан — Хуан Перес, настоятель монастыря делла Рабида, расположенного близ города Палос, откуда вышли в плавание каравеллы Колумба. Увлекшись идеей Колумба об открытии западного пути в Индию, Перес, бывший духовник королевы Изабеллы, сумел настоять на организации экспедиции (см.: Анучин. С. 206—207). Ст. 52. — В этом и последующих стихах нашли отражение споры космографов о величине и шарообразности земли, имевшие место во времена Колумба, который получил от знаменитого космографа Паоло дель Поццо Тосканелли наиболее точную карту (см.: Фиске. С. 191, 239). Ст. 55—60. — Мистическая символика этих стихов переводит действие в «символическую» плоскость. Пещера традиционно являлась местом мистических откровений. Фея с веретеном — Клото («прядущая»), одна из трех сестер мойр, богинь, олицетворяющих судьбу (рок) в греческой мифологии. Клото прядет нить жизни человека на веретене, которое вращает ее мать — Аннанке («необходимость»). Миф о мойрах наиболее полно воплотил характерный для античного мировоззрения фатализм. Позже идея фатальной предопределенности человеческого бытия эксплуатировалась в тайных доктринах средневековья и Нового Времени. Ст. 61. — Дорогая кольчуга — знак богоизбранности Колумба: символика «брони», «панциря» широко употребляется в библейском иносказании для обозначения неустрашимой решимости подвижника, которого охраняет воля провидения и его собственная вера (см.: Еф. 6. 13, 18). Ст. 66. — Муза Дальних Странствий — вероятно, оригинальный символ гумилевских мистических идей, связанных с «философией движения». Ст. 68—72. — Диас Бартоломео (1450—1500) — португальский путешественник. Поло Марко (ок. 1254—1324) — венецианский вельможа, совершивший путешествие в Китай. Поиск португальцами южного пути в Индию был во многом обусловлен результатами путешествия Поло. О неудаче, постигшей Диаса, Колумб знал от своего брата Варфоломея, участвовавшего в экспедиции (см.: Фиске. С. 225—226). Страна Великого Могола — здесь: Индия (неточность: династия Великих Моголов правила с 1526 г., тогда как плаванье Колумба состоялось в 1492). Ст. 85—90. — Акцент на «двадцать дней» плаванья в открытом море при отсутствии к тому же точных карт, не случаен: для испанцев путешествие Колумба было первым путешествием подобного рода; до того испанские мореплаватели пролагали свои маршруты возле берегов, рискуя удалиться

от них максимум на три-четыре дня. Ст. 95. — Лот — навигационный прибор для измерения глубины моря с корабля. Ст. 97—99. — Путешествие Колумба было начато под знаком Льва, символом которого является солнце (в дальнейшем этим будет определяться тема солнца в поэме), что при определенном расположении планет может предвещать неудачу. Ст. 100. — Для экспедиции Колумба левой стороной был юг и, таким образом, «ветер слева» предвещал неудачу, поскольку поиски южного пути в Индию не привели ни к чему. Левая сторона традиционно считалась сферой владения дьявола, что придает данному знаку негативный религиозный символический смысл. Ст. 101—102. — Гитана — испанская цыганка; в католической Испании цыгане становились жертвами инквизиции чаще всего как «слуги дьявола». В контексте поэмы в сочетании с предыдущим стихом данный стих усиливает мрачный мистический колорит картины начала путешествия. Ст. 103. — Прелат — высшее духовное лицо у католиков. Ст. 105—107. — Страх перед экспедицией был настолько велик, что Колумбу приходилось вербовать команду из осужденных преступников, которым после путешествия обещали прощение и возведение в дворянское достоинство; сам Колумб требовал титул вице-короля открытых им земель. Ст. 108. — Станцы (стансы) — стихотворение, составленное из отдельных, замкнутых по смыслу, преимущественно восьмиконечных строф. Баллада — см. коммент. к № 1. Ст. 116—120. — Плавание Колумба в открытом море продолжалось 33 дня; во второй песне поэмы речь идет о двадцатом дне — времени, когда на кораблях зрел мятеж против «сумасшедшего» адмирала. Ст. 123—127. — Тема солнца здесь соединяется с распространенным в эпоху Колумба мнением, что на Западе находится страна мертвых (проклятая бездна), владения дьявола. Ст. 139—140. — Пикадор — в бое быков (корриде) всадник, приводящий быка в ярость уколами пики. Ст. 166—168. — «Признаки земли показались уже за несколько дней перед тем: летели птицы, виднелись на поверхности моря плавающие стволы, тростник, доска, была поймана даже какая-то ветвь с цветами, похожими на розы» (Анучин. С. 222—223). Ст. 181—182. — В письмах к королю Испании Колумб писал: «Я обладаю сведениями в морской науке, астрологии и геометрии <...>; я занимался изучением космографических книг, также исторических и философских...» (Анучин. С. 199). Ст. 183. — Намек на мистические причины столь яростного стремления Колумба в Индию. В одном из писем королю Испании Колумб говорит: «Я явился к Вашему Величеству как посланник Святой Троицы к могущественнейшему христианскому государю для содействия в распространении святой христианской веры; ибо воистину Бог говорит ясно об этих заморских странах устами пророка Исайи (Ис. 24, 15; 65, 17. — *Ред.*), когда Он заявляет, что из Испании должно распространиться Его Святое Имя...» (Анучин. С. 210). Ст. 203. — Волчец — трава проклятия. Мрачная «мистическая» символика, диссонирующая с мажорным пафосом предыдущих строф, намекает на осмысление образа американской цивилизации католическим сознанием: христианские миссионеры, познакомившись с местными культами

(многие из которых содержали чудовищно искаженные эмблемы христианства — крест, легенды об умирающем и воскресающем боге и пр.) пришли к выводу, что открытое царство есть царство антихриста. Это повлекло впоследствии чудовищные по жестокости расправы с местным населением. Ст. 208—210. — Ср.: «...Толпа мужчин, женщин и детей с кожей медно-красного цвета <...> Все они были совершенно голы...» (Фиске. С. 283). Ст. 233—244. — Судьба Колумба сложилась трагично. Во время третьего путешествия (1498) он был арестован и доставлен в Испанию в цепях по обвинению в злоупотреблениях. По возвращении из последнего, четвертого путешествия (1502) он разорился и в 1506 г. умер, так и не сумев поправить дела. Духовенство и светские круги относились к нему с плохо скрытой враждебностью, видя в нем «возмутителя умов» и «выскочку».

1911

13. При жизни не публиковалось. **Печ. по: ПС 1923.**

ПС 1922 (без загл.) - - ПС 1923 - - ССII - - СП (Тб) - - СП (Тб) 2 - - БП - - Изб (Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС (Р-т) II - - Соч 1 - - СПП - - СП (Ир) - - Круг чтения - - Изб (XX век) - - ВБП - - МП; Образ Ахматовой: Антология. Л., 1925 - - Душа любви - - Посвящается Ахматовой: Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой. Tenafly,New Jersey; 1991; Родник (Рига). 1988. № 10; Лен. правда. 8 июля 1988.

Дат.: апрель 1911 г. — по данным В. К. Лукницкой (Жизнь поэта. С. 125).

В ахматовских «Заметках о Николае Гумилеве» это ст-ние становится в один ряд с лирикой «парижского» периода 1906—1908 гг., героиня которой «двоится», «но всегда чужая», соединенная с героем лишь «вечной борьбой» (см.: Новый мир. 1990. № 5. С. 219). «Нужно признать возможность "портретных" пейзажей, — писал Э. Ф. Голлербах, — и не следует ли понимать пейзаж Аддис-Абебы как фон к портрету Ахматовой? Поэту, так любившему слово и так верившему в его чудотворную силу, достаточно было назвать имя, чтобы вызвать образ. Все остальное — только фон. На этом фоне, в садах высоких сикомор и сумрачных платанов, среди душных красных роз, вырисовывается образ Ахматовой» (Образ Ахматовой: Антология. Л., 1925. С. 9—10).

Ст. 1. — Адис(Аддис)-Абеба (в переводе с амхарского — «новый цветок») — столица Абиссинии. Ст. 3. — Див — сказочное существо, бытующее как в иранской, так и в славянской мифологиях; общее значение — «бог ясного неба». В восточнославянской мифологии — существо демонического характера, осуществляющее связь неба с землей, в иранской мифологии — демон-богоборец; позже, в мифах востока, — демон, вступающий в активные отношения с людьми,

то помогающий им, то губящий их. Среди прочего имеются сюжеты о похищении дивами (дэвами) земных красавиц (см.: Мифологический словарь. С. 202—203). Ст. 5. — Армидин сад — реминисценция из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»; крестоносец Ринальдо был унесен влюбленной в него волшебницей Армидой на далекий остров и там, в волшебных садах, забыл о своем предназначении. Ст. 9—10. — Возможно, здесь имеется перекличка с древним преданием о том, что Абиссиния является родиной птицы Феникс. Ст. 11. — Сикомора (сикомор) — субтропическое южное плодовое дерево, так наз. библейская смоковница.

14. При жизни не публиковалось. **Печ. по: ПС 1923.**

ПС 1922, посв. ошибочно набрано как загл. - - ПС 1923 - - ССII, загл. - - СП(Тб), загл. - - СП(ТБ) 2, загл. - - Ст(Пол), - - вар. авт. - - БП, вар. авт. - - Изб(Кр), загл. - - СтПРП(ЗК), загл. - - СтПРП, загл. — —ОС 1989, неправ. печать, объедин. вар., опеч. - - Кап 1991, вар. авт. - - СС(Р-т)П, загл. - - Соч I, вар. авт. - - СПП, вар. авт. - - СП(Ир), загл. - - ВБП, вар. авт. - - МП, вар. авт.

Автограф 1 с вар., без посв. — в собрании П.Л.Вакселя (РНБ. Ф. 124. Оп. 11. № 1398. Л. 1). Копия автографа 2 — Стружки.

Дат.: весна 1911 г. — по датировке Ахматовой на экз. ПС из собрания М.С.Лесмана (БП. С. 594) и по смыслу ст-ния (возвращение из путешествия 1910—1911 гг.).

О.Н. Арбенина — Гильдебрант Ольга Николаевна (сценический псевд. — Арбенина; 1897—1980), актриса и художница, близкая знакомая поэта в 1916—1920 гг. (см. ее воспоминания о «дарении» Гумилевым стихов весной 1916 г. — Исследования и материалы. С. 429—430). Ст. 9. — Нерей — в греческой мифологии морское божество, ненавидящее ложь и обладающее духом предвидения; для получения от него помощи его необходимо покорить.

15. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) 1 - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб (XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; Ст(Куйбышев), опеч.

Дат.: не позднее 4 или 13 апреля 1911 г. — по воспоминаниям Ахматовой (Наше наследие. 1989. № 3. С. 82) и дате заседания Общества ревнителей художественного слова, на котором поэма была прочитана (см. коммент.).

Поэма «Блудный сын» имеет стойкую репутацию «первого акмеистического произведения» (см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.

Т. 2. М., 1992, С.55). 13 апреля 1911 г. на заседании Общества ревнителей художественного слова «Н.С.Гумилев произнес циклическое произведение "Блудный сын", вызвавшее оживленные прения о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные темы» (Русская художественная летопись. 1911. № 9. С. 142). Во время «оживленных прений» состоялось выступление Вяч. И. Иванова, носившее, по свидетельству очевидцев, исключительно резкий и оскорбительный для Гумилева характер. «Разнос, учиненный вождем символизма в стенах Общества ревнителей художественного слова, побудил Гумилева основать собственное литературное объединение. Он нашел союзника в лице Сергея Городецкого, тоже находившегося в ту пору в состоянии затяжного недовольства Вяч. Ивановым. В основанном ими Цехе поэтов они в феврале — марте 1912 г. сформулировали антисимволистские положения будущей программы акмеизма» (Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1. С. 66; а также: Жизнь поэта. С. 114; Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Вторая книга. Paris, 1972. С. 46—47). Конфликт Гумилева и Вяч. Иванова, поводом к которому послужила полемика вокруг «Блудного сына», неоднократно оказывался в поле зрения историков литературы. М.Баскер полагает, что «Иванов усмотрел в своеобразной переделке евангельской притчи намеренный вызов со стороны своего недавнего протеже, направленный против теории мифа и мифотворчества, составляющей неотъемлемую часть того "реалистического символизма", который он проповедовал. Согласно Иванову, "реалистический символизм" по мере приближения к своей цели "наиболее полного раскрытия действительности", становится именно мифотворчеством, резко отличаясь в этом от "идеалистического символизма" или "принципа верности не вещам, а постулатам личного эстетического мировосприятия". Созданные древними канонические мифы представляют собой образец и хранилище незыблемой, "мифотворческой" правды, и любое "идеалистическое" их перетолкование <...> неизбежно ведет лишь к тривиальному искажению, "мертвому слепку" или "призрачному отражению" истинных сущностей. Таким образом, гумилевская переделка мифа о блудном сыне могла считаться крайне враждебным, чуть ли не кощунственным выпадом против основ ивановского "реалистического символизма"» (Basker M. Gumilyov's «Akteon»: A Forgotten Manifesto of Acmeism // Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. Pp. 502—503). В общем солидаризуясь с мнением М.Баскера относительно существа конфликта двух поэтов («инцидент с "Блудным сыном" имел касательство к теме мифотворчества <...> не допускалось жертвование мифологией во имя психологии или каких бы то ни было художественных приемов, тогда как именно эти черты характерны для гумилевского "Блудного сына" <...>. Если у Иванова миф универсальный и метафизический, то у Гумилева — эстетический и индивидуальный»), В.Блинов полагает, что здесь имела место «неудачная попытка акмеистов заимствования <...> и приспособления к своим целям символистского учения о мифотворчестве», а не сознательный «вызов» символизму (см. Блинов В. Вячеслав Иванов и возникновение акмеизма // Записки факультета литературы

и философии Павийского университета. Т. 45. Культура и память. Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову. Доклады на русском языке. Firenze, 1988. С. 21—22). По мнению Дж. Дохерти, с первого взгляда теперь далеко не понятно, почему эта поэма вызвала такую резкую реакцию со стороны Иванова. «Сюжетные связи между каждым эпизодом не эксплицитны, но они ясны по названию произведений и по предмету повествования, а также по гумилевской композиции: точно воспроизведены контуры библейской притчи. Язык, хотя и разговорный, но далеко не новаторский <...>. Иванов, вероятно, считал, что Гумилев зашел слишком далеко в своем исключении присущего теме духовного значения в интересах создания конкретной словесной действительности... Или же Иванов, может быть, чувствовал, что стихотворение имеет личный подтекст, кодирующий историю отношений Гумилева с его собственными символистскими "отцами"» (Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and the Word, Oxford, 1995. P. 70). Относительно собственно-«акмеистического» характера поэмы мнения критиков разделились. Так. В. Нарбут полагал, что в поэме отразились порочные тенденции акмеизма, связанные с требованием «вещной описательности»; по мнению Нарбута, «подлинный» акмеизм иллюстрирует не «мертворожденный» «Блудный сын», а поэма «Открытие Америки» (Новая жизнь. 1912. № 9. С. 265—266). Положительно оценивали «новаторский» характер поэмы Ю.И.Айхенвальд (см.: Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 33) и Ю.Н.Верховский (Верховский. С. 111). О.Ильинский указывал на «биографическую» обусловленность «акмеистического» характера произведений Гумилева: «Эта бьющая через край динамическая живописность, словно с полотен Тьеполо, эта воля к жизни, это приятие мира — естественны <...> В момент ухода от отца Блудный сын живет предчувствием красоты, которая ему откроется в мире <...> Притча превращена в романтическую новеллу. Может быть, это рискованно, но таков художественный мир двадцатичетырехлетнего поэта» (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 387). Об «автобиографическом» начале в поэме писал и А.И.Павловский: «...маленькая поэма "Блудный сын" <...> в сущности, характеризует самого автора. В ней речь идет о всевластии призвания, которое в поэме синонимично судьбе, или, точнее сказать, року» (БП. С. 47). В последнее время появляются работы, конкретизирующие понятие «акмеистичности» в приложении к тексту поэмы 1911 г. В работе О. Клинг «Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм» (Вопросы лит-ры. 1995. № 5) содержится анализ поэтических средств, обусловивших «акмеистическую вещность» описания «внешнего мира», «сведение на нет авторской, не мотивированной ситуацией, в которую попадает герой, иронии, сознательное умаление «фантастического»... начала и «мерцающего», символического смысла» (С. 122). И.Делич обращает внимание на содержательные новации, внесенные Гумилевым в евангельский сюжет, сделав вывод о «гностическом» основании гумилевской версии: «Урок, полученный поэтом,

— это, в сущности, не столько урок греха, милосердия и искупления, сколько вывод, что полнота бытия должна быть обретена в отчей обители, что земная действительность, будь то разгул или труд, или страдание, — это только "мечта"» (История русской литературы XX века. М., С. 494).

На особую роль поэмы в творчестве Гумилева указывает Е.Томпсон, выделяя мифологему «пути» в гумилевских произведениях разных лет и связывая ее с евангельской притчей: гумилевский герой, по мнению исследовательницы, осуществляет в своем духовном развитии «миф вечного возвращения» — от бунта против Бога к новому воссоединению с Ним, через преодоление возникающего в душе анархического «хаоса», ведущего к вседозволенности и опустошению (см.: Thompson E. Some Structural Patterns in the Poetry of Nikolaj Gumilev // Die Welt der Slawen. 1974. № 5. P. 337—348). Развивая идеи Е.Томпсон, В.В.Десятов конкретизировал выделенные «этапы» пути гумилевского героя, обозначив ряд биографических коллизий, которые могли для Гумилева служить эмблемами «антипатерналистского бунта» (отношения поэта с С.Я.Гумилевым, И.Ф.Анненским, В.Я.Брюсовым и Вяч. И.Ивановым) и указав на борьбу между «христианством и ницшеанством» как идеологическую основу гумилевской сотериологической проблематики (см.: Десятов В.В. «Блудный сын», проводник в интегральный мир Николая Гумилева // «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1996. С. 114—122). Любопытные наблюдения относительно интертекстуальных связей поэмы Гумилева сделал С.Шварцбанд: во-первых, четырехчастную композицию «Блудного сына» он соотносит с четырьмя лубочными картинами на ту же тему, описанными Пушкиным в «Станционном смотрителе»; во-вторых, он выявляет скрытую полемичность по отношению к гумилевской поэме в поэме Блока «Соловьиный сад» (1915) (см.: Schwarzband S. Aleksandr Blok and Nikolaj Gumilev // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. Pp. 380—388).

В поэме Гумилева имеются значительные расхождения с библейским источником (см.: Лк. 15, 11—24). По многим деталям, внесенным Гумилевым в сюжет евангельской притчи, можно судить о том, что поэма имеет автобиографический подтекст: конфликт поэта с завсегдатаями «башни» Вяч. Иванова и, прежде всего, с самим Ивановым.

Ст. 11—12. — Смысл сопоставлений состоит в том, что сила и кротость обладают в христианстве равной ценностью: кроткому Иоанну Иисус не отдавал первенство перед импульсивным, решительным Петром и именно Петру вручил ключи Царства Небесного (Мф. 16, 19); в сне пророка Даниила овен (у Гумилева — агнец), наряду со львом, символизирует агрессивные, разрушительные силы (Дан. 7, 4 и 8, 3). Ст. 22. — Тибр — река в Италии, на которой стоит Рим. Галера — римское парусное и весельное судно. Ст. 23—24. — Сидон, Тир — финикийские города-государства, неоднократно упоминаемые в Ветхом Завете. Смирна — см. коммент. к № 4. Ст. 26—28. — В дальнейшем контексте

поэмы данные стихи могут расцениваться как намек на жизнь «башни»: Рим уподобляется Петербургу (веселая столица), а «башенные» посетители, как известно, обладали «античными» прозвищами, в частности, Петронием именовался здесь В.Ф.Нувель. Ст. 28. Salve, amici — приветствую вас, друзья (лат.). Ст.34. — возможно, намек на классическое образование Вяч. Иванова: в 1886—1893 гг. он изучал античную историю и филологию в Берлине у Т.Моммзена, в литературных кругах Петербурга славился глубочайшим знанием мифологии и философии античности. Ст. 40. — Несомненный «автопортрет» Гумилева, ср.: «Он некрасив. Узкий и длинный череп (его можно видеть у Веласкеза, на портретах Карлов и Филиппов испанских), безжалостный лоб, неправильные пасмурные брови, глаза — несимметричные, с обворожетельным пристальным взглядом» (Рейснер Л. Автобиографический роман // Из истории советской литературы 1920 — 1930-х годов: Новые исследования и материалы. М., 1983. С. 205 (Лит. наследство. Т. 93)).

16. Русская мысль. 1911. № 7. с вар. - - **ЧН.**

ПС 1922 с вар. - - ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Сп(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Сп(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М), опеч. - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х), опеч. - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЛиВ, опеч. - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Образ Ахматовой. Антология Л., 1925 - - Акме - - В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990 - - Поэзия серебряного века (1880 — 1925). М., 1991 - - Душа любви - - Посвящается Ахматовой: Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой. Tenafly, New Jersey, 1991 - - Серебряный век. Поэзия (школа классики). М., 1997; Новый мир. 1986. № 9.

Перевод ст-ния на англ. язык — SW. P. 50; первые две строфы переведены также А.Хейт («From a serpent's nest...») в кн.: Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgimage. Oxford, 1976. P. 16.

Дат.: не позднее 24 мая 1911 г. — по дате письма к В.Я.Брюсову.

Об отсылке ст-ния в письме к Брюсову в качестве «сопроводительного документа» к стихам Ахматовой, посланных тогда же на рецензирование «мэтру» символизма, см.: Superfin G., Timenčik R. A propos de deux lettres de A.A.Akhmatova à V.Brjusov // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1974. № 1—2. Vol. XV. Pp. 183—200.

Свадьба Гумилева и Ахматовой состоялась 25 апреля 1910 г. — молодые венчались в Никольской церкви села Никольская слобода Остецкого уезда Черниговской губернии, недалеко от Киева. Позже сама Ахматова писала: «... все

считают меня украинкой. Во-первых, оттого, что фамилия моего отца Горенко, во-вторых, оттого, что я родилась в Одессе и кончила Фундуклеевскую гимназию, в-третьих, и главным образом, потому что Н.С.Гумилев написал: "Из города Киева / Из логова Змиева / Я взял не жену, а колдунью..." (1910). А в Киеве я жила меньше, чем в Ташкенте (1941—1944), во время эвакуации...» (Ахматова А.А. Мнимая биография // Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 243). «Для Гумилева, парнасца и акмеиста, все незаконченное и двойственное было невыносимо, и даже его собственная двойственность (экзотический авантюризм и православная религиозность) носила какой-то монолитный, гармоничный характер, — писал Э.Ф. Голлербах, объясняя специфику созданного поэтом образа жены. — Оттого и образ Ахматовой, нарисованный Гумилевым твердо и уверенно. В стихах "Из логова змиева..." он словно гравирует этот образ, резцом вычерчивает его на меди, с холодной объективностью стилизует милые ему черты, зная, что стилизация дает право искажать действительность» (Образ Ахматовой: Антология. Л., 1925. С. 9). Несколько по-иному трактовал ст-ние В.Я.Виленкин: «... у Ахматовой в молодости, очевидно, было какое-то тайное свойство: подсказывать тем, кто хотел ее запечатлеть, не прямое сходство портрета, а новый поворот, давно владеющий самим художником темы <...> Не то ли самое можно сказать про облик молодой Ахматовой в стихах <...> Гумилева (цит. 1—3 ст. — *Ред.*)?» (Виленкин В.Я. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 58—59). Сохранилось любопытное свидетельство Д.Д.Бушена о чтении Гумилевым ст-ния 15 июля 1911 г. в Борисовке, имении Кузьминых-Караваевых: «... его попросили читать стихи — он повернулся к Анне Андреевне и сказал: "Аня, ты позволяешь?" Она сказала: "Да". И он прочел:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью...

Прочел полуиронически, полупочтительно» (Жизнь Николая Гумилева. С. 86). «Вероятно, весьма и весьма вероятно, что эту жажду нелюбви, порождаемую все той же гордостью до самоуничижения <...>, Н.Гумилев заметил давно, ибо Анна Андреевна после замужества вела с ним «любовную войну», его мечта — найти в Ане Горенко веселого друга-товарища — не сбылась ни в каком смысле» (Дементьев В. Минута торжества // Лит. Россия. 29 июня 1989).

Ряд исследований посвящен выявлению интертекстуальных связей данного стихотворения: так, Р.Д.Тименчик находил в нем реминисценции из «Вия» Н.В.Гоголя, а само стихотворение Гумилева трактовал как источник «малороссийских демонологических мотивов» в позднейших произведениях Ахматовой (см.: Тименчик Р.Д. Храм Премудрости Бога: Стихотворение Ахматовой «Широко распахнуты ворота» // Slavica Hierosolymitana. 1981. № 5—6. P. 311). М.Мейлах воспринял гумилевский текст как «ключ» к ахматовскому «Заклинанию» («Из тюремных ворот...») (Meilakh M. Anna Akhmatova's Poem

«Zaklinanie» // The Speech of Unknown Eyes: Akhmatova's Readers on her Poetry. Nottingham, 1990. P. 177).

Ст. 1—2. — «Украинское предание связывает происхождение Днепра с Божьим ковалем: кузнец победил змея, обложившего страну поборами, впряг его в плуг и вспахал землю; из борозд возникли Днепр, днепровские пороги и валы вдоль Днепра (Змиевы валы)» (Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 648). Ст. 3. — Отражение традиционного для России представления о южных областях как о колыбели ведьм на Руси, ср.: «Верования в ведьм на юге России удержались несравненно крепче, чем на севере. Не даром же возникло наше летучее слово: ведьма киевская» (Орлов М. История сношений человека с дьяволом. СПб, 1904). Ст.18. — Лысой горой называли холм в окрестностях старого Киева, на котором, по преданиям, собирались на шабаш ведьмы. Никольская слободка, где венчались Гумилев и Ахматова, расположена неподалеку. Ст. 4. — Очасть (правильно — о́чисть) — яма, из которой добывают глину, известь и т.п. (Царско-Сельский уезд Петербургской губернии) — см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л., 1990. С. 68.

17. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980, с опеч. - - СП(Тб), в коммент. - - СП(Тб)2, в коммент.; Душа любви - - ЛН.

Автограф — в письме к Брюсову от 24 мая 1911 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 19).

Дат.: не позднее 24 мая 1911 г. — по дате письма к Брюсову.

Ст-ние послано В.Я.Брюсову из Слепнево вместе со ст-нием «Однажды вечером» (№ 18). В письме говорится: «Посылаю Вам три новых стихотворения (третье — очевидно, «Из логова змиева...» № 16. — *Ред.*), может быть пригодятся в какое-нибудь изданье. Но мне хотелось бы знать о их судьбе» (ЛН. С. 501). Г.П. Струве, комментируя данное ст-ние, писал: «...Эта первоначальная версия <...> была, по всей вероятности, навеяна приближавшимся тогда столетием Отечественной войны 1812 года, хотя в нем упоминались и другие события русской истории ("Год Золотой Орды, Отрепьева"). Гумилев, очевидно, вернулся к нему во время Первой мировой войны, совершенно переделав его, но использовав отдельные строки из него, и напечатал в 1916 г. в журнале "Нива" под названием "Второй год" <...> В каком-то смысле эту первоначальную версию гумилевского стихотворения можно считать пророчеством о Первой мировой войне и даже о революции 1917 года, хотя кончалось стихотворение довольно неожиданными строками, к русской истории никакого отношения не имеющими» (Неизд 1980. С. 114).

В ст-нии нашли выражения темы, которые Гумилев позже перенесет в ст-ние «Год второй» (см. Наст. изд., Т .3). Эпиграф — из ст-ния Е.П. Ростопчиной «Одним меньше!» (памяти Д.В.Давыдова, 1839).

Ст. 3—4. — По-видимому, здесь объединены разновременные события, связанные в представлении Гумилева с цифрой 12. При этом исторически достоверным является только «год <...> двунадесяти языков», т.е. 1812. С именем Г.Отрепьева (Лже-Дмитрий I, убит в 1606 г.) поэт связывает более поздние события, также относящиеся к польско-литовской интервенции, — освобождение Москвы в 1612 г. Ст. 19—20. — В «Песни торжествующей любви» И.С.Тургенева (1881), стилизованной под старинную итальянскую новеллу, рассказывающую о любовном соперничестве двух благородных друзей (живописца Фабия и музыканта Муция) «песнь торжествующей любви», которую Муций исполняет на восточной скрипке, становится залогом его любовного торжества.

18. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС 1 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СПП - - Сп(Ир) - - ЛиВ - - ЧК - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Душа Любви - - ЛН; Новый мир. 1986. № 9.

Автограф с вар. — в письме Брюсову от 24 мая 1911 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 18).

Дат.: не позднее 24 мая 1911 г. — по дате письма к В.Я.Брюсову.

Ст-ние послано В.Я.Брюсову из Слепнево в мае 1911 г. (см. коммент. к № 17). Н.А.Оцуп отмечал близость «анти-романтической» позиции Леконта де Лиля — «анти-символистской» позиции акмеиста-Гумилева: «...не оказался ли символизм своего рода повторным "девятым валом" романтизма? С этой точки зрения, нет ничего удивительного в том, что оба поэта, преодолевших музыкальную мечтательность, свойственную романтизму в разных его проявлениях, походят друг на друга как два брата. <...> Не оказался ли мэтр парнасцев прямым предшественником мэтра акмеизма? Да, бесспорно, в начале поприща последнего. Затем Гумилев отошел от поэзии Леконта де Лиля» (Оцуп Н.А. Николай Гумилев: Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 50). Неоднократно использовалось для иллюстрации возможных творческих влияний на Гумилева в канун его «акмеистического бунта» против символизма: «В стихотворении, где соседствуют бальмонтовские аллитерации и вышедший из моды "стиль модерн", а интонационный рисунок уже предвосхищает ритмический узор игорь-северянинских "поэз", имя Леконта де Лиля возникает не ради эвфонии, а для того, чтобы его образом обозначить целый период собственного поэтического развития» (Грякалова Н.Ю. Н.С.Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Исследования и материалы. С. 111). Р.Д.Тименчик выявляет в тексте ст-ния ряд реминисценций из произведений И.Ф.Анненского, а также обращает внимание на то, что эпитет «лебединый» связывает Леконта де Лиля с Анненским путем автореминисценции — ср. «поэт с лебединой душой» и «Последний

из царскосельских лебедей» в ст-нии «Памяти Анненского» (№ 66) (Тименчик. С. 180). Развивая идею Р.Д.Тименчика, М.Баскер указывал на «эллинизм», связывающий для Гумилева творчество Анненского с творчеством Леконта де Лилля (см.: Basker M. Gumilev, Annensky and Tsarskoe Selo: Gumilev's "Tsarskosel'skii krug idei" // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and Its Poets. Columbus, Ohio, 1993. Pp. 228—230).

В ст-нии присутствуют орфические символы.

Ст. 3. — Леконт де Лиль Шарль (1818—1894) — французский поэт, глава литературной группы «Парнас». В письме к Брюсову от 14 июля 1908 г. Гумилев писал: «...Л<еконта де> Л<иля> я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты» (ЛН. С. 480). Ст. 10—12. — Леконт де Лиль был сыном французского плантатора и креолки (отсюда — креол); «лебединая душа» поэта напоминает об Орфее, душа которого после смерти обратилась в лебедя. Поэтому закономерна отсылка к «архаике» в ст. 10.

19. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Изб(Кр) - - Соч I.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: не позднее 26 мая 1911 г. — по расположению текста в альбоме.

Ст. 2. — Озеро Чад упомянуто, очевидно, в качестве автореминисценции. Ст. 4. — Шарабан — открытый экипаж с несколькими поперечными сиденьями. Ст. 10. — Имеется в виду культ Сердца Господня, распространенный у католиков.

20. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I, неправ. печать.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: не позднее 26 мая 1911 г. — по расположению текста в альбоме.

21. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1**.

СП(Тб), вар. автографа 2 - - СП(Тб) 2, вар. автографа 2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - ВБП - - МП; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. №1 (публ. Р.Д.Тименчика).

Автограф 1 — в письме Вяч. И.Иванову от 3 июня 1911 г. (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 28). Копия автографа 2 с вар. в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой с датой: 26 мая 1911. В ст. 4 вместо «пугалась» ранее было: «боялась». Автограф 3 с вар. — архив Лукницкого.

Дат.: 26 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние, вместе со ст-ниями «Неизвестность», «Лиловый цветок», «Сон» (№№ 23, 28, 32), было послано 3 июня 1911 г. из Слепнево Вяч. Иванову. В сопроводительном письме Гумилев отмечал: ст-ния написаны «в новом для меня

роде», — и спрашивал у старшего поэта мнения о том, «хороши они или плохи». В ответном письме (16 июня) Вяч. Иванов писал: «Ваши новые стихи я нахожу достаточно удавшимися. “Уклона” нет, неожиданной новизны — тоже. Много Анненского, но это вовсе не дурно. Восхищения не испытал» (Неизвестные письма Н.С.Гумилева / Публ. и коммент. Р.Д.Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1. С. 64—67). В ст-нии Р.Д. Тименчик усматривает влияние на творчество Гумилева произведений И.Ф.Анненского, повлекшее активизацию мотивов, свойственных поэзии 70—80-х гг. XIX в. — реминисценции из Фофанова и Фета (Тименчик. С. 178—179).

Помимо реминисценций, отмеченных Р.Д.Тименчиком, в ст-нии можно заметить мотивы ст-ний К.Р. (вел. кн. Константина Константиновича) «Растворил я окно — стало душно невмочь...» и Н.А.Риттера «Ах, зачем эта ночь...».

22. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1.**

СП(Тб), вар. автографа 2 - - СП(Тб) 2, вар. автографа 2 - - Соч 1, вар. автографа 2 ; Душа любви, вар. автографа 2 .

Автограф 1 — архив Лукницкого. Копия автографа 2 с вар. — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой с датой: 26 мая 1911 г.

Дат.: 26 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

23. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1.**

СП(Тб), вар. автографа 2 - - СП(Тб) 2, вар. автографа 2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - ВБП-МП; Душа любви; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1 (публ. Р.Д.Тименчика).

Автограф 1 — в письме к Вяч. И.Иванову от 3 июня 1911 г. (РГБ. Ф. 109. К. 17, ед. хр. 28). Копия автографа 2 с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой, с датой: 27 мая 1911 г. В ст. 6 вместо «феи» ранее было: «девы». В ст. 12 вместо «школьный» ранее было: «строгий».

Дат.: 27 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние, вместе со ст-ниями «В саду», «Лиловый цветок», «Сон» (№№ 71, 28, 32) было послано 3 июня 1911 г. из Слепнево Вяч. Иванову (см. коммент. к № 21). По предположению Р.Д.Тименчика, в ст-нии может присутствовать автобиографический подтекст, связанный с конфликтом между Гумилевым и Вяч. Ивановым: «Нетрудно заметить, что это стихотворение легко проецируется на сюжет, изложенный в ахматовской заметке “К истории акмеизма”: “Всего нужнее понять характер Гумилева и самое главное в этом характере: мальчиком он поверил в символизм, как люди верят в Бога. Это была святыня неприкосновенная, но, по мере приближения к символистам, в частности, к “Башне” (Вяч. Иванов), вера его дрогнула, ему стало казаться, что в нем поругано что-то”» (Тименчик. С. 176). О конфликте Гумилева с Вяч. Ивановым см. коммент. к № 15.

24. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Душа любви.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 27 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

25. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб), без загл. - - СП(Тб) 2, без загл. - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 28 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.
Ст-ние представляет собой акростих («Маше Кузьминой-Караваевой»).

26. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме О.А. Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 29 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

27. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа 1.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч. I.
Копия автографа 1 — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой. Черновой автограф 2 (с пропуском пунктуации и перестановкой строф: III—I—II—IV) с вар. — архив Лукницкого. В автографе в ст. 2 вместо «своих же» ранее было: «их дачных». В ст. 7 вместо «сна иль» ранее было: «страстных». В ст. 9 вместо «И только» ранее было: «Болтаем». В ст. 14 вместо «сегодня, вчера» ранее было: «и сладко <томясь?>». Вместо ст. 16 ранее было: «И нас не потребует страсть».
Дат.: 29 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст. 3—4. — Имеются в виду М.А. и О.А.Кузьмины-Караваевы.

28. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1.**
СП(Тб), вар. автографа 2 - - СП(Тб) 2, вар. автографа 2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - ВБП - - МП; Душа любви; Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. Т. 46. № 1 (публ. Р.Д.Тименчика).
Автограф 1 — в письме к Вяч. И.Иванову от 3 июня 1911 г. (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 28). Копия автографа 2 с вар. в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой с датой: 29 мая (ночь) 1911 г. Черновой автограф 3 (с пропуском пунктуации) с вар. — архив Лукницкого. В ст. 5 вместо «серо-зеленый» ранее было: «светло-зеленый».
Дат.: 29 мая 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние, вместе со ст-ниями «В саду», «Неизвестность», «Сон» (№№ 21, 23, 32) было послано 3 июня 1911 г. из Слепнево Вяч. Иванову (см. коммент.

к № 21). В воспоминаниях А.А.Гумилевой находим одно из упоминаний о М.А.Кузьминой-Караваевой: «Помню, Маша всегда была одета с большим вкусом в нежно-лиловые платья. Она любила этот цвет, который ей был к лицу» (Жизнь Николая Гумилева. С. 71). Р.Д.Тименчик писал об изобразительных приемах, использованных Гумилевым в данном ст-нии: «Существенны не столько словарные совпадения с Анненским<...>, сколько установка на "психологический конструктивизм" (как называл метод Анненского Мандельштам) <...> движение от "сильного" к "слабому" — на этом основано противопоставление серо-зеленого и лилового цветков... "Уклон" <...> в сторону Анненского, вероятно, вызвал метаописательные по отношению к поэтическому миру Анненского мотивы» (Тименчик. С. 179—180). Источниками ст-ния Р.Д.Тименчик считает ст-ния И.Ф.Анненского «Буддийская месса в Париже», «Тринадцать строк».

29. Аполлон. 1911. № 6, с вар. - - **ЧН.**
ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП.
Дат.: не позднее июня 1911 — по дате публикации.

Сюжет баллады восходит к поэмам Байрона «Гяур» и Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Ст-ние вызвало ряд упреков в «мелодраматизме». «Сказками сочинительства он думает искупить роковое отсутствие вдохновения и таланта. У него, например, неверную одалиску собираются зашить в мешок и бросить в море, и пока об этом совещаются ее отец и муж, младшая сестра преступницы, тут же сидя, мечтательно завидует ей, потому только, что:

Там много, много, в глухих заливах
Лежат любовников других,
Сплетенных (?), томных и молчаливых...
Какое счастье быть средь них!»

(Садовской Б.А. Н.Гумилев. Чужое небо // Современник. 1912. Кн. 4. С. 365). «Не строг и в своих сравнениях молодой поэт:

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену —
Жену, что слишком была красива,
И походила на луну...

Невольно улыбаешься — из-за полноты, что ли, совершила свой ложный шаг несчастная жена?» (Чуносов М. (И.И.Ясинский) Новые книги // Новое Слово. 1912. № 7. С. 158). В.С.Баевский обращает внимание на ритмическое своеобразие баллады: «...Гумилев ощущал, что силлабо-тонические размеры на протяжении XIX в. автоматизировались в творчестве поэтов и в восприятии читателей. Пути деавтоматизации он увидел в разрушении силлабо-тоники. Он последовательно стал культивировать "сложные логаэды"... Интонация сразу же неузнаваемо менялась» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 70—71). С.А.Лурье называл «Константинополь» «мастерски сложенным, но чересчур картинно стилизованным стихотворением» (см.: Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 246).

Ст. 3. — Стамбул — название Константинополя, после захвата его турками; Босфор — пролив, на берегу которого расположен город. Ст. 12. — Паша — титул высшего должностного лица (гражданского или военного) в Османской империи.

30. Аполлон. 1911. № 6, с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП - - МП; Душа любви - - Мысль, вооруженная рифмами Л., 1987 - - Серебряный век. Поэзия (Школа классики). М., 1997.

Дат.: не позднее июня 1911 г. — по дате публикации.

А.Осипович видит в ст-нии Гумилева интерпретацию одного из фрагментов Гераклита: «Вечность — ребенок, забавляющийся игрой в шахматы: царство ребенка» (Осипович А. По ту сторону стиха // Русская мысль. Париж, 1983. 27 октября. С. 9).

В.Н.Топоров указывает на ряд блоковских реминисценций в ст-нии — в частности, на связь образа, запечатленного в ст. 1 со стихами Блока «И отвечает мертвым взглядом / На тусклый взор души больной» («Пусть светит месяц — ночь темна...» из цикла «Ante Lucem») (см.: Топоров В.Н. Ахматова и Блок. К проблеме построения поэтического диалога: «Блоковский» текст Ахматовой // Berkeley. P. 28—29. Метрическую характеристику ст-ния см.: Мысль, вооруженная рифмами. Л., 1987. С. 372.

Ст. 1—4. — Согласно преданию, бросилась в море со скалы, покончив с собой от несчастной любви к Алкею, греческая поэтесса Сафо. Лучшее свое произведение — «Баллада Рэдингтонской тюрьмы» — О.Уайльд написал в заключении. «В дымной хижине дикаря» на Таити создавал свои полотна П.Гоген. Все три художника неоднократно упоминались в творчестве Гумилева и оказали значительное влияние на его мировоззрение.

31. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Душа любви.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 2 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Тематика ст-ния связана с вокально-инструментальным циклом М.А.Кузмина «Куранты любви», впервые опубликованном в «Весах» в 1909 г. (№ 12), а в 1910 г. вышедшим отдельным изданием. Гумилев высоко оценил «Куранты любви» в статье «Жизнь стиха» (1910): «Стих льется, как струя густого, душистого и сладкого меда, веришь, что только он — естественная форма человеческой речи, и разговор или прозаический отрывок после кажутся чем-то страшным, как шепот в тютчевскую ночь, как нечистое заклинание. <...> Слова можно повторять каждый день, как повторяешь молитву, вдыхаешь запах духов, смотришь на цветы» (ПРП, С. 52).

Ст. 3—4.— Ср.: «Бегите, робкие, любви купели; / Спешите, смелые, на зов свирели! / Дорогою различной, к той же цели» (Кузмин М. Куранты любви. М., 1910. С. 10). Ст. 6. — М.А.Кузмин славился в литературных салонах Петербурга исполнением своих «песенок» под собственный аккомпанемент. Певческого голоса у него не было, он произносил стихи, рецитируя и отмечая мелодию интонацией.

32. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912, с вар. - - **ЧН**.
СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Фен) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП (Ир) - - ЧК - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП.
Автограф 1 с вар. — в письме Вяч. Иванову от 3 июня 1911 г. (РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 28). Копия автографа 2 с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. Под текстом ошибочная дата: 3 июля 1911 г.
Дат.: 3 июня 1911 г. — по скорректированной датировке в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой и письме к Вяч. Иванову.

Ст-ние вместе со ст-ниями «В саду», «Неизвестность», «Лиловый цветок» (№№ 21, 23, 28) было послано 3 июня 1911 г. из Слепнево Вяч. Иванову (см. коммент. к № 21). В критике не упоминалось, если не считать неодобрительного пассажа в рецензии на «Чужое небо» М.Чуносова (И.И.Ясинского), указавшего на невольный каламбур в ст. 23—24 (см.: Новое Слово. 1912. № 7. С. 158). Следует указать, что в лит. альманахе «Аполлона» (СПб., 1912), где впервые опубликовано ст-ние, помещены еще два ст-ния на ту же тему: «Сон» А.А.Блока («Я видел сон: мы в древнем склепе...») и «Пряжа снов» К.Д.Бальмонта («Пряжа снов, то нити длинные...). В обоих ст-ниях сон трактовался в мистическом плане:

у Блока как «утро Воскресения», у Бальмонта — как «бледный терем в глубине». Гумилев, включая ст-ние в «Чужое небо», ввел красноречивый подзаголовок «Утренняя болтовня», что можно расценивать как антисимволистский жест.

33. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Душа любви.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 4 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

34. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I, с опеч.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 2 вместо «вселившие» ранее было: «родящие».
Дат.: 4 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Медиумические явления — вторжение спиритуальных сил (духов) в материальный мир. Ст. 1. — Коля — Сверчков Н.Л. (1894—1919), племянник Гумилева. Ст. 7. — Лиги-кур (от нем. Liegekur) — воздушные ванны. Ст. 11. — Аня — Гумилева А.А. (1887—1956?), невестка Гумилева. Ст. 12 — Сергей — Кузьмин-Караваев С.А. (1886—?), кузен Гумилева. Ст. 14. — Оля — Кузьмина-Караваева О.А.

35. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912, с вар. - - **ЧН.**
ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЛиВ - - ЧК - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Езда в остров любви: Русская куртуазная муза XVIII—XX вв. М., 1993 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Вечерний Ленинград. 7 марта 1989.
Копия автографа с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 3. вместо «спокойная» ранее было «стыдливая».
Дат.: 10 июня 1911 г. — по датировке в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Перевод ст-ния на англ. яз. («To a Girl») — SW. P. 52.

Ст-ние обращено к М.А.Кузьминой-Караваевой (1888—1911); о взаимоотношениях с ней поэта см.: Гумилева А.А. Николай Степанович Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. С. 71; Маковский С.К. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 84—88. «На свое несчастье он понял, что в этой девушке мог бы найти чуткую и столь нужную ему, еще не тронутую жизнью душу, — пишет В.В.

Бронгулеев. — Такой вывод со всей очевидностью явствует из стихов, которые он ей писал. В них, нередко даже через шутливые строки, проступает его удивительно чистое, почти благоговейное чувство...» (Неделя. 1990. № 23. С. 21). Г.П.Струве связывает данное ст-ние с гумилевской идеализацией мира, вызывающей отчуждение поэта от «современной жизни» (см.: Струве Г.П. Н.Гумилев: По поводу выхода его новой книги стихов «Колчан» // Час пик. (СПб). 1991. 2 сентября). Р.Д.Тименчик отмечает в ст-нии влияние поэзии и эстетических программ И.Ф.Анненского: «...Архаизирующая и "романсовая" характеристика (героини ст-ния. — *Ред.*) объясняет отчасти обращение к стилистике "штампа" в стихах, посвященных М.Кузьминой-Караваевой. Но существенно и то, что необходимость и неизбежность возвращения к "красоте Тургенева" были темой выступлений Анненского в Обществе ревнителей художественного слова осенью 1909 года. Анненский говорил об этой "красоте" как "отрицании цинизма", как о "мудрой стыдливости" — новом ресурсе поэзии, как об "агностицизме по отношению к тайне" ("тайной нельзя играть как кубарем")» (Тименчик. С. 181). В.С.Баевский приводит метрику этого ст-ния в качестве доказательства того, что даже в процессе экспериментов над стихом Гумилев тяготел к использованию устойчивых метрических схем: «Он может <...> начать четверостишием двустопного анапеста с перекрестной рифмовкой, с чередованием женских и мужских клаузул, а со второго четверостишия перейти к трехстопному анапесту с чередованием дактилических и мужских клаузул <...> Все это не идет ни в какое сравнение со сложными построениями Брюсова, Блока, не говоря уже об А.Белом <...> или Пастернаке» (Баевский В.С. Николай Гумилев — мастер стиха // Исследования и материалы. С. 92).

Ст. 13—16. — Имеется в виду Нимврод, один из персонажей Ветхого Завета, внук Хама, охотник и воин-захватчик (см.: Быт. 10. 9-10). Согласно преданию, Нимврод — строитель Вавилонской башни, страстный богоборец. Гумилев использует сюжет из мусульманской мифологии, повествующий о том, как Нимврод, потерпев неудачу в строительстве башни, пытался взлететь в небо в ящике на четырех орлах: поднявшись на высоту, с которой не было видно земли, Нимврод стал пускать в небо стрелы; их ему возвратил, окрасив кровью, ангел Джибрил (Гавриил), и Нимврод подумал, что выстрелы ранили самого Бога (см.: Мифологический словарь. С. 399). Этот же богоборческий сюжет присутствует и в ст-нии «Я вежлив с жизнью современною...» (№ 89).

36. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб, 1912, с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)1 - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир)

- - СП(К) - - ЛиВ - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви.

Копия автографа с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 10 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ю.П.Анненков приводит это ст-ние в числе тех, «которые наиболее далеки от классицизма, а родственны творчеству А.А.Ахматовой, Г.Иванова, И.Одоевцевой» (Жизнь Николая Гумилева. С. 151). Р.Эшельман считал, что данное ст-ние — пример неудачного овладения Гумилевым «средним стилем» (герой статичен, его возвышенное томление лишено конкретики). Пространственное разделение на «здесь» и «там» напоминает И.Ф. Анненского, а в целом «Сомнение» похоже на «Утешение» М.А. Кузмина, но уступает ему по выразительности; инструментовка данного ст-ния (обилие согласных, шипящих и свистящих), как и оппозиция «да» — «нет», указывает на инерцию «высокого стиля», более близкого гумилевской лире (см.: Eshelman. P. 86—89). В.В. Бронгулеев пишет, что в ст-нии «звучит почти гамсуновский надрыв: по колориту оно родственно северным сказкам этого автора — «Пану» и еще более «Мистериям» (Неделя. 1990. № 23. (1575). С. 21). В.С.Баевский обращает внимание на т.н. «выровненный ритм» (три начальные стопы имеют приблизительно или точно одинаковое количество ударений) как на метрическую особенность данного ст-ния (Исследования и материалы. С. 88).

37. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП; Душа любви.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 10 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

38. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
Соч. I - - МП.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 12 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

39. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 12 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

40. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 16 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

41. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912.

ПС 1923 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Изб(Кр) - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП.

Копия автографа с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 17 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние является развернутой реминисценцией «Пьяной песни» Заратустры (см.: Ницше Ф. «Так говорил Заратустра»), в которой иллюзии «загробной жизни» трактуются как хитроумная «паутина», где запутываются люди, сердце которых гложет «червь страданья». Ср.: «Вот я уже умер. Ушло. Паук, что ты ткешь вокруг меня? Ты хочешь крови? Ах! Ах! Роса падает, час наступает... Вы, высшие люди, избавьте же гробы, разбудите мертвецов! Ах, зачем все еще гложет червяк?»

42. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 26 вместо «ты мне» ранее было: «мне ты».

Дат.: 17 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

По мнению Н.А.Богомолова, «в ст-нии очевидно влияние поэтики И.Ф.Анненского» (Соч I. С. 571).

Ст. 18. — Нимфы — в греческой мифологии божества природы, ее живительных и плодоносных сил. Ст. 19—20. — Тритон — морское существо из свиты Амфитриты и Посейдона (владыки моря в греческой мифологии), своеобразные герольды, трубящие в раковины и возвещающие о прибытии божественной четы.

43. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Ст(Куйбышев).

Копия автографа с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 17 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние прошло почти не замеченным критикой. М.Чуносов (И.И.Ясинский) писал: «Стихотворения <...> г. Гумилева, которые мы читаем в его третьей книжке («Чужое небо». — *Ред.*), очень часто напоминают обыкновенные упражнения поэтов, которые пишут и пишут, пока не найдут. Поисков много, а находок мало.

Скорее — красивая риторика, чем поэзия. От этого — такие пресные и неточные стихи, как, например: (цит. ст. 17—20.— *Ред.*). Обозначает ли это, что некто защищает свою сестру красноречием, или что сестра его не умеет говорить, и он красноречив за нее?» (Новое Слово. 1912. № 7. С. 157). Ю.Н. Верховский видел в ст-нии влияние поэзии Ахматовой (см.: Верховский. С. 108).

В церковном предании, идущем от апокрифической «Книги Еноха», существует мнение, что к каждому человеку приставлены ангелы-хранители, ведающие образованием их тел и затем сопровождающие их по жизни. Ст. 15—16. — Реалия, переводящая ст-ние в плоскость «куртуазной» средневековой традиции любовной поэзии, обращенной к Прекрасной Даме. На принципе «вассальной верности» строился рыцарский «кодекс чести». Здесь адресат ст-ния уподоблялся «госпоже», «королеве», а влюбленный — ее вассалу, т.е. феодалу, подчиненному в феодальной иерархии сюзерену.

44. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа**.

Сп(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Душа любви.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 9 вместо «говорит» ранее было: «говорил».

Дат.: 19 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст. 7. — Горный дух (Каджи) в кавказской (грузинской и армянской) мифологии часто выступал в виде ворона. Возможно, этот образ обладает ретроспективным автобиографическим подтекстом, отсылающим к картинам отрочества поэта, проведенного в Грузии.

45. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа**.

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 19 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст. 6—7. — Силач, Голубка — клички лошадей (см. ст-ние «Открытье летнего сезона», № 82).

46. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа**.

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 21 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Лилит упоминается в Библии однажды (Ис 34, 14); согласно преданиям, была первой женой Адама, сотворенной, наравне с Адамом, из глины; в силу этого не желала покориться мужу и покинула его. В европейской мифологии Лилит

чаще всего представала в образе идеальной, прекрасной, обворожительной женщины, недоступной для «низкой» жизни (хотя, по некоторым легендам, обладала демонической силой). Ст. 9. — Согласно пифагорейской традиции, в солнечной системе существует «восьмая сфера»: темная планета, двигающаяся по той же самой орбите, что и Земля, но всегда скрытая от нее Солнцем; позднее эту гипотетическую «темную планету» называли Лилит, это играло свою роль в астрологии (см.: Холл. С. 231).

47. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 21 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Возможны две версии при поиске источника названия ст-ния: К.Ю.Давыдов (1838—1889), виолончелист и композитор, и А.Д.Давыдов — автор музыки к романсам «Отойди, не гляди...», «Ах, зачем эта ночь...». Ст. 6. — Мирра — ароматная смола одноименного растения, употребляемая для изготовления благовоний. Нард — см. коммент. к № 12. Ст. 7. — Стеклярус — маленькие короткие трубочки из белого и цветного стекла, нанизываемые на нитку и служащие для украшения.

48. ЧН.
СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб), с опеч. - - СП(Тб) 2, с опеч. - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - ШЧ - - СС(Р-т) 1 - - Ст(М) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП.
Копия автографа с вар. — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 11 вместо «тайну» ранее было: «розу».
Дат.: 27 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Перевод на англ. язык («Two Roses»). — Modern Poems from Russia, translated by Gerald Shelley. London, 1942 (перепечатка книги: Westport, Connecticut, 1977). P. 14.

Крайне резко отозвался о ст-нии М.Чуносов (И.И.Ясинский): «... это — почти пошлость и напоминает произведения фабричных поэтов из народа; но как поэт, претендующий на известность хорошего стилиста, мог допустить рифмование такого масляного масла, как "розовеет и рдеет"?!» (Новое Слово. 1912. № 7. С. 157—158). Между тем данное ст-ние Гумилева апеллирует к мистической поэзии Вяч. Иванова, поместившего в «Антологии» изд-ва «Мусагет» (вышедший весной 1911 г.) цикл «Газэлы о Розе». Во второй газеле раскрывается символика «двух роз»; в примечаниях к циклу Вяч. Иванов пишет, что данная символика восходит к византийской литературно-философской традиции, где «цвет розы — яркость

желания, но и краска стыдливости» (Антология изд-ва Мусагет. М., 1911. С. 88). Двустишие Вяч. Иванова звучит так:

Мы, что два куста, светвились в купу:
Белой алая увита роза
(С.74).

Следует отметить, что в первой газеле финал также перекликается со ст-нием Гумилева: праздник Преображения Господня здесь символизируется образом розы в Эдеме:

Расцвела, в Эдем подъята, Роза
(С. 73).

Знакомство Гумилева с данным произведением Вяч. Иванова не вызывает сомнения, тем более, что сам Гумилев был участником «Антологии» и написал на нее рецензию, в которой, в частности, отметил: «Газэллы Вячеслава Иванова — великолепная мозаика слов; его "Духовные стихи", может быть, слишком отчетливо красивы для этого жанра» (ПРП 1990. С. 126).

Ст. 1. — Эдем (букв.: сладость, приятность; Быт. 2, 8) — земля на Востоке, где Богом был насажен сад для жительства первых людей, Адама и Евы, до их грехопадения. Позднее Эдемом стал называться рай.

49. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа**.

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - Русский путь.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой. К этому ст-нию относится в альбоме и лист с рисунком Н.Гумилева «Карта любви» и четверостишием:

Полон сладкой лени
Воздух; море голо...
Остров Наслаждений,
Берегись креола!

Дат.: 27 июня 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние тематически ориентировано на исторический сюжет литературной жизни Парижа XVII в. В романе Мадлены де Скюдери «Клелия (Римская история)» под видом персонажей античного Рима были выведены завсегдатаи салона маркизы Рамбуйе, культивировавшие «прециозный» стиль общения, высмеянные впоследствии Мольером в комедии «Смешные жеманницы». Среди прочего, к роману прилагалась аллегорическая Карта Нежности, на которой

изображалась Река Склонности, Озеро Равнодушия, Селения Любовные Письма и т.д., т.е. аллегорические изображения традиционных куртуазных понятий. Апелляция к реалиям XVII—XVIII вв. традиционна для культурной среды Петербурга начала века, в частности, например, для художников «Мира искусств» — Лансере, Бенуа и др.

50. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 11 июля 1911 г. — по заглавию.

51. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП; Душа любви.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 20 июля 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст. 2. — Возможно, цитируется стих из оды Горация (Hor. Od. I. 11) — «Carpe diem», т.е. «Лови день» (см.: Соч I. С. 572).

52. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб), под загл. «Рисунок акварелью» - - СП(Тб) 2, под загл. «Рисунок акварелью» - - Соч I.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой; согласно помете П.А.Лукницкого, ст-ние было подписью к акварельному рисунку.

Дат.: между 20 и 26 июля 1911 г. — по расположению текста в альбоме.

Ст. 3. — См. коммент. к № 8.

53. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Душа любви.

Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 4 вместо «за бегом» ранее было: «за лётом».

Дат.: 26 июля 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние представляет собой акростих («Об<ъ>ясни и прости»). В.В.Бронгулеев полагает, что данное ст-ние — «попытка взглянуть на себя и на мир более широко и спокойно», нежели в предыдущих стихах, вошедших в альбом М.А.Кузьминой-Караваевой (см.: Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного // Неделя. 1990. № 23 (1375). С. 21).

Ст. 13. — Возможно, здесь содержится намек на мифологический сюжет — состязание Пана, игравшего на свирели, сделанной из тростника, в который обратилась любимая им нимфа Сиринга, и Аполлона, игравшего на кифаре. Пан был побежден и унижен.

54. Сатирикон. 1911. № 33, 12 авг.

ПС 1923, с вар. и др. строфикой - - СС II, вар. ПС - - СП(Тб), вар. ПС - - СП(Тб) 2, вар. ПС - - БП, вар. ПС - - СтПРП(ЗК), вар. ПС - - СтПРП, вар. ПС - - ОС 1989, вар. ПС - - Изб(Слов), вар. ПС - - Кап 1991, вар. ПС - - СС(Р-т) II, вар. ПС - - ОС 1991, вар. ПС - - Соч I, вар. ПС - - СП(XX век), вар. ПС - - СПП, вар. ПС - - СП(Ир), вар. ПС - - ЧК, вар. ПС - - Круг чтения, вар. ПС - - Изб(XX век), вар. ПС - - ВБП, вар. ПС - - МП, вар. ПС; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт, 1984, вар. ПС.

Дат.: между 26 июля и 12 августа 1911 г. — по дате публикации.

По мнению Р.Д.Тименчика, в ст-нии обыгрываются мотивы, характерные для творчества И.Ф.Анненского: «Рабочим принципом обработки "чужого слова" для Гумилева, видимо, всегда оставалась <...> ирония <...>, которая предполагала отстраненную, отчуждающую подачу культурного штампа, обыгрывание "бутафорского" характера стиховых реалий, ощущение их как "декорации" <...> Авторское задание <...> выведено в сюжет в стихотворении "Когда я был влюблен...", где темой <...> является "банальное", "до-декадентское" свидание <...> У Анненского заимствованы не готовые стихотворные куски, а некоторые стороны метода, близкие к сотоварищам Гумилева в 1911 г., во всяком случае, очевидные для литературного сознания 1911 г.» (Тименчик. С. 184). В том же духе оценивает это ст-ние и О.Б.Черненькова, считающая, однако, что материалом для «стилизации» здесь оказалась любовная поэзия XVIII века: «Любовная лирика Гумилева не чуждается лексических оборотов, характерных для поэзии XVIII века, что придает порой стихам оттенок иронии над самим собой (цит. ст. 41. — *Ред.*)» (Черненькова О.Б. Черты типологического сходства в поэтике Г.Р.Державина и Н.С.Гумилева // Творчество Г.Р.Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады, заметки. Тамбов, 1993. С. 234).

Ст. 4. — Вероятно, имеется в виду папа Александр VI (1431 — 1503), известный многочисленными бесчеловечными преступлениями, еретическим умонастроением и гомерическим блудом; еще при жизни его считали антихристом. Ст. 10. — Альманахи изд-ва «Знание» (Сборники т-ва Знание) выходили с 1904 г. под фактической редакцией М.Горького и объединяли писателей демократического, неореалистического направления. Альманахи «Знания» неоднократно подвергались резкой критике со стороны теоретиков символизма, в частности, В.Я.Брюсова, помещавшего «разгромные» рецензии в журнале «Весы». Ст. 11. — Готтентоты — народ Южной Африки; здесь: дикарь. Ст. 24. — Эгретка — перо на дамской шляпке. Ст. 44. — Имеется в виду издание рисунков английского художника Обри Винсента Бердсли (Бердслея) (1872—1898), вышедшее в Петербурге в 1906 г. и ставшее сенсацией в кругах, близких к «новому искусству».

55. Биржевые ведомости. 1911. 14 августа, утр. вып., с вар. - - Новое слово. 1911. № 8, с вар., подпись — факсимиле - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЛиВ - - ЧК - - Круг чтения - - Ст(Яр), опеч. - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП; Силард 1979 - - Силард 1983 - - В мире отеч. классики - - Русская поэзия начала XX века. М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Новый мир. 1986. № 9; Вечерняя Москва. 15 апреля 1989 г.

Дат.: не позднее 14 августа 1911 г. — по дате публикации.

В ст-нии присутствуют автобиографические мотивы (см.: В мире отеч. классики. С. 452). Обращение к Гомеру в контексте ст-ния проясняется позднейшим письмом Гумилева к Ахматовой: «Я все читаю Илиаду: удивительно подходящее чтение <...> А некоторые описания, сравнения и замечания сделали бы честь любому модернисту. Нет, не прав был Анненский, говоря, что Гомер как поэт умер» (В мире отеч. классики. С. 471). В ст-нии обнаруживается частый в творчестве Гумилева «пророческий» подтекст: «именно “Илиаду” десять лет спустя Гумилев будет читать в ночь ареста в здании ЧК <...> И будет — как и загадывалось — светить фонарь и двигаться тень часового-чекиста» (Зобнин Ю.В. Наш современник // Вперед (г. Пушкин). 1991. 27 апреля). С.М.Городецкий считал, что ст-ние иллюстрирует причины тяготения Гумилева к экзотическим темам и образам: «Лирика Н.Гумилева — это лирика мысли. Наиболее лирична мысль, несущаяся куда-то, стремящаяся вдаль, во времени или в пространстве. Оттого экзотизм является одной из ярких струй в поэзии Н.Гумилева. Оттого темы прошлого влекут его к себе непрестанно» (Речь. 1912. 15 октября № 293 (2837)). Ю.Н.Верховский видел в данном произведении антитезу ст-нию «Вечное» (Верховский. С. 108). Г.П.Струве отмечал в ст-нии «иронию над современностью», полагая, что «современность» интересует поэта лишь «постольку, поскольку он надеется встретить “отвечающие взоры” Агамемнонов и Одиссеев» (Струве Г.П. Н.Гумилев: По поводу выхода его новой книги стихов «Колчан» // Час пик. 1991. 2 сентября). Р.Эшельман, относя творчество Гумилева к «неоклассицистическому» направлению в модернизме, находил в данном ст-нии разрешение проблемы возвышенного и низменного путем «легкой неоклассической иронии», снижающей «величественный жест высокого стиля»; образ «мастодонтов» в ст-нии иронически отсылает к анималистским ст-ниям Леконта де Лиля с их меланхолической интонацией (например, к ст-нию «Слоны» — см.: Eshelman, p. 106—107). В работе О.Клинг «Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм» анализ этого ст-ния, «являющегося как бы иллюстрацией к вопросу о том, как совмещаются у поэта мифологемы и собственный “голос”, прошлое и настоящее», занимает видное место:

«Стихотворение начинается с "конца" "Илиады" и контрастного перехода к воссозданию современности, предельно лаконично уместившемуся в один стих ("Я закрыл "Илиаду" и сел у окна...") <...> Во втором стихе ("На губах трепетало последнее слово...") последнее слово многозначно: это последний стих из "Илиады" (в переводе Гнедича: "Так погребали они конеборного Гектора тело") и "последнее слово" в значении экзистенциальном, связанном с извечным вопросом о жизни и смерти и восходящем к тютчевскому "Последнему катаклизму" ("Когда пробьет последний час природы...")...

Загадочной кажется "тень часового" — либо это отголосок "Илиады", либо реалии "современности". Это некая разновидность "двоемирия" (З.Минц), но не блоковского, а гумилевского типа, где соединяются мифологическая основа и реальность» (Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 123). На связь ст-ния со ст-нием Ахматовой «В ремешках пенал и книги были» обратила внимание А.Хейт (см.: Хейт. С. 44).

Ст. 1. — Ср.: «La chair est triste, hélas, et j'ai lu tous les livres» («Печальна плоть, увы, я прочитал все книги...») (С.Малларме. «Морской бриз»). Ст. 4. — Ср.: «... за дверями / Звучно-мерными шагами / Ходит в тишине ночной / Безответный часовой» (М.Ю.Лермонтов, «Узник»). Ст. 7. — Одиссей — герой эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», его имя стало нарицательным для обозначения путешественника-мореплавателя. Ст. 8. — Агамемнон — герой «Илиады», предводитель греков в войне против Трои. Маркер — служащий в игорном доме. Ст. 10. — Мастодонты — семейство вымерших млекопитающих, похожих на гигантских слонов; обитали на территории нынешней Сибири. Ст. 16. — Дафнис и Хлоя — влюбленные пастух и пастушка, герои знаменитого идиллического романа эллинского писателя Лонга (II—III вв.).

56. Нива. 1911. № 34. 24 авг.

ПС 1922 - - ПС 1923, с датой 1911 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви.

Копия автографа с вар. — Стружки.

Дат.: не позднее 24 августа 1911 г. — по дате публикации.

В ст-нии используются мотивы Книги Исхода: Моисей за убийство египтянина был изгнан (бежал) из Египта в землю Мадиамскую; здесь он остановился у священника Рагуила, который выдал за него свою дочь Сепфору. Через некоторое время Моисею явился в горящем терновом кусте Бог и объявил Свое намерение освободить израильтян из египетского плена и вывести их в землю обетованную (Исход 2, 15—22; 3, 1—18).

57. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс), опеч. в загл. - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЛиВ - - Круг чтения - - Ст(Яр), опеч. - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: после 15 сентября 1911 г. — по помете Ахматовой (Соч I С. 508) и хронологическому уточнению: времени возвращения Ахматовой в Царское Село осенью 1911 г. (Соч. III. С. 371).

По свидетельству Ахматовой, ст-ние посвящено П.О.Богдановой-Бельской (1887—1968), актрисе и поэтессе, известной в петербургских богемных кругах в десятые годы. Ю.Н.Верховский противопоставлял ст-ние ранним романтическим балладам Гумилева с их «блестящим налетом историзма» и «брюсовской картинной эротикой»: «А в “Чужом небе” нет этих “баллад” <...>, нет и такой эротики. Мотив любви, разработанный по-прежнему приподнято, но глубже “изнутри”, органически связан с античным мотивом в пьесе “Жестокой”...» (Верховский. С. 96).

Ст. 12. — Вероятно, имеется в виду Неопалимая Купина — куст терновника, горящий и несгорающий, из которого Бог говорил с Моисеем, призывая его к избавлению народа Израильского от Египетского рабства (Исх. 3, 2, 4). Ст. 17—19. — Сафо (VII—VI вв. до н.э.) — греческая поэтесса, жившая на о. Лесбос и основавшая так называемую «лесбосскую» поэтическую школу, отличавшуюся изысканностью формы и глубоким лиризмом. В поэзии Сафо распространены гомоэротические мотивы.

58. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912, с вар. - - **ЧН.**

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС 1 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Новый мир. 1986, № 9.

Дат.: осень 1911 г. — по времени выхода «Лит. альманаха».

Перевод на англ. язык («The Eternal») — SW. P. 54.

Ст. 9—12. — Ср.: «Вы прошли путь от червя до человека, и еще многое в вас — червь» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. гл. «Предисловие Заратустры»). Возможно, «ницшеанская» тема здесь опосредована работами Вяч. Иванова, также эксплуатировавшего этот образ, ср.: «Солнцеподобный, свободный человек оказался раздавленным «данностью» хаоса, червем бессильно упорствующим утвердить в

I

II

себе опровергнутого действительностью Бога» (Иванов Вяч. И. Заветы символизма // Иванов Вяч. И. Борозды и межи. М., 1916. С. 137). Доклад Иванова, цитируемый выше, был произнесен в апреле 1910 г. и вызвал оживленную полемику, в которой участвовал и Гумилев (см. наст. изд., с. 201—202). Ст. 13—20. — Возможно, речь идет о Заратустре: по крайней мере, передача ученику «древней мудрости земли», а также — посох (с золотой ручкой, на которой змея кольцами обвивает солнце) — детали, присущие ницшевскому «пророку сверхчеловека». Возможна контаминация смысла, когда под «маской» Заратустры выступает по отношению к лирическому герою ст-ния Вяч. Иванов. Вероятны также и христианские мотивы, продолжающие тематику, заявленную в ст-ниях № 11 и 56.

59. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912.
СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Душа любви.

Дат.: осень 1911 г. — по времени выхода «Лит. альманаха».

60. Лит. альманах изд-ва «Аполлон». СПб., 1912, с вар. - - **ЧН**.
ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр), с опеч. - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990 - - Душа любви; Новый мир. 1986. № 9.

Дат.: осень 1911 г. — по времени выхода «Лит. альманаха».

На то, что речь в ст-нии идет об Ахматовой, было указано А.Хейт (см.: Хейт. С. 43). Обычно данное ст-ние интерпретируется исследователями в контексте «адамистической» неомифологии, свойственной Гумилеву в 1911—1912 гг.: «светскому» пониманию «жены» здесь противопоставляется «ветхозаветное» — «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18). М.Малин отмечала по поводу этого ст-ния, что гумилевский Бог — всегда милосерд «новому Адаму», искупившему прежнюю вину страданием («томлением») — (см.: Maline M. Nicolas Gumilev, poète et critique acméiste. Bruxelles, 1964. P. 201). Р.Д.Тименчик указывал как на возможный источник гумилевского образа «жены — товарища от Бога» на высказывание о женщине-поэте И.Ф.Анненского: «Может быть, она откроет нам даже новые лирические горизонты, эта женщина, уже более не кумир, осужденный на молчание, а наш товарищ в общей, свободной и бесконечно разнообразной русской лирике» (Анненский И.Ф. О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 3. С. 8; об этих словах Анненского как о «предсказании появления Ахматовой» см.: Кралин М. Анна Ахматова и

Иннокентий Анненский // Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971. С. 33) — см.: Тименчик Р.Д. Храм Премудрости Бога: Стихотворение Ахматовой «Широко распахнуты ворота» // Slavica Hierosolymitana. 1981. № 5—6. P. 309).

61. Северные цветы. Альманах 5. М., 1911, с вар. - - **ЧН.**

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Русский путь - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Дат.: октябрь — ноябрь 1911 г. — по времени выхода альманаха «Северные цветы».

По словам Ахматовой, ст-ние было впервые прочитано на заседании «Цеха поэтов» во второй половине 1911 г. (Соч. I. С. 508). Критики видели в «Паломнике» яркий образец экзотизма в творчестве поэта: «Экзотизм у Гумилева не наносной, не надуманный. Он является результатом личных впечатлений. Оттого, когда «Ахмет-Оглы берет свою клюку», чтоб на зов Аллаха пойти в Мекку, читателю легко идти с ним вместе...» (Городецкий С.М. Н. Гумилёв. Чужое небо // Речь. 1912. 15 октября). Ю.Н.Верховский, относя «Паломника» к «чистому эпосу» «Чужого неба», подчеркивал: «...Пьеса об Ахмете-Оглы <...> должна быть отмечена как существенное достижение, как некий синтез — формально и по существу. Основной излюбленный мотив странствия и частные мотивы восточного пейзажа, <...> музыкальный пафос устремления <...> — все это проникнуто одушевлением, сосредоточенным в заключительных строках...» (Верховский. С. 111). С.И.Чупринин полагал, что в ст-нии в полной мере отразился мотив «грезы наяву», характерный, по мнению критика, для всей поэзии Гумилева (см.: Чупринин С.И. Из твердого камня // ОС 1989. С. 13). Ю.В. Зобнин отметил связь «паломничества» с проблематикой «философии движения»: «Понятие "странствия" здесь сливается с понятием "паломничества" — формой послушания, равно присущей и христианскому и мусульманскому религиозному служению» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 14), см. также: Папля Э. Homo Peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. Pp. 215—224.

В ст-нии использованы мотивы суры Корана «Хадж» (буквально — праздник; в мусульманской религии — паломничество в Мекку для посещения Каабы, храма, в котором находится черный камень, упавший с неба, величайшая мусульманская святыня), с большой долей вероятности можно утверждать, что на образность и стилистику ст-ния оказало сильное влияние пушкинское «Подражание Корану» (особенно — IX ст-ние).

Ст. 9—16. — Указание пути восходит здесь к понятию «Киблы», т.е. направления, которое следует соблюдать во время совершения мусульманской молитвы и отправления ряда ритуалов. Медина — город, в который пророк Мухаммед бежал из Мекки (этот эпизод называется «хиджра» — «полет»), мусульманская святыня. Ст. 17—18. — Имеется в виду откровение, переданное Аллахом Мухаммеду ночью в пещере на склоне Джабел-Нур («Гора Света») через ангела Джибраила. Потрясение, испытанное Мухаммедом, было настолько сильно, что, почувствовав присутствие ангела, он потерял сознание, а придя в себя, прочитал принесенные ему на шелковом покрывале письмена откровения. Ст. 19 —20. — Имеется в виду либо стандартное кораническое клише, означающее библейскую «землю обетованную» — Палестину, либо рай, в котором Мухаммед побывал в своем странствии на небеса. В контексте ст-ния более вероятна версия о путешествии пророка на небеса (аль-мирадж), а не в Иерусалим (аль-исра). (См. об этом: Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 162 — 163). Ст. 22. — Речь идет об Ал-Бураке, мифическом верховом коне, на котором Мухаммед совершал путешествия в Иерусалим и на небеса. Ст. 31. — По способу укладки чалмы можно определить принадлежность владельца к определенному народу, ордену и т.п. Шииты — приверженцы одного из двух религиозных течений в исламе (противоположного суннитам). Ст. 32. — Лира — турецкая денежная единица, монета. Ст. 37. — Шайтан — злой дух, демон в арабской мифологии; возможно, здесь присутствует мотив одного из обрядов, совершаемых во время хаджа, — побивание шайтана камнями, после чего паломник огражден от вмешательства злой силы. Ст. 42. — Ср.: «Терние и волчцы произрастит она тебе» (Быт. 3, 18). Ст. 43. — См. коммент. к № 4. Ст. 55. — Муэдзин — служитель мечети, призывающий с башни (минарета) верующих к молитве. Гурия — дева рая, ср.: «Верующих и добродетельных обрадую благой вестью, что для них будут сады, по которым текут реки <...> Там для них чистые супруги: там они пребудут вечно» (2: 23 (25)). Ст. 57 — 60. — Азраил (Израил) — имя ангела, надзирающего за соблюдением срока смерти людей. Когда с Древа Жизни, растущего у трона Аллаха, падает лист, на котором начертано имя обреченного смерти, Азраил должен в течение сорока дней разлучить душу и тело человека. У праведников он изымает душу плавно и безболезненно, у неверных и грешников — резко вырывает из тела. Ст. 61 — 62. — Контаминация двух фрагментов Корана, повествующих об устройстве небес, охраняемых от враждебных сил «красотою звезд» и «ярким зубчатомелькающим пламенем» (37:6(6) — 10(10)) и о пути, предначертанном верующим после Страшного Суда — в рай небесный: «Боящихся Господа своего толпами поведут к раю» (39:73(73)). Ст. 61—64. — Отражение характерного для послекоранической литературы описания рая как многоэтажной пирамиды, увенчанной прото-Каабой (см.: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 373).

62. Русская мысль. 1912. № 1, с вар., вместе со ст-нием «Туркестанские генералы» (№ 65) под общим загл. «Два стихотворения» - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Carmina - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русские поэты серебряного века - - Серебряный век. Поэзия (Школа классики). М., 1997.

Дат.: до 20 октября 1911 г. — по упоминанию ст-ния в дневниках А.А.Блока (см.: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 386).

Ст-ние было отмечено А.А.Блоком, который писал Гумилеву: «"Я верил, я думал" и "Туркестанских генералов" я успел давно полюбить по-настоящему...» (Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М-Л., 1963. С. 386). Советская критика 50-х — 70-х гг. в ст-нии видела манифестацию «декадентской безыдейности». «Лозунг "не думать" прекрасно выражает идейное существо класса Гумилева <...> Не думать, потому что завтра поэта ожидает бездна...» (Волков А. Очерки русской литературы конца XIX — начала XX веков. М., 1952. С.458); «Всякая эстетизация сужает смысловой диапазон темы, сообщает <...> "игрушечный характер" любому поэтическому мотиву <...> Драматизм человеческой судьбы не разрешается в стихотворении, он точно "гасится" в финале изящно нарисованной безделушкой...» (Евгеньев Н.Н. Модернистские течения и поэзия межреволюционного десятилетия // Русская литература XIX — начала XX вв. 1908—1917. М., 1972. С. 311). А.А. Григорьев данное ст-ние характеризовал как образец акмеистической поэзии с ее тяготением к «вещной» описательности: «Увлечение предметностью, предметной деталью было так велико, что даже мир душевных переживаний нередко образно воплощался <...> в какой-нибудь вещи <...> Метафора тоскующего сердца — фарфоровый колокольчик» (Григорьев А.А. Акмеизм // История русской литературы. Т. 4. Л., 1983. С. 692). Высокую оценку ст-ние получило в конце 80-х гг.: «...Первый настоящий лирический шедевр Гумилева <...> Смещенное переживание реальности: <...> жизнь — безвольное странствование бессмертной души в бесконечном времени, а унижения и горя — нет. И с восторгом смирения игрок, разорившийся дотла, чувствует себя чужой игрушкой...» (Лурье С.А. Жизнь после смерти // Звезда. 1989. № 6. С. 206). С.Л.Слободнюк возводил подобные мотивы в ст-нии (и вообще в творчестве Гумилева 1910-х годов) к философии исламских мистиков, отрицавших «необходимость действительного бытия, активности и удовлетворения своих житейских потребностей...» (Слободнюк С.Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С.Гумилева // Исследования и материалы. С. 179—180).

Ст-ние обладает подтекстом, относящимся к гностическим представлениям о происхождении мира — оживив материю, Бог уступил ее Демиургу, наделенному злой волей.

Маковский Сергей Константинович (1877—1966) — поэт, искусствовед, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». Ст. 13—20. — Ср. со ст-нием Т.Готье «Chinoiserie» («Китайская безделушка»).

63. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой.
Дат.: 2 ноября 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние написано в Халиле (Финляндия), куда Гумилев приехал навестить смертельно больную туберкулезом М.А.Кузьмину-Караваеву, которая лечилась в местном санатории (см.: Соч. I. С. 572).

Ст. 5—8. — Образ «спящей царевны», отразившийся в сказках многих европейских стран, восходит к кельтским сказаниям о спящей валькирии Сигрдриве, которую освобождает из волшебного сна Сигурд.

64. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
Неизд. 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СтПРП(ЗК), опеч. - - СтПРП, опеч. - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), опеч. - - Круг чтения - - ВБП - - МП; ЛН.
Автограф — в письме к Брюсову от 15 ноября 1911 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 23).
Дат.: не позднее 15 ноября 1911 г. — по датировке (почт. штемпель) письма к В.Я.Брюсову.
Возможно, в ст-нии речь идет о судьбе Кола ди Риенца (1313—1354), итальянского политического деятеля и поэта, вождя восстания пополланов.

65. Русская мысль. 1912. № 1, с вар., вместе со ст-нием «Я верил, я думал:..» (№ 62) под общ. загл. «Два стихотворения» - - **ЧН** - - Война в русской поэзии. Пг., 1915, публ. по ЧН.
ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП; Душа любви - - ЛН - - Русские поэты серебряного века.
Дат.: не позднее 15 ноября 1911 г. — по соотнесению места и времени публикации с информацией в письме Гумилева к Брюсову от 15 ноября 1911 г.: «Посылаю Вам три мои последние стихотворения (№ 62, 65, 64. — *Ред.*). Может что-нибудь пригодится для "Русской мысли"» (ЛН. С. 506).

В первой редакции ст-ние было посвящено Николаю Ивановичу Гродекову (1843—1913), генералу от инфантерии, военному губернатору Сыр-Дарьинской области, туркестанскому генерал-губернатору.

Ст-ние было отмечено А.А.Блоком (см. коммент. к № 62). В советском литературоведении часто цитировалось и упоминалось в качестве доказательства «колониалистских» настроений Гумилева: «Сколько личного вкладывает Гумилев в воспоминания старых "туркестанских генералов", "с приятным голосом, ясным взглядом", о былых подвигах! В стихотворении "Туркестанские генералы" идеалы Гумилева выражены не в романтических, а в реальных образах российской самодержавной действительности...» (Волков А. А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М., 1966. С. 414). Напротив, по мнению Е.Томпсон, изображая на традиционном фоне «мертвящего упоенья света» «странные» фигуры старых генералов, окруженных «благоухающей легендой», Гумилев подчеркивает не их воинственные качества, а, скорее, их подобие русским святым — кротостью и готовностью пожертвовать собой за справедливое дело. «Может возникнуть впечатление, что они проповедовали христианское смирение и любовь туземцам Туркестана, вместо того, чтобы вести агрессивную войну» (Thompson E.M. N.S.Gumilev and the Russian Ideology // Berkeley. Pp. 314—315). О.Ронен отмечает отдаленную перекличку с последними двумя строфами в ст-нии О.Мандельштама «Нет, никогда, ничей я не был современник...» («Сто лет тому назад подушками белела / Складная легкая постель...») — (Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jerusalem, 1983. P. 345), заключая: «Итак, легкая походная кровать, странно перекликаясь с лермонтовским "Воздушным кораблем", является в 5-ой строфе, так же, как и в "Туркестанских генералах" Гумилева, вечным напоминанием о борьбе и страсти эпохи» (P. 347).

Ст. 19—20. — Речь идет о хивинском походе русской армии в 1873. Уч-Кудук, Киндерли — названия населенных пунктов, связанных с военными действиями русских войск. Ст. 31. — Грез Жан-Батист (1725—1805) — французский художник-сентименталист. Ватто Антуан (1684—1721) — французский художник эпохи рококо, автор идиллий, тяготевший к передаче интимного душевного мира человека; оба живописца были чрезвычайно популярны в России конца XIX — начала XX вв.

66. Аполлон. 1912. № 9, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947, с ошибками - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Колчан (Р-т) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП;

Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма. München, 1973 - - Душа любви - - Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX — начала XX века. Л., 1991 - - Акаткин; Аврора. 1987. № 12; Лен. правда. 1988. 8 июля.

Автограф 1 — в архиве М.Л.Лозинского. Автограф 2 — РГАЛИ (Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3 об. — 4).

Дат.: 3 декабря 1911 г. — по упоминанию второй годовщины смерти Анненского в подзагл. публикации ст-ния в «Аполлоне» и дате заседания Общества ревнителей художественного слова, посвященного смерти Анненского, на котором выступал Гумилев (см.: БП, С. 570).

Ст-ние имеет биографический подтекст: в 1896—1905 гг. И.Ф.Анненский был директором Николаевский царскосельской гимназии, в которой с 1903 по 1906 гг. учился Гумилев. В 1908 — 1909 гг. Анненский сотрудничал с молодыми литераторами, создававшими новый литературно-художественный ежемесячник (будущий «Аполлон»), участвовал в организации Общества ревнителей художественного слова. Сохранились свидетельства о том, что к этим предприятиям Анненского привлекал именно Гумилев (см.: Маковский С.К. Николай Гумилев (1886—1921) // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 47; Струве Г.П. Иннокентий Анненский и Гумилев. «Неизвестная» статья Анненского // Новый журнал (Нью-Йорк). 1965. Кн. 78 (март); Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2). Данное ст-ние было воспринято преимущественно как род «юбилейной», «одической» поэзии. «Одним из лучших портретных стихотворений в русской лирике» назвал его Ю.Иваск в статье «Русские поэты. Н.Гумилев» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1970. № 98. С. 134). По поводу его был высказан ряд интересных наблюдений. Так, Ахматова обращала внимание на особенность пейзажа в ст-нии, где Царское Село выступает как «фон» для портрета Анненского (см.: «Самый непрочитанный поэт...»: Заметки Анны Ахматовой о творчестве Николая Гумилева // Новый мир. 1990. № 5. С. 221—222).

В подтверждение наблюдений Ахматовой следует любопытный вывод о «натурфилософских» мотивах в ст-нии, сделанный исследователем гумилевской поэтики В.С.Баевским: «В самом начале столь важного стихотворения стоит "манекен" (Ф. де Соссюр) — *людей: лебедей*. Лучших из людей и лучшего среди лучших, И.Ф.Анненского, Гумилев соотносит с лебедями. Далее, в этом же стихотворении встречаем "манекен" — *гроза: глаза*... В нем снова соотнесение человеческого с природным...» (Исследования и материалы... С. 92). Н.А.Оцуп сравнивал две версии финала ст-ния — журнальную и книжную: «Вторая версия благозвучней, но первая лучше показывает самого Гумилева: он музы Анненского боялся и был прав. Для мужественной цельности автора "Колчана" у автора "Кипарисового ларца" (посмертный сборник стихов Анненского. — *Ред.*) слишком сильна была обманчивая двойственность, разрушительная приблизительность. Гумилев, герой легенды, певец свободных просторов,

опьяненный природой, — нет, не для него этот сумеречный свет лампы, зловещие тени в углах, тайная боль похоронного трилистника, пронизывающая всю поэзию Анненского». (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 188—189). В связи с приведенным мнением Н.А.Оцупа уместно вспомнить мнение самого Гумилева, который в рецензии на «Кипарисовый ларец» так характеризовал творчество Анненского: «Круг его идей остро нов и блещет неожиданностями, иногда парадоксальностью. Для него в нашей эпохе характерна не наша вера, а наше безверие, и он борется за свое право не верить с ожесточенностью пророка. С горящим от любопытства взором он проникает в самые темные, самые глухие закоулки человеческой души; для него ненавистно только позерство, и вопрос, с которым он обращается к читателю: "а если грязь и низость только мука по где-то там сияющей красе?" — для него уже не вопрос, а непреложная истина» (ПРП. С. 100). Любопытное наблюдение над текстом ст-ния сделал Д.И.Золотницкий, анализируя драматургию Гумилева: «В признании откровенно-лирическом как бы невзначай мелькали строки, имеющие особый смысл в занимающей нас связи:

А там, над шкафом, профиль Еврипида
Слепил горящие глаза...

Перевод всех трагедий Еврипида, этот жизненный подвиг Анненского, Гумилев чтил и им вдохновлялся. Еще выше он ставил оригинальные трагедии Анненского на мотивы античности. Ведь молодой поэт сам делал первые, пусть робкие, шаги в драматическом роде» (Золотницкий Д.И. Театр поэта // Гумилев Н.С. Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л., 1990. С. 5 (Б-ка русской драматургии)). О генетической связи мотива «ослепления» в первом варианте ст-ния Гумилева с «античными» произведениями Анненского см.: Anikin A.E. «Classical» and «Tsarskoe Selo» in the Works of Annensky: Some Observations in Regard to Acmeism // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. Pp. 200—201. Подробный анализ ст-ния сделан М.Баскером. Подчеркнув, что Анненский для Гумилева в канун создания акмеизма — фигура крайне важная в начавшейся полемике с символистами, М.Баскер особо обращает внимание на следующие характеристики образа Анненского в гумилевском ст-нии: противостояние его идеализма символистской мистике («Поэзия Анненского заманивает тех, кто внемлет ее зову — из непосредственной эмпирической действительности в другую область, которой, однако, Гумилев затрудняется дать точное название <...>. Отрицательный оттенок разговорного слова "бредни" <...> все-таки дает понять, что она — далека от всякой символистской концепции высшей реальности, перехода a realibus ad realiora; и, тем не менее, она явно богаче, живее, интенсивнее, чем реальность, обычно доступная "умам людей"»); отношение его к акмеистам как «учителя» к «ученикам», что особенно ярко выражено несомненно автобиографическим характером 2—5 строф; живую связь судьбы и творчества

«последнего из царскосельских лебедей» с поэтами «золотого века» — Пушкиным, Жуковским («Тема поэта, сидящего на своей любимой скамье в парке, неминуемо наводит на мысль статую сидящего Пушкина, работы Р.Р.Баха, в Царском Селе <...> Намеренья Гумилева, по всей видимости, можно объяснить наличием в «Памяти Анненского» другого <помимо пушкинского. — *Ред.*> поэтического подтекста: "Царскосельского лебедя" Жуковского»). Помимо этого особое место в работе М.Баскера отводится характеристике «эллинизма» Анненского — переводчика Эврипида, а также — восприятию античных мотивов старшего поэта — «учениками-акмеистами». «...Царское, как литературное пространство, — заключает М.Баскер, — и Анненский, как литературная личность, воплощали для Гумилева фактически одно и то же: не столько даже русское "окно в Европу", сколько саму европейскую культурную традицию. Гумилевский "царскосельский круг идей", в конце концов, открывается той "мировой культуре", по которой впоследствии... так тосковали акмеисты» (Basker M. Gumilev, Annensky and Tsarskoe Selo: Gumilev's Tsarskosel'skii Krug Idei» // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus. Ohio, 1993. Pp. 215—241).

Ст. 4. — Реминисценция из ст-ния В.А.Жуковского «Царскосельский лебедь» (1851); помимо того — орфический символ, означающий душу поэта (см.: коммент. к № 18). Ст. 19. — О том, что в кабинете Анненского стояли бюсты Гомера и Еврипида, свидетельствует в мемуарах М.А.Волошин (см.: Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1988. С. 521 (Лит. памятники)).

67. Галчонок. 1911. № 8.
БП - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - ВБП
Дат.: не позднее 24 декабря 1911 г. — по дате публикации.

Абиссиния была первой в Африке христианской страной. После изгнания в XV в. португальских католических миссионеров Абиссиния примкнула к коптской церкви и стала епархией Александрийского коптского патриарха. В конце XIX в., во время оживления русско-абиссинских отношений, в российском обществе сложилось мнение об Абиссинии как о «единоверной» православной стране, что было чрезмерным преувеличением: коптская религия представляет собой ересь, осужденную IV Вселенским Собором и, помимо того, даже коптская религия трансформировалась на африканской почве настолько, что можно говорить об оригинальных формах ее исповедания (см.: Давидсон А.Б. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 83).

68. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа.**
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I.
Копия автографа — в альбоме М.А.Кузьминой-Караваевой. В ст. 10 вместо «надушенною» ранее было: «раздушенною».

Дат.: 24 декабря 1911 г. — по датировке в альбоме.

Ст-ние связано с трагической историей М.А.Кузьминой-Караваевой. Больная туберкулезом, она уехала на лечение из Петербурга в Италию, в Сан-Ремо. Проводы состоялись 24 декабря 1911 г., в Сочельник; 29 декабря 1911 г. М.А.Кузьмина-Караваева скоропостижно скончалась.

Ст. 1. — Хиромант — гадальщик по линиям и бугоркам ладони, предсказатель будущего.

1912

69. ЧН.

Изб. 1959 - - СС 1947 II - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) 1 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП - - МП; Акме.

Дат.: январь 1912 г. — по времени публикации и посвящению.

Посвящение связано со скоропостижной смертью М.А.Кузьминой-Караваевой 29 декабря 1911 г. (см. коммент. к № 68). При жизни поэта ст-ние не было замечено критикой. В советский период о ст-нии упоминал А.А.Волков, для которого оно являлось свидетельством «упадочной изнанки гумилевского жизнеутверждения» (Волков А.А. Знаменосцы безыдейности (Теория и поэзия акмеизма) // Звезда. 1947. № 5. С. 176). Л.А.Смирнова видела в ст-нии возвращение к теме странствия — «спасительного движения к дальним пределам» — которая теперь разрешается на более высоком философском уровне (см.: Смирнова Л.А. «...Припомнить всю жестокую, милую жизнь...» // Изб (М). С. 20). «Человек борется всю жизнь за идеал, воплощенный Родосом, но получает лишь преходящую славу после своей смерти. Такая участь кажется ему печальной и бесполезной, однако последняя строфа стихотворения раскрывает некий высший смысл жизни: впоследствии внуки поэта... будут с тоской почитать память своих доблестных предков», — формулировала М.Малин философское «credo» лирического героя ст-ния (Maline M. Nicolas Gumilev, poète et critique acméiste. Bruxelles, 1964. Pp. 181—182). «Человеческая деятельность приобретает смысл лишь только тогда, когда ею руководит некий идеал», — заключает свой анализ ст-ния Н.Домбр-Потоцки (Dombre-Potocki N. L'Exotique et le merveillex dans la poèsie de Goumilev. Неопуб. диссертация. Paris-Nanterre, 1971. P. 80). Вероятнее всего, подобный взгляд восходит к высказыванию Вяч. И. Иванова: «Человек живет для ушедших и грядущих, для предков и потомков вместе» (Иванов Вяч. И. По звездам. Спб., 1909. С. 365).

Ст. 1. — Родос — греческий остров в Эгейском море у юго-западного побережья Турции, на котором в 1306—1308 гг. обосновались члены военно-монашеского ордена иоаннитов (другое название — госпитальеры, родосские рыцари). Ст. 6. — Цитадель — крепость, ключевое фортификационное сооружение в укрепленном районе, средневековом городе. Бастион — вынесенная вперед часть крепостной стены для увеличения площади поражения нападающих. Ст. 11—12. — Конфликты с мирской властью средневековой Европы привели в конце концов к тому, что госпитальеры вынуждены были покинуть остров. Ст. 15. — Небесная Невеста — Дева Мария, которая покровительствовала ордену. Ст. 29—32. — Речь идет о воскресении в Европе рыцарства, о превращении современного мира в «новый Родос».

70. Новая жизнь. 1912. № 1, январь, с вар. - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЛиВ - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990 - - Посвящается Ахматовой: Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой. Tenafly, New Jersey, 1991 - - Душа любви; Новый мир. 1986. № 9.

Дат.: не позднее января 1912 г. — по времени публикации.

По свидетельству Ахматовой, ст-ние посвящено ей. (В мире отеч. классики. С. 455—456). В ст-ниях, посвященных Ахматовой, по мнению Р.Д.Тименчика, «представлены два сквозных мотива, связанных с "образом Ахматовой": существо, несущее смерть герою — "Отравленный", "Укротитель зверей"... — и "лунная дева"...» (см.: Тименчик Р.Д. К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой // Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 253— 254). «...В ходе мучительного стихотворного романа, где его место незавидно и вопль еле слышен во тьме беспомощных перепевок ("Знай, я больше не буду жестоким, / Будь счастливой с кем хочешь, хоть с ним, / Я уеду далеким, далеким, / Я не буду печальным и злым...") открывается Гумилеву новый, самый важный, истинно лирический сюжет» (Лурье С.А. Помилование // Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 249). В.В. Дементьев рассматривает ст-ние как яркий образец акмеистической поэтики: «Это — современная лирическая драма, оснащенная такими же современными реалиями, как самый обыкновенный стакан, да-да, не кубок, не бокал, а граненый стакан, хотя в этой драме он и играет роль кубка... Все значительное, истинно драматическое сосредоточилось здесь не в выкриках, не в эмоциональных всплесках стиха, а в словах, которые можно произнести даже шепотом» (Дементьев В.В. Минута торжества // Лит.Россия. 1989. 23 июня).

Ст. 10—11. — Речь идет о злом духе — маре — в низшей мифологии народов Европы, который, по легенде, садился ночью на грудь спящего и вызывал удушье (отсюда франц. cauchemar, англ. nightmare). Ст. 21. — Образ «прохладного» рая генетически восходит к евангельской притче о бедном Лазаре (см.: Лк. XVI. 19—31).

71. Биржевые ведомости. 1912. 15 января (утр. вып.), с вар. - - Новое слово. 1912. № 1, январь, с вар., подпись — факсимиле - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХвек) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Силард 1979 - - Силард 1983 - - Русский сонет 1987 - - Ст(Куйбышев) - - Сонет серебряного века - - Душа любви.

Дат.: не позднее января 1912 г. — по времени публикации.

История создания данного ст-ния описана В.А.Неведомской: «Гумилев говорил как-то о неминуемом столкновении белой расы с цветными. Ему представлялся в будущем упадок белой расы, тонущей в материализме и, как возмездие за это, восстание желтой и черной рас. Эти мысли были скорей порядка умственных выводов, а не предчувствий, но, помню, он сказал мне однажды: "Я вижу иногда очень ясно картины и события вне круга нашей теперешней жизни; они относятся к каким-то давно прошедшим эпохам, и для меня дух этих старых времен гораздо ближе того, чем живет современный европеец. В нашем современном мире я чувствую себя гостем". По-видимому, это как раз те самые переживания, которые Гумилев передал в стихотворной форме: Я, верно, болен: на сердце туман...» (Жизнь Николая Гумилева. С. 84). «Одной из его поэтических тем была прапамять, — писал А.А.Григорьев. — Возвращаясь к воспоминаниям о своем духовном предке, поэт видел его <...> в образе гунна-завоевателя» (Григорьев А.А. Акмеизм // История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Л., 1983. С. 698). В ст-нии могли отразиться апокалипсические мотивы В.С.Соловьева — см. его работу «Три разговора», гл. «Повесть об Антихристе».

Ст. 7. — Гунны — кочевой народ, сложившийся во II—IV вв. из тюркоязычных племен Приуралья; движение гуннов на Запад в IV в. дало толчок к Великому переселению народов. Ст. 12—14. — Очевидно, имеется в виду столица Византии — Константинополь: гунны вторглись на Балканы в первой половине V в. Ст. 14. — Ср.: «О, да, я помню! Да! я был живым / Когда-то!..» (К.Д.Бальмонт «Последний луч»).

72. Биржевые ведомости. 1912. 5 февраля (утр. вып.) с вар. - - Новое слово. 1912. № 2, с вар., подпись — факсимиле - - **ЧН**.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; Ст(Куйбышев), опеч.

Дат.: не позднее февраля 1912 г. — по времени публикации.

А.И.Павловский видит в этом ст-нии яркий пример антагонистичности Гумилева по отношению к русской литературной традиции, поскольку «мужественное напряжение всех сил души, противостоящей стихии и преодолевающей ее», демонстративно отделено поэтом от идеи «мятежности»: «Его Парус, если воспринимать его в лермонтовском смысле <...> никогда не был мятежным» (Павловский А.И. Николай Гумилев // БП. С. 36, 46).

В подобном же роде высказывалась о ст-нии Е.Русинко: по ее наблюдению, описание моря на закате является поводом не для философских размышлений или сентиментальной воодушевленности, а для проявления объективного акмеистического мастерства (см.: Rusinko E. Gumilev's Acmeism: Theory and Practice. Brown University, 1976. P. 72; Неопублик. диссертация).

Ст. 12. — Латинский парус — разновидность косого паруса в форме прямоугольного треугольника; в начале XX в. такой парус получил распространение в странах Средиземноморья.

73. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Избр(Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ст(Куйбышев) - - Гимн любви: Трехтомное издание избранной лирики поэтов мира. Т. 1. М., 1991 (под рубрикой «Анне Ахматовой»); Лит. в школе. 1990. № 5; Вечерняя Москва. 1989, 15 апреля.

Дат.: 6 февраля 1912 г. — по датировке Н.А.Богомолова на основе материалов П.Н.Лукницкого (Соч. I. С. 508).

Перевод на англ. язык «Love» — SW. P. 51.

Ю.Н.Верховский отмечал в этом ст-нии влияние поэзии Ахматовой (Верховский. С. 108). В.Крейд предпринял попытку подробного разбора этого «довольно загадочного» ст-ния, сопоставляя текст Гумилева и ст-ние Г.В.Иванова «Осенний фантом», которое, по мнению В.Крейда, является «пародией» на

гумилевскую «Любовь»: «“Осенний фантом” чрезвычайно напоминает стихотворение Гумилева “Любовь” <...> Гумилев отметил это стихотворение в своей рецензии на “Горницу” (книгу стихов Г.Иванова. — *Ред.*), но словно бы не заметил сходства <...> Гумилев цитирует двадцать срок из стихотворения из двадцати восьми, выпустив две наиболее пародийные строфы <...>. Гумилев <...> выпустил следующую строфу: “Жестоко оскорбленный, / Тебе отрады нет: / Осмеянный влюбленный, / Непризнанный поэт”. Пародия довольно злая...» (Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenafly, 1989. Pp. 42—44).

Ст-ние имеет как автобиографический, так и интертекстуальный источники. Поводом для создания ст-ния явился затянувшийся визит к Гумилевым в Царское Село М.А.Кузмина 1—13 февраля 1912 г. (см.: Николай Гумилев. Хроника / / Соч III. С. 373). С высокой долей вероятности можно сказать, что в ст-нии Гумилева обыгрываются гомоэротические мотивы, свойственные поэзии Кузмина (достаточно вспомнить, что в ЧН 1912 с «Любовью» соседствует ст-ние «Жестокой» — № 57, сходное по тематике). Помимо того, ст-ние Гумилева проецируется на ст-ние Ш.Бодлера «Tout entière» («Неразделенность»), повествующее о визите к лирическому герою некоего «Демона». Сказанное позволяет видеть в ст-нии «демоническую» интерпретацию образа М.А.Кузмина, подхваченную после Ахматовой (см.: Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. № 6. Pp. 213—305).

74. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Соч I; Русская литература. 1988. № 2, публ. К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Автограф — в альбоме Ф.Ф.Фидлера «В гостях» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 2. № 9. Л. 5).

Дат.: 11 февраля 1912 г. — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Ст-ние представляет собой акростих («Фидлеру»). Записано в тематическом альбоме Ф.Ф.Фидлера «В гостях» 11 февраля 1912 г. во время собрания поэтов, проходившего на дому у И.И.Соколова. Фидлер Ф.Ф. (1859 — 1917) — поэт-переводчик, педагог, коллекционер, был учителем немецкого языка в петербургской гимназии Гуревича, где в 1896 — 1900 гг. учился Гумилев. См. об этом подробнее: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф.Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 171—186).

75. Черное и белое. 1912. № 2, март, подпись — факсимиле, с вар. - - ЧН с вар., - - **Златоцвет. 1914. № 9.**

ЧН 1936, вар. 1912 - - СС 1947 II, вар. 1912 - - СС I, вар. 1912 -. - СП(Волг), вар. 1912 - - СП(Тб), вар. 1912 - - СП(Тб) 2, вар. 1912 - - БП, вар. 1912 - - СП(Феникс), вар. 1912 - - Изб(Кр), вар. 1912 - - СтПРП(ЗК),

вар. 1912 - - СтПРП, вар. 1912 - - ОС 1989, вар. 1912 - - Изб(М), вар. 1912 - - Ст(М—В), вар. 1912 - - ШЧ, вар. 1912 - - Кап 1991, вар. 1912 - - СС(Р-т) I, вар. 1912 - - Ст(М), вар. 1912 - - Изб(Х), вар. 1912 - - ОС 1991, вар. 1912 - - Соч I, вар. 1912 - - СП(XX век), вар. 1912 - - СП(XX век), вар. 1912 - - СПП, вар. 1912 - - СП(Ир), вар. 1912 - - Круг чтения, вар. 1912 - - Ст(Яр), вар. 1912 - - Изб(XX век), вар. 1912 - - ОЧ, вар. 1912 - - ЧН 1995, вар. 1912 - - Изб 1997, вар. 1912 - - ВБП, вар. 1912; Силард 1979, вар. 1912 - - Силард 1983, вар. 1912 - - В мире отеч. классики, вар. 1912 - - Ст(Куйбышев), вар. 1912; Новый мир. 1986. № 9, вар. 1912.

Дат.: не позднее марта 1912 г. — по времени публикации и эпиграфу.

Эпиграф — из ст-ния Ахматовой «Меня покинул в новолунье...», помеченного 1912 г. и вошедшего в «Четки» (1914) (впервые опубликовано в «Ниве», 1913. № 5); дата в автографе РГАЛИ — «1911. Осень» (см.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 455). Ст-ние представляет собой образец акмеистической поэтики: «...Гумилеву окружающий его мир, вероятно, не представляется достаточно юным, потому что он охотно обращает свои взоры к девственным странам, где, конечно, свободнее проявлять даже те прерогативы Адама, в силу которых он дал названия животным и растениям <...> Вследствие этого желания поэт то изображает небывалых зверей ("Укротитель зверей"), то открывает десятую музу...» (Кузмин М.А. Н.Гумилев. Чужое небо // Аполлон. 1912. № 2. С. 74). Образ «укротителя зверей» был использован Г.В.Ивановым в ст-нии, написанном после гибели Гумилева (1922) и обращенном к акмеистическому пониманию жертвенной миссии художника:

И пора бы понять, что поэт не Орфей,
На пустом побережьи вздыхавший о тени,
А во фраке, с хлыстом, укротитель зверей
На залитой искусственным светом арене.
(«Мы из каменных глыб создаем города...»)

Ст. 12. — Ср.: «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4, 7—8). Ст.21. — Имя героини, возможно, генетически восходит к поэзии А.Шенье. Фанни — героиня его «Од» (V—VIII), Франсуаза Лекуте, аристократка, роялистка, последняя любовь поэта; была арестована в одно время с Шенье, чудом дожила до 9-го термидора и была освобождена, однако вскоре скончалась от пережитого потрясения. В стихах, обращенных к Фанни, Шенье неоднократно вводит мотив «увядания цветов», ср.:

...О, Фанни, рядом с Вами
Любви достойных словно нет.
Ах, Клитии цветок унылый
Лишь к солнцу тянется, когда же гаснет свет
Главу склоняет он без силы.
(Ода VI, пер. Е.Гречаной).

См.: Шенье А. Сочинения. 1819. М., 1995. С. 144 (Лит. памятники).

76. ЧН — Избранные стихи русских поэтов: Серия сборников по периодам. Период третий. Вып. II. СПб., 1914, публ. по ЧН.

ЧН 1936, опеч. - - СС 1947 II, опеч. - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Образ Ахматовой. Антология. Л., 1925 - - Акме - - В мире отеч. классики - - Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2, М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990 - - Посвящается Ахматовой: Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой. Tenafly, New Jersey, 1991. - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии. М., 1993; Новый мир. 1986. № 9 - - Аврора. 1987. № 12.

Дат.: не позднее апреля 1912 г. — по времени публикации в ЧН.

Перевод на англ. язык («I know a woman: silence...») — Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. P. 25.

Ст-ние было отмечено В.Ф.Ходасевичем как одно из лучших в «Чужом небе» (см.: Ходасевич В.Ф. Русская поэзия. Обзор // Альциона. М., 1914. С. 205). По мнению Э.Ф.Голлербаха, ст-ние превосходит своим лиризмом более совершенное по форме ст-ние «Из логова змиева...»: «...если продолжать сравнения в терминах изобразительного искусства, (ст-ние. — *Ред.*) похоже на мягкую, туманную пастель, где конкретные черты тонут в зыбкой "карьеровской дымке"» (Голлербах Э.Ф. Образ Ахматовой // Образ Ахматовой: Антология. Л., 1925. С. 9). В.В. Тимофеева считает характерной особенностью ст-ния присутствие «живого и сильного чувства», по ее мнению, достаточно редкого у Гумилева (История русской поэзии: В 2 т. Т. 2. Л., 1968. С. 377). А.И.Павловский подчеркивает соответствие образного ряда ст-ния характеру ахматовской лирики, где «взрыв, катастрофа, момент неимоверного напряжения двух противоборствующих сил, сошедшихся в роковом поединке, но зато <...> это <...> грозовое облако, мечущее громы и молнии, возникает перед нашими глазами во всей своей устрашающей красоте и могуществе, в <...> ослепительной игре небесного света <...> Недаром в одном из посвященных ей стихотворений Ахматова изображена с молниями в руке» (Павловский А.И. Анна Ахматова:

Очерк творчества. Л., 1966. С. 99). «...Гумилев воссоздал не только духовную красоту, но и страстность характера Анны Ахматовой», — писал по поводу того же образа В.В.Дементьев (см.: Лит. Россия. 1989. 23 июня). Р.Эшельман охарактеризовал ст-ние как одно из наиболее удачных аллегорических произведений «высокого стиля», отвечающее гумилевскому призыву к «прекрасной трудности» (Гумилев использует катахретические тропы и парадоксальные формулировки, строя трудно понятные серии образов и описаний с запутанными, сложными периодами). В загадочном образе, обозначенном как «Она», Эшельман выделяет три ипостаси. Эмблема героини — «молнии в руке» — ведет к мифологическому образу греческой богини Афины, часто изображавшейся со стрелой в виде молнии. Соответствуют этому мифологическому образу и такие приметы, как ее глаза, ассоциирующиеся с глазами совы (сова — атрибут Афины); медная музыка — с Афиной, богиней музыки, в том числе военной; эмоциональный холод — с девственностью богини и т.д. В дополнение к гипотезе Р.Эшельмана можно добавить, что с молнией в руке изображали Кибелу — в одеянии жрицы мистерий. Кибела — богиня земли и плодородия, мать богов, владычица гор, лесов и зверей — одно из древнейших хтонических божеств пантеона Древней Греции (см.: Холл. С. 49). Второй план стихотворения связан с реальным прототипом — Анной Ахматовой, чей портрет и характер также узнаются в образных деталях. Наконец, «Она» изображает общую категорию женщин, в представлении Гумилева отличающихся холодом и склонностью к отвержению, а также неутоленностью в любви. Отсюда сложность художественной структуры произведения, которая последовательно расслаивается из монистической универсальной категории на три фигуры (Афина, Ахматова, героиня), разрушает романтическую традицию XIX в. и, используя архаическую ямбическую метрику, «перепрыгивает» в XVIII в. к жанру оды, ассоциирующейся с высоким стилем. В то же время Гумилев обращается к традиции Ш.Бодлера, и это ст-ние воспринимается как эхо «Аллегории» из «Цветов зла». Исследуя ритмическую организацию и звукозапись стихотворения «Она», Р.Эшельман показывает, как торжествует один из основных принципов Гумилева — возвышенное преодоление разобщенности цельностью (см.: Eshelman. Pp. 107—112).

77. ЧН.

ЧН 1936 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; Ст (Куйбышев).

Дат.: не позднее апреля 1912 г. — по времени публикации.

Перевод на англ. яз. («The Urchin») — SW. P. 50.

С.М.Городецкий отмечал, что в «Оборванце» очевидно влияние «брюсовской школы»: «строгое внимание к форме, преобладание метрики над ритмикой, господство воли над чувством, холода над теплом, мысли над ощущением» (Речь. 1912. 15 октября, № 283 (2237)). Ахматова считала, что в ст-нии присутствует целый ряд тематических и ритмико-интонационных реминисценций из ст-ний Андрея Белого — «Древний» и др., собранных в книге «Пепел» (См.: Соч I. С. 508). Н.А.Оцуп иллюстрировал данным ст-нием «какое-то смиренное уважение Гумилева к народу. Без заигрываний и ломаний — он свой с простыми людьми» (Изб 1959. С. 27). «Его странствия в далеких краях понадобились ему для того, чтобы приобрести желательное мастерство в употреблении красок и звуков, имевшее конкретной целью высечь образ России, чью личность и духовное богатство он никогда не упускал из виду, — писал о Гумилеве Л.Аллен. — Уже в книге «Чужое небо» в стихотворении «Оборванец» появляется «серый» герой, излюбленный герой всей русской литературы. Это лицо — духовный брат Акакия Акакиевича, Платона Каратаева и Федьки Каторжного. Впрочем, гумилевский «оборванец» стоит ближе всего к герою «Бесов», искусителю барина Ставрогина. Раздваиваясь в ходе стихотворения, поэт прячется за вторым оборванцем, который нагло возражает первому, оставаясь его тайным другом ("...Ишь! Начитался дряни разной, / Вот и говоришь!")» (Аллен Л. Н.С.Гумилев и отечественная литературная традиция / / Russian Literature and History. Jerusalem, 1989. P. 82).

Ст. 12. — До 1917 г. обслуживание пассажиров на российских железных дорогах определялось по категориям, из которых высшей был первый класс.

78. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Русская литература. 1988. № 2; публ. К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Автограф — в «Альбоме автографов членов кружка "Вечера Случевского"» (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. 3-а. Л. 12, об.).

Дат.: 10 марта 1912 г. — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Ст. 1. — Имеются в виду марки автомобилей. Ст. 2. — Какаду — порода попугая; розовый какаду, воспетый Ахматовой и Гумилевым, жил у них в царскосельском доме и был известен всей читающей России. Ст. 3. — Н.Н.Вентцель (псевд. Бенедикт; 1855—1920) — поэт, драматург и переводчик.

79. Русская мысль. 1912. № 7, с вар., вместе со ст-ниями «Рим» и «Пиза» (№ 80 и 81) под общим загл. «Итальянские стихи», с общим указанием места и года написания: «Италия, 1912 г.» - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - ИС 1943 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП -

- СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП; Ст(Куйбышев).

Дат.: не позднее 20 мая 1912 г. — по датировке М.Баскера (Неизд 1986. С. 238).

Ст-ние входило в тематический цикл «итальянских» стихов, созданных Гумилевым во время поездки в Италию в апреле-мае 1912 г. Традиционно «итальянские» стихи Гумилева противопоставляются «Итальянским стихотворениям» Блока: «У Гумилева итальянское прошлое и настоящее не враждебны, как у Блока, друг другу, а естественно сливаются в нерасчлененном жизненном потоке» (Винокурова И. Жестокая, милая жизнь... // Новый мир. 1990. № 5. С. 256). «Стихотворение вводит нас в неустановленную мною картину, — писал о "Генуе" Ж.Нива. — <...> Оно переносит нас в Palazzo Reale, скорее всего, в зал фламандцев. Все искусство Гумилева состоит в том, чтобы воодушевить эту картину портовой деятельности так, чтобы нельзя было сказать, идет ли речь о порте на картине, или же о порте в окне... Это, пожалуй, наиболее удачная из всех стилизаций в гумилевских итальянских стихах <...> Гумилев заходит в жизнь картины, там, где Блок акцентировал бы внимание на "не-жизни" своих современников и самого себя. Италия предоставила обоим поэтам свое посредничество, но итоги — крайне противоположные. Блок размышлял над смертью, Гумилев — над жизнью» (Nivat G. L'Italie de Blok et celle de Gumilev // Revue des Etudes Slaves. 1984. № 54. P. 707). «Характерным образом для эстетики пост-символизма вообще, итальянские стихи Гумилева стремятся к нарушению любого иерархического соотношения между природой и искусством (культурой), создавая пейзаж из эстетических предметов, строя художественные тексты как "органические, или природные" (Doherty J. Acmeist Perceptions of Italy // Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Jury Mikhailovich Lotman. Amsterdam, 1993. P. 111).

Ст. 1. — Палаццо дожей — дворец правителей генуэзской республики. Ст. 6. — Арматор (или капер) — частное лицо, занимающееся во время войны (с ведома своего правительства) захватом коммерческих неприятельских судов или судов нейтральных стран, занятых перевозкой грузов в пользу неприятеля. Ст. 16. — Ливорно — город-порт в Италии. Пирей — портовый город, предместье Афин, крупнейший греческий порт. Ст. 17. — Брабант — провинция в Бельгии.

80. Русская мысль. 1912. № 7, с вар., вместе со ст-ниями «Генуя» и «Пиза» (№ 79 и 81) под общим загл. «Итальянские стихи», с общим указанием места и года написания: «Италия, 1912 г.» - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС 1 - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - -

Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) 1 - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП; Душа любви - - ЛН.

Автограф с вар. — в письме к Брюсову от 22 мая 1912 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед.хр. 20. Л. 24).

Дат.: не позднее 20 мая 1912 г. — по датировке М.Баскера (Неизд 1986. С. 238).

Ст-ние было послано В.Я.Брюсову, вместе с другими «итальянскими» ст-ниями. 22 мая 1912 г. Гумилев писал Брюсову: «Для меня было большой радостью узнать, что мои итальянские стихи Вам понравились. Что же касается Ваших сомнений, то у меня были те же самые, так что я охотно пойду на исправления <...> В "Риме" было вместо "царство иное" — "царство покоя", вместо "он крепок лишь следом длинных" — "он крепок следом призывных", период двух строф был яснее (смысл новых таков: что значит вся эта мишура, твой город тот же дикий и вечный, благодаря своему божественно-звериному происхождению) <...> А на неверные рифмы меня подбили стихи Блока. Они очень заманчиво звучат» (ЛН.С. 509). «В метафорах "Римской волчицы", с ее "пастью кровавой", с ее "звериной мастью", волчицы, которая рычит "от бранного пыла" — угадываются приметы итальянской атмосферы начала XX в. Итало-ливийская война 1911 г. за влияние в Северной Африке, распространение националистической идеологии в Италии были в то время характерными чертами жизни страны. Они нашли отражение и в итальянской литературе, особенно в творчестве Г. Д'Аннунцио, почитателем которого был Гумилев. Они побудили самого Гумилева обратиться к символике Древнего Рима. Размышляя о жизни вечного города, поэт видит его главные скрепы не в религии и власти Ватикана, а в имперской традиции, идущей из глубины веков» (Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 257). О «зверином» начале римской цивилизации, повторяющей в своих установках законы дикой природы, см.: Зорина Т.С. Рим Н.С.Гумилева // Гумилевские чтения. СПб., 1996. С. 162—163.

Ст. 1—8. — Описывается так называемая «Капитолийская волчица», памятник легендарным основателям Рима, братьям Ромулу и Рему. Ст. 11—12. — Возможно, речь идет о разрушении города Альбы, бывшего на заре основания Рима главой латинских общин. Ст. 22. — Храм святого Петра — главный храм Ватикана, святыня католичества.

81. Русская мысль. 1912. № 7, с вар., вместе со ст-ниями «Генуя» и «Рим» (№ 79 и 80) под общим загл. «Итальянские стихи», с общим указанием места и года написания: «Италия, 1912 г.» - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС 1 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - -

СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП.

В письме к Брюсову от 22 мая 1912 г. Гумилев писал: «Вот как у меня было в первой редакции (если это Вас удовлетворяет, оставьте)

Конец "Пизы"
Сатана в нестерпимом блеске
Оторвавшись от старой фрески,
Распростерся с тоскою всегдашней
Над кривою пизанской башней.

Вместо "распростерся" можно поставить "изогнулся" или "наклонился", у меня нет предпочтений» (РГБ. Ф. 84. К. 20. Л. 25).

Дат.: не позднее 20 мая 1912 г. — по датировке М.Баскера (Неизд 1986. С. 238).

Ст-ние содержит богатый материал для исследователей историософских взглядов Гумилева. Уже Ю.Н.Верховский отмечал «психологизм» данного ст-ния, находящий воплощение «в противопоставлении радостного настоящего и рокового бремени вечности» (Верховский. С. 121—122). В книге Т.П.Головановой «Наследие Лермонтова в советской поэзии» (Л., 1978) ст. 17—20 цитировались в связи с «поэтической стихией мирового "непокоя"», с протестом против устоявшихся норм жизни, культом «возмездия», свойственных, по мнению автора, творчеству Гумилева: «Естественно встретить в этой психологической атмосфере образы мстителей — Сатану, склонившегося в "нестерпимом блеске" над современным миром...» (С. 29). А.И.Павловский, напротив, усматривает в ст-нии свидетельство «воинствующей и столь же неколебимой асоциальности» Гумилева, поскольку «вечность» в сознании поэта «как бы уравнивает всех и вся: (цит. ст. 13—16. — *Ред.*)» (БП. С.46). По мнению Ю.В.Зобнина, «за яркими, уютными картинами "цивилизованных" итальянских городов <...> взгляд поэта улавливает некие "призрачные" движения, свидетельствующие, что прежняя "стихийная" энергия отнюдь не иссякла и ждет лишь случая, чтобы вырваться на поверхность истории» (Русский путь. С. 46—47). В работе С.Шварцбанда ст-ние рассматривается в контексте поэтической «дуэли» Блока и Гумилева: «Не мог он (Блок. — *Ред.*) принять... "былое... бремя", продолжающее "жить в настоящем...". Стоит ли удивляться тому, что стихотворение "Сиена" Блока фактически стало ответом Гумилеву ("О, янтарный мрамор Сиены..."):

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой воинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон.

В блоковском черновике (1914 г.) после третьей строфы — еще одна:

И, неся грозу долинам,
Как военная стрела,
Ты, на зависть гибеллинам,
Ту, последнюю, взнесла!

Упоминание гибеллинов в черновике Блока, возможно, возникло также при знакомстве со стихотворением Гумилева "Пиза" (цит. ст. 13—16). При публикации стихотворения Блока в "Русской мысли" у "Сиены" была еще одна — заключительная — строфа:

Иль, сама о том не зная,
С безрассудством красоты,
Строгой готикой играя,
В сердце Бога метишь ты?

Реминисценции показательны: "Готические башни" (Гумилев) — "Строгой готикой..." (Блок), "Сатана... наклонился... над..." (Гумилев) — "В сердце Бога метишь..." (Блок)» (Шварцбанд С. «Четвертая книга» стихотворений Н.Гумилева (Квазиповествовательный текст: система и организация) // Berkeley. P. 295—297).

Ст. 3—4. — Сиена, Каррара — тосканские города (Италия), известные, помимо многочисленных достопримечательностей, полезными ископаемыми, добываемыми в окрестностях — сиенитом и белым мрамором, которые употреблялись в декоративных и строительных целях. Ст. 11. — Содома (Джованни Антонио Бацци; 1477—1549) — итальянский художник. Ст. 12. — Уголино делла Герардеска (ум. 1289), граф, правитель Пизы, свергнутый гибеллинами и заточенный вместе с сыновьями и внуками в башню, где умер от голода (его история изложена в «Божественной комедии» Данте: Ад, песни 32—33). Ст. 15—16. — Гибеллины и гвельфы — две жестоко враждовавшие партии в Италии XIII — XIV вв. (первые были приверженцы имперской, а вторые — папской власти). Ст. 24. — Имеется в виду знаменитая «кампанилла» — башня XII—XIV вв., наклоненная от оси перпендикулярности.

82. При жизни не публиковалось. **Печ. по копии автографа**.
СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч 1.

Копия автографа — в альбоме О.А.Кузьминой-Караваевой.

Дат.: 18 июня 1912 г. — по датировке в альбоме.

Об истории создания данного ст-ния см. воспоминания В.А.Неведомской: «Наше Подобино было совсем не похоже на Слепнево. Это было подлинное "дворянское гнездо" — старый барский дом с ампирными колоннами, громадный запущенный парк, овеянный романтикой прошлого, верховые лошади и полная свобода <...> ...В Подобине, кроме наших с мужем двух верховых лошадей, всегда имелось несколько молодых лошадей, которые предоставлялись гостям. Лошади, правда, были еще мало объезженные, но никто этим не смущался» (Жизнь Николая Гумилева. С. 78). См. также ст-ние «Грустно мне, что август мокрый...» (№ 118).

Ст. 1. — Имеется в виду трагическое событие минувшей зимы — смерть М.А.Кузьминой-Караваевой. Ст. 2. — Речь идет об О.А.Кузьминой-Караваевой. Ст. 9—12. — Перечисляются клички подобинских лошадей. Ст. 20. — Неведомский Владимир Константинович — владелец усадьбы Подобино, знакомый Гумилева. Ст. 48. — Неведомская Вера Алексеевна (в девичестве — Королькова) — жена В.К.Неведомского, художница, ученица О.Л.Делла-Вос-Кардовской, царскосельской знакомой Гумилева.

83. ЕЛПН. 1912. № 9, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс), опеч. - - Изб(Кр), опеч. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989, опеч. - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Автограф — корректура с авторской правкой — в архиве М.Л.Лозинского.

Дат.: не позднее сентября 1912 г. — по времени публикации. Ахматова указывала другую дату — зима 1910 — 1911 гг. (Жизнь поэта. С. 113).

Ст-ние представляет собой поэтическое выражение декларируемого акмеизмом «мужественно твердого и ясного взгляда на жизнь». «Нам дорога мужественная поступь <...> зрелого стиха Гумилева, смелое разрешение лирического сюжета, и, прежде всего, его поэтический, страстный призыв к дерзновенному героизму...» («О доблести, о подвигах, о славе...» // Изб 1943. С. 2).

Ст. 6. — Св. Пантелеймон — врач, христианский великомученик (казнен в 305 г.). Св. Георгий Победоносец — христианский воин-великомученик (казнен в 303 г.), в европейской средневековой традиции — идеал рыцарства, духовный покровитель идеалистов-крестоносцев, в России — покровитель воинства.

84. Гиперборей. 1912. № 1, октябрь, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Русские поэты серебряного века - - Акаткин.

Автограф — наборная рукопись «Гиперборея» (строфы 8, 9 — рукой С.М.Городецкого), с вар. — в архиве М.Л.Лозинского. В ст. 5 вместо «где тихи гробы» ранее было: «давно истлевших»; в ст. 6 зачеркнуто: «жива», «слава, власть и»; в ст. 10 зачеркнуто: «Или сверхчеловек»; в ст. 12 вместо «крылья» ранее было «радость»; в ст. 20 зачеркнуто: «опочили мучеников раки»; в ст. 22 вместо «смиренной» ранее было «нетленной».

Дат.: не позднее октября 1912 г. — по времени публикации.

Ст-ние носит программный характер и его появление в № 1 журнала «Гиперборей», в канун формирования акмеистической программы, сопровождалось своеобразной полемикой с другим «синдиком» Цеха поэтов и теоретиком акмеизма — С.М.Городецким. В журнале, сразу за ст-нием Гумилева, следовало одноименное ст-ние С.М.Городецкого, представлявшее, по выражению А.И.Павловского, «филлиппику, долженствующую направить Гумилева на верный путь» (БП. С. 33):

О, неужель художество такое,
Виденья плотоядного монаха
Ответ на всё, к чему рвались с тоскою
Мы, акмеисты, вставшие из праха?

(Гиперборей. 1912. № 1. С. 14). На эту своеобразную полемику обратил внимание Б.М.Эйхенбаум, писавший в рецензии на «Колчан» о двойственном понимании акмеизма, характерном для его теоретиков (см.: Русская мысль. 1916. № 2. Отд. II. С. 17). С другой стороны, Брюсов, отрицательно относившийся к идеям акмеистов, видел в этом ст-нии Гумилева одну лишь подражательность историософским произведениям символистов: «Есть в "Гиперборее" стихи г. Гумилева о Беато Анджелико, в духе стихотворных характеристик, ставших весьма обычными в нашей поэзии после "Леонардо да Винчи" и "Микель Анджело" Д.Мережковского» (Русская мысль. 1913. № 4. Отд. II. С. 141). Разбору этого ст-ния и «ответного» ст-ния Городецкого посвящена специальная работа И.Ф.Мартынова «Два акмеизма: К истории поэтической дискуссии о творчестве Фра Беато Анджелико» (Вестник русского христианского движения. 1986. № 148. С. 108—122). Охарактеризовав до-акмеистические интерпретации

искусства итальянского проторенессанса (и творчества Беато Анджелико) в поэзии Блока и Бальмонта как «типичную для символизма тенденцию к истолкованию любых произведений искусства в чисто мистическом ключе» (С. 111), И.Ф.Мартынов обращает внимание, что «объективно» творчество Беато Анджелико содержало в себе вполне «акмеистические» черты: «...первым среди кандидатов в "праакмеисты" несомненно был Фра Беато Анджелико, художник, чье творчество <...> наглядно демонстрировало все добродетели этой школы: "равновесие" и "прочность", живую связь земного и небесного, наивный восторг первооткрывателя новых миров и глубокую внутреннюю одухотворенность поэта милостью Божьей. Не удивительно то теплое чувство душевного родства, которым пронизано программное стихотворение русского паломника во Фьезоле (т.е. Гумилева. — *Ред.*)...» (С. 113). Ст-ние Гумилева, по мнению И.Ф.Мартынова, стало «камнем преткновения» для идеологов акмеизма потому, что «сподвижник» Гумилева — Городецкий — не изжил в себе декаденства, был нравственно неустойчив и, главное, «невоцерковлен» в своем творчестве. «"Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит", — гордо заявлял Гумилев накануне акмеистического "бунта", не желая поступиться ради любых "призрачных благ" хотя бы малой толикой вновь обретенной веры. Эта позиция, ясно и четко изложенная им в стихотворении "Фра Беато Анджелико", абсолютно не устраивала расчетливого прагматика Городецкого, и он постарался высмеять и развенчать наивного живописца из Фьезоле в глазах своих товарищей по "Цеху" <...> Гумилев не внял советам человека, абсолютно чуждого духу христианства, более того, добился публикации в "Аполлоне" двух принципиально различных по отношению к религии манифестов <...>. Гармоническая неразрывность Адама небесного и Адама земного, столь характерная для фресок Фра Беато Анджелико, стала лейтмотивом творчества зрелого Гумилева, считавшего поэзию, наряду с органичной, "не мудрствующей лукаво" религией, важнейшим средством духовного "перерождения" плотски полнокровного, не чуждого никаким радостям и горестям этого мира человека в "высший тип" Человека Космического. Другими путями шли в жизни и в поэзии Сергей Городецкий, Михаил Зенкевич и Владимир Нарбут» (С. 117—118). Статья Мартынова вызвала пространные возражения Дж.Дохерти. По мнению Дохерти, совместная публикация ст-ний Гумилева и Городецкого «заставила многих комментаторов (вроде Мартынова) остановить свое внимание на полемическом аспекте, но не менее достойны внимания — декларации центрального значения "итальянской темы" внутри акмеизма. Эти два стихотворения выявляют терпимость к контрастным подходам к определенной поэтической задаче, взаимозависимость и разнообразие взглядов внутри "Цеха поэтов". <...> Мартынов совершенно справедливо обращает внимание на сосуществование небесного и земного в стихотворении Гумилева и на отказ от духовной сферы в стихотворении Городецкого, но эти стихотворения являются значительными декларациями об искусстве вообще <...>. Городецкий следует за Блоком, отвергая картины Фра Беато Анджелико, потому что в них искусство не

верно природе <...>. И если на одном уровне Городецкий ошибочно воспринимает стихотворение Гумилева как символистское и антиакмеистическое <...>, то на другом уровне Городецкий, в сущности, лишь показывает степень своей собственной задолженности символизму, не оценив оригинальности стихотворения Гумилева <...>. Стихотворение Гумилева — не символистское: в нем нет стремления a realibus ad realiora. Наоборот, в нем подчеркивается равенство двух миров; умение Фра Беато Анджелико совмещать земное и Божественное (цит. ст. 36, 45. — *Ред.*). Это — попытка не только прокомментировать определенные работы художника, но также воссоздать дух пре-ренессансного мировоззрения Фра Беато Анджелико <...>. Демонстративно отождествляя себя с искусством Фра Беато Анджелико, Гумилев также настаивает на его "оприродовании": художественное пространство стихотворения определяется переходом между сферами искусства и природы, так же, как и земного и небесного (цит. ст. 45—48. — *Ред.*). Здесь — не столько контраст, сколько комплиментарность природы ("средь тонких тополей...") и предметов культуры (cultural artefacts) ("И в глубине готических церквей..."); подобным образом глаголы "горят" и "спят" не противопоставляются иерархически, а гармонизируются» (Doherty J. Acmeist Perceptions of Italy // Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Jury Mikhailovich Lotman. Amsterdam, 1993. Pp. 109—111). Ряд исследований посвящен интерпретации последнего четверостишия (ст. 45—48), которое получало самые различные толкования: «Блок, считавший мир "страшным", жизнь бессмысленной, Бога жестоким или несуществующим, и Гумилев, утверждавший с предельной искренностью, что "все в себя вмещает человек, который любит мир и верит в Бога"», — писал Г.В.Иванов, выстраивая своеобразные антиномии истории русской поэзии XX в. (Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. М., 1988. С. 398); «Гумилев <...> не нуждался в Италии, как в стихии латинской ясности, потому что у него была собственная ясность, ничем не возмущаемая, — продолжал эту же тему Н.А.Оцуп, видевший в ст-нии перекличку со ст-нием Ш.Бодлера "Les Phares" ("Маяки"). — Это с поразительной стройностью вылилось у него в <...> "Фра Беато Анджелико" <...> Гумилев, предпочитая славнейшим художникам Италии смиренного фра Беато, кончает свою вещь смиренными же словами: (цит. ст. 45—48. — *Ред.*)» (Изб 1959. С. 26). «Он (Гумилев. — *Ред.*) пытался, хотя и с огромным трудом, прорваться сквозь паутину романтической и эстетизированной экзотики к самой жизни. Примечательно стихотворение "Фра Беато Анджелико", прославляющее художника, дышащего любовью к миру: (цит. ст. 21—48. — *Ред.*)» (Евгеньев Н.Н. Модернистские течения и поэзия межреволюционного десятилетия // Русская литература конца XIX — начала XX вв. 1908—1917. М., 1972. С. 311—312). «Весьма характерно, что Гумилев, декларировавший в своем манифесте "зрелость духа", выступил на страницах "Гиперборея" поклонником Фра Беато Анджелико — художника средневековья, творчество которого

окрашено в мистически-религиозные тона. Гумилев предпочитает этого художника даже Рафаэлю, Леонардо да Винчи и Буанаротти. Стихотворение заканчивается следующими знаменательными строками: (цит. ст. 45—48. — *Ред.*)» (Волков А.А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М., 1952. С. 464—465). «...Горение, да еще с оттенком религиозности ему (Гумилеву. — *Ред.*) не свойственно. С Богом у него не более благополучно, чем с Родиной. Сказать, что не верит в Бога — нельзя, он всячески старается примирить с ним свою "вселенскую душу": (цит. ст. 47—48. — *Ред.*)» (Ульянов Н.И. Гумилев // Человек. 1990. № 1. С. 175). «В Бога он крепко верил, но грустил. Как просто сумел поэт выразить это чувство и мысль: "Есть Бог, есть мир. Они живут вовек, а жизнь людей мгновенна и убога"» (Плетнев Р. Н.С.Гумилев (1886—1921): С открытым забралом // Зап. рус. академ. группы в США. Т. VI. Нью-Йорк, 1972. С. 52). «..."Колчан" знаменует <...> полную духовную зрелость поэта — не только совершенство его поэтической техники. Есть нечто загадочное в том, что у Блока Италия вызвала целый ряд кощунственных, святотатственных стихотворений, тогда как Н.Гумилев именно здесь, под воздействием фресок Беато Анджелико, формулирует свое жизненное кредо:

Есть Бог, есть мир — они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.
Но всё в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога».

(Вагин Е. Поэтическая судьба и миропереживание Н.Гумилева // Беседа. 1986. № 4. С. 181).

«В определенные моменты Гумилев считает себя в силах согласовать радости неба и земли», — подытоживала результаты исследований по выявлению гумилевского акмеистического «credo» М.Малин (Maline M. Nicolas Gumilev, poète et critique acméiste. Bruxelles, 1964. P. 199). Ж.Нива, не вдаваясь в анализ собственно философской специфики ст-ния, замечал, что «наивная простота» изложения своих взглядов на сложнейшие проблемы мировидения — «весьма в духе Фра Анджелико» (Nivat G. L'Italie de Blok et celle de Gumilev // Revue des Etudes Slaves. 1982. № 54. P. 707). На «стилистическое» влияние живописи Беато Анджелико на Гумилева обращал внимание и Р.Д.Тименчик, утверждая, что «именно этот художник послужил, в свое время, Гумилеву материалом для аналогии между соотношением цветов и соотношением гласных <в стихе. — *Ред.*>. В письме 1906 года к Брюсову он комментировал строфу из своего "Каракаллы": "<...> Здесь в первой строке долгие гласные должны произноситься гортанно и вызывать впечатление силы, а во второй строке два "е" и два "о", произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах Фра Анджелико Фьезоле относятся к горячим красным"» (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме (II) Russian Litera-

ture. 1977. № V(3). С. 287—288). В.К.Размахнина видела в финальных строках ст-ния перекличку с державинской одой «Бог» — идейную и поэтическую (см.: Размахнина В.К. Серебряный век. Очерки к изучению: Учебное пособие. Красноярск, 1993. С. 85), а И.Делич — «адамистическую» символику «возвращенного рая» (Делич И. Николай Гумилев // История русской литературы. XX век: Серебряный век. М., 1995. С. 495—496).

В ст-нии возможна реминисценция из Пушкина («Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров...»)).

Фра Беато Анджелико (наст. имя — Джованни да Фьезоле; прозвище — Иль Беато Анджелико; ок. 1400—1455) — монах-доминиканец (отсюда содержащееся в имени обращение — «фра» — «брат»), флорентийский живописец. Ст. 1—6. — Имеется в виду Италия. Ст. 1—2. — Гиппогриф — фантастическое животное, пернатая лошадь с головой грифа. Крылатый Лев — символ Венеции. Фурии — богини мщения, преследовавшие преступников, то же, что и эринии; здесь — распутные и жестокие правительницы. Ст. 17.— Фьезоле — город, близ которого в монастыре Сан-Доменико жил Фра Анджелико. Ст. 20. — Рака — каменный саркофаг, в котором покоятся мощи святых. Ст. 29—36. — По мнению Н.А.Богомолова, речь идет о двух фрагментах картины для алтарной ниши флорентийского монастыря Сан-Винченцо Д'Анналена — «Мадонна с младенцем и святыми» и «Усекновение главы святых Козьмы и Дамиана». Колорит ст-ния, основанный на сочетании синего (голубого) и золотого, Н.А.Богомолов относит к символике иоанновского масонства (см.: Соч I. С. 514). В то же время Ж.Нива указывает как на «несомненный» прототип гумилевского ст-ния — роспись алтарной лестницы монастыря св. Марка во Фьезоле (см.: Revue des Etudes Slaves. 1982. № 54. P. 707).

85. Гиперборей. 1912. № 3, дек., с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Колчан (Р-т) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Образ Ахматовой. Антология. Л., 1925 - - Душа любви - - Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX — начала XX века. Л., 1991.

Автограф 1, с вар. — в архиве М.Л.Лозинского. Автограф 2, с вар. — в фонде П.Л.Вакселя (РНБ. Ф. 124. Оп. 11. № 1398. Л. 2—2 об.).

Дат.: не позднее декабря 1912 г. — по времени публикации.

Ю.Н.Верховский писал, что в данном ст-нии, как и в «Паломнике», тема «странствия» превращается в проблему «странничества духа», т.е. движение воспринимается как метафизическая ценность (Верховский. С. 135—136). Э.Ф.Голлербах поместил это ст-ние в антологию «Образ Ахматовой», заметив, однако, во вступительной статье, что «можно колебаться» относительно правомочности нахождения ст-ния в данной тематической подборке (см.: Образ Ахматовой. Антология. Л., 1925. С.9).

Ст. 7. — Хламида — одежда греков и римлян в виде короткой, перекидывающейся через плечо накидки; в контексте ст-ния — верхняя широкая одежда. Ст. 9. — Ср.: «О славном, о страшном, о призрачном времени...» (Брюсов В.Я. «Жалоба героя»). Ст. 14. — Кибитка — крытая повозка, легкое переносное жилище у кочевых народов. Ст. 17. — Китай выступает у Гумилева этой поры в символическом значении «земного рая» (см.: Баскер М. Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай»: К прочтению одного прото-акмеистического мифа // Н.Гумилев и русский Парнас. С. 5—24). Ст. 22. — Пагода — буддийский храм (в Индии, Японии, Китае и др.). Будда («Просветленный») — антропоморфный символ в буддийской мифологии, означающий идеал духовного развития; применяется, прежде всего, к царевичу Шакьямуни, основателю буддизма, жившему в 566—476 (или 563—473) до н.э.

86. Гиперборей. 1912. № 3, декабрь, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Руcский путь - - Изб 1997 - - ВБП; Голос Родины, ноябрь 1989 (№ 44 (2708)).

Автограф 1 — наборная рукопись «Гиперборея», с вар. — в архиве М.Л.Лозинского. Автограф 2 — корректура «Колчана» с авторской правкой — в архиве М.Л.Лозинского. В ст. 8 — вместо «залегала» было: «помещалась». В ст. 26 — вместо «в небесах» было: «На земле». В автографе 2 загл.: «Сказка. Тэффи» помечено рукой Гумилева: «Печатать петитом как посвящение».

Дат.: не позднее декабря 1912 г. — по времени публикации.

В экземпляре «Колчана», принадлежавшем П.Н.Лукницкому, есть помета Ахматовой: «Сон. Слепнево. Лето 1912» (см.: СП(Тб). С. 478).

Источник сюжета ст-ния до конца не выяснен, хотя очевидно, что на него как-то повлияли сказания индуистской мифологии, в частности, упоминаемый в ст-нии Брама (Брахма) — высшее божество, творец мира, божественная воля. Можно найти связи со сказаниями о зачатии Брахмой порождения гнева — Рудры и т.д.

Тэффи — псевдоним Н.А.Бучинской (в девичестве — Лохвицкая; 1872—1952), писательницы-сатирика и поэтессы. В частности, в ст-нии можно усмотреть перекличку с тематикой единственной книги ст-ний Тэффи «Семь огней» (СПб, 1910), напр. со ст-ниями «Зверь», «Эль-Саир», «Жертва», в которых воскрешается архаическая мистериальная символика. О книге Тэффи Гумилев отзывался одобрительно (Жизнь Николая Гумилева. С. 106; ПРП 1990. С. 97—98).

87. Гиперборей. 1912. № 3, декабрь, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Автограф с вар. в РГАЛИ (Ф. 147. Оп. 1. Л. 3). В ст. 11 вместо «дрожат» было: «блестят».

Дат.: не позднее декабря 1912 г. — по времени публикации.

«Мир населен таинственными существами, химерами — никто не знает, откуда они пришли. Существование их — загадка, но только уж конечно не символ, и все равно, жили ли они среди нас от начала мира, или только минута бреда вызвала их на свет... И вот, порожденный поэтом образ становится для него загадкой. Тревожно хочет он в нее проникнуть и не умеет. Создание новоявленное, неслыханное, оно сильней и его мыслей, и его памяти. Глаза его глядят и видят воочию, а что — он и сам не знает» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // Аполлон: 1917. № 6—7. С. 64—65). По мнению Е.Сампсон, ст-ние «Птица» — первое в ряду «кошмарных» ст-ний-гротесков, предвосхищающих «Заблудившийся трамвай» (см.: Sampson E. In the Middle of the Journey of Life. Gumilev's Pillar of Fire // Russian Literature Triquarterly. 1971. № 1. P. 290).

Ст. 2. — Литания — молитва у католиков, которую поют или читают во время религиозных процессий. Ст. 6. — Ср.: «Зов истлевший лир» (В.Я.Брюсов. «Вячеславу Иванову», 1903). Цимбала — музыкальный инструмент, дающий при встряхивании звук, тождественный ноте «фа»; в мистическом символизме этот музыкальный инструмент — атрибут богини Исиды, означающий гармонию четырех элементов природы. Ст. 12. — Луна входит в символику Исиды. Ст. 14. — Ганимед — в греческой мифологии сын царя Трои, похищенный Зевсом, принявшим вид орла. Ст. 17—20. — Голубь, являющийся в христианстве эмблемой Духа Святого выступал в качестве мистериального символа в архаических религиозных культах (Астарты, Венеры, Юноны, Исиды), означая активность бога (см.: Холл. С. 319).

88. При жизни не публиковалось. **Печ. по факсимильной копии автографа.**
СС II - - СС(Р-т) II - - Соч I; Наше наследие. 1989. № 4. Факсимильная публикация автографа Л.К. и Е.Ц.Чуковских.

Автограф — в альбоме «Чукоккала» (семейный архив Чуковских).

Дат.: 1912 г. — по воспоминаниям К.И.Чуковского (Жизнь Николая Гумилева. С. 136).

Ст-ние посвящено К.И.Чуковскому (1882—1969) и его жене М.Б.Чуковской (1880—1955). В воспоминаниях Чуковского о Гумилеве рассказывается о создании ст-ния: «Как-то в 1912 году, еще до военных времен, он приехал ко мне в Куоккалу и, перелистывая мой альманах (речь идет об альбоме Чуковского «Чукоккала». — *Ред.*), пренебрежительно отозвался об имеющихся в нем акростихах, как о слишком легкой поэтической форме, и заявил, что на этих страницах он готов решить более трудную литературную задачу: написать стихи, которые у средневековых поэтов назывались «Крестом»: в тексте стихотворения должны перекрещиваться мое имя с именем моей жены, Марии Чуковской. Созданию этого «Креста» он посвятил не более получаса — и блестяще справился с трудной задачей, хотя самый текст «Креста» вполне оправдал его опасения:

Увы, наверно выйдет стих-урод.

Стих, главным образом во второй половине, вышел действительно неуклюж и нескладен, но нельзя же не учитывать величину тех препон, которые поставил перед собой поэт» (Жизнь Николая Гумилева. С. 136).

Ст. 5—6. — Иона — ветхозаветный пророк, попавший за грех неповиновения на три дня во чрево чудовищной рыбы (кита) (см.: Иона. 2. 1 — 11).

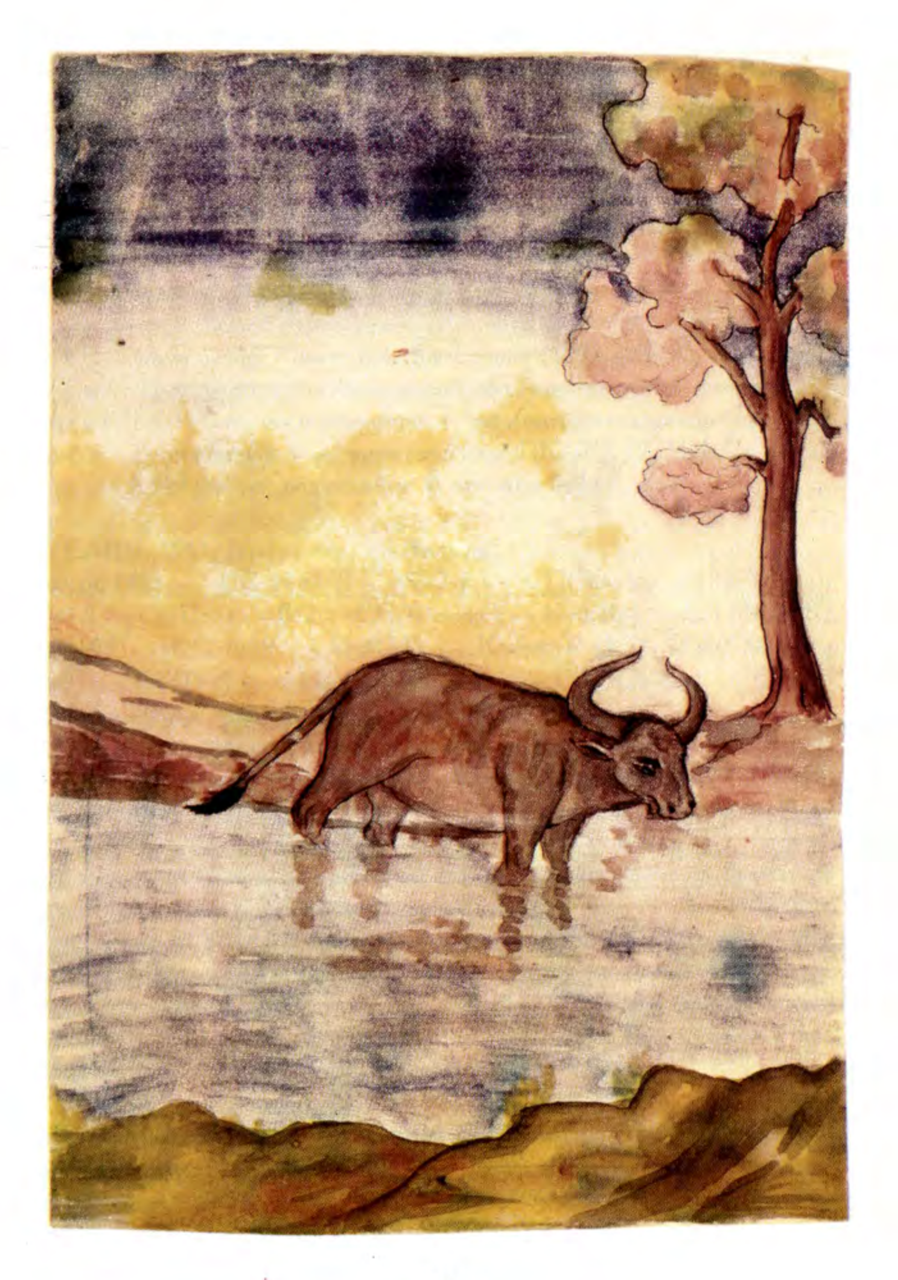
1913

89. Колчан.
Колчан 1923 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Сп(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Колчан(Р-т) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) 1 - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - Акме - - Душа любви - - Лазаренко.
Дат.: в течение 1913 г. — по датировке Гумилева.

Ссылаясь на это ст-ние, В.М.Жирмунский отказывал Гумилеву-лирику в «душевной напряженности <...>, активности и мужественности» (Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 129). Вслед за В.М.Жирмунским как отечественная, так и эмигрантская критика подчеркивала чаще всего заявленную в ст-нии «вежливость», отстранение от современной жизни: «Был расстрелян большевиками якобы за участие в заговоре. Значит, нашел полное право поэт сказать о себе: "Я вежлив с жизнью современною..." <...> Однако как высшее достижение всего этого, т.е., победы, и славы, и подвига, ставил поэзию» (Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 111). Или: «Поэт ощущает себя "идолом металлическим среди фарфоровых игрушек" — явлений окружающей действительности» (Волков А.А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М., 1952. С. 461). «Эстетизм Г<умилева> — эстетизм сильной экспанирующей личности, а не "красивой неги"», — писал один из РАППовских теоретиков (см.: Бескин О. Гумилев // Литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1930. Стлб. 85), как бы предвосхищая слова З.Шаховской: «Он (Гумилев. — *Ред.*) — всегда напряжение воли, преодоление, часто мучительное, страха и согласие души на жертву. В этом отношении Гумилев нам пример. Нам, русским, трудно принудить себя к действию: гораздо легче растворяться в тоске и проклятиях мироустройству, чем укрепить себя. <...> Гумилев учил молодых поэтов творить не только по вдохновению, но и по правилам, что показывает, насколько он был далек от русского хаоса и приблизительности. Среди фарфоровых игрушек своей эпохи Гумилев был действительно фигурой из неразбиваемого молотком металла» (Шаховская З. О Гумилеве // Русская мысль. 1971. 23 сент. С. 6).

Говоря о вдохновении, В.Н.Орлов отмечал: «У него было притуплено лирическое чувство, и он более или менее успешно подменял его аффектацией, имитируя бурный поэтический темперамент» (Орлов В. Перепутья: Из истории русской поэзии XX века. М., 1976. С. 122). По-иному представлял специфику гумилевского мироощущения Р.Плетнев: «Один героизм может мерить и весить бытие, ибо он — духовен <...> А за героем всегда следует как тень — трагедия — тень героизма. Герой же, будь он Орфей или Геркулес, кончает трагично и возвышенно прекрасно, ибо героизм нечто сверхземное. Сердце и душа героя предчувствуют гибельную Судьбу. Шаг Судьбы нам, обычным людям, не слышен, но дух поэта ощущает эти шаги — события будущего» (Зап. русск. академ. группы в США (Нью-Йорк) 1972. Т. VI. С. 49). По мнению М.Баскера, темой непонимания современниками драматического самовосприятия лирического героя ст-ние перекликается со ст-нием Лермонтова «Не верь себе» (Basker M. Lermontov and Gumilev: Some Biographical Parallels // Mikhail Lermontov: Commemorative Essays (1991). Birmingham, 1992. Pp. 25—26).

Ст. 8. — Имеется в виду эпизод из ветхозаветной Книги Исхода — разговор Бога с Моисеем: «На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии,



III

и густое облако над горою (Синайскою. — *Ред.*), и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане» (Исх. 19, 16). Ст. 12. — Нимврод — см. коммент. к № 35. Ахилл (Ахиллес) — герой «Илиады», величайший из греческих героев, воевавших под Троей.

90. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Час пик (СПб). 1994. 19 октября, публ. Ю.В.Зобнина и В.П.Петрановского. Автограф в РГАЛИ (Ф. 2567. Оп. 2. Ед.хр. 87. Л. 3).

Дат.: зима 1912 — 1913 г. — по времени наиболее тесного общения с К.В.Мочульским (Соч III. С. 379).

Ст-ние представляет собой акростих («Николай Гумилев»).

Ст. 6. — Мочульский Константин Васильевич (1892—1948) — филолог, доцент Санкт-Петербургского и Новороссийского университетов, близкий друг Гумилева в 1912—1913 гг.; после революции — эмигрант, преподаватель Сорбонны, автор работ о Гумилеве. Ст. 9 — имеются в виду ПК, РЦ, Ж, ЧН. Ст. 10. — Мальчик — Л.Н.Гумилев, родившийся 18 сентября 1912 г.

91. ЕЛПН. 1913. № 1, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - ВБП.

Дат.: не позднее января 1913 г. — по времени публикации.

У.Росслин сопоставляет гумилевское ст-ние со ст-нием Ахматовой «Nox» (Статуя «Ночь» в Летнем саду): «Гумилев, также как и Ахматова, “присутствует” в своем стихотворении: он гипотетически восстанавливает личность Персея по позе и жестам скульптуры; он интуитивно помещает себя в сознание своего героя; он воссоздает действие, в котором участвует скульптура, представляя себя Персеем, мчащимся на следующий подвиг. Но в подходе Гумилева нет интимности, а скорее эмоциональная отчужденность...» (Rosslyn W. Remodelling the Statues at Tsarskoe Selo: Akhmatova's Approach to the Poetic Tradition // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and Its Poets. Columbus, Ohio, 1993. P. 159).

Персей — см. коммент. № 1. Скульптура Кановы — шедевр творчества итальянского скульптора А.Кановы (1757 — 1822) «Персей с головой Медузы» (музей Ватикана).

92. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Автограф — в РГАЛИ (Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. 3-а. Л. 15 об.).

Дат.: 26 января 1913 — по датировке К.М.Азадовского, Р.Д.Тименчика (см. Русская литература. 1988. № 2. С. 175).

Ст-ние представляет собой акростих. Случевский К.К. (1837—1904) — поэт, прозаик, организатор так называемых «Пятниц Случевского» — литературного кружка, который после смерти организатора стал носить его имя. Этот кружок в конце 1900 — начале 1910-х годов посещал Гумилев (см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф.Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 171—186). Данное ст-ние написано во время конкурса на заданные акро-рифмы (помимо гумилевского, в той же ед. хр. находится сонет Н.Н.Вентцеля). В ст-нии присутствуют реминисценции из произведений Случевского «Элоа», «Мефистофель в пространствах» и «Полишинели».

Ст. 4—6. Ср.: «Когда его бессмертная полюбит / И, правду видя в лжи, обманет ложь» («Элоа»).

93. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч I; Рус. литература. 1988. № 2, публ. К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Автограф — в альбоме М.И.Вентцель (собрание М.С.Лесмана).

Дат.: 26 января 1913 — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

94. ЕЛПН. 1913. № 2.

ПС 1922, с вар. - - ПС 1923, с вар. - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Русский путь - - ВБП - - МП; Русский сонет 1987 - - Сонет серебряного века, опеч.

Дат.: не позднее февраля 1913 г. — по времени публикации.

«Стихотворение открыто обращено к тютчевскому переживанию "злой жизни" ("Итальянская villa" Ф.И.Тютчева), которая здесь трактуется Гумилевым как "потустороннее" присутствие "исторической энергии", "темного бремени", доставшегося в наследство от призрачного прошлого» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 47).

Вилла Боргезе — римская достопримечательность, дворец племянника папы Павла V (Камилло Боргезе) кардинала Шипионе Кафарелли Боргезе. Построена на конфискованные богатства семьи Ченчи, обладает знаменитыми коллекциями произведений искусства и используется ныне как художественная галерея.

95. Гиперборей. 1913. № 6, март.

СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - -

СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Русский путь, вар. автографа - - ВБП - - МП.

Автограф с вар. — в архиве Лозинского. В ст. 4 вместо «запах трав, и в блесках» ранее было: 1) «огнедышащая», 2) «блеск холмов, плывущих в». В ст. 7 вместо «Ряды в бездонном» ранее было: «За царством в вечном». В' ст. 8 вместо «Тебе завещанных» ранее было: «И не оплаканных». После строфы 6 ранее было:

И в содроганьях темной плоти,
И в скорби духа, что погас,
Как Пленников Буонаротти,
Через века он видит нас.

Дат.: не позднее марта 1913 г. — по времени публикации.

М.Б.Мейлах и В.Н.Топоров обращают внимание на «достаточно романтический образ Данте, унаследованный от символизма» в стихотворении «Флоренция», и сближали подобную трактовку образа Данте с трактовкой Блока и В.Комаровского, одновременно указывая на расхождения с «дантовскими» мотивами у Мандельштама (см.: Мейлах М.Б., Топоров В.Н. Ахматова и Данте // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. № 15. P. 31—32). «Образ Данте-изгнанника из стихотворений Гумилева "Флоренция" и "Ода Д'Аннунцио" развивается впоследствии в стихотворении Ахматовой 1936 г. "Данте", с возможной аллюзией на судьбу самого Гумилева (стихотворение было написано в августе (месяце казни Гумилева) и начинается словами: "Он и после смерти не вернулся...")» (Davidson P. Akhmatova's Dante // The Speech of Unknown Eyes: Akhmatova's Readers on her Poetry. Nottingham, 1990. P. 220). «В стихотворении "Флоренция", — пишет Н.П.Комолова, — личные воспоминания перерастают в горькую память об историческом прошлом <...> Самоуглубление и мучительные воспоминания позволяют поэту более остро воспринять историческую судьбу Флоренции, в которой он вслед за Александром Блоком видит прежде всего трагические стороны <...> Стихотворение "Флоренция" звучало в России в то время весьма злободневно. Контраст между расцветом искусства и гнетущей общественно-политической атмосферой был характерным и для России начала XX века. Русская культура серебряного века ясно ощущала свою связь с Ренессансом. А тягостная политическая обстановка в стране, особенно после поражения революции 1905 года, усилила стремление части русской интеллигенции на Запад также и по политическим мотивам» (Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 260—261). Тематическую близость ст-ния «итальянским» стихам Блока отмечает и Дж. Дохерти, но при этом оговаривает, что подобная близость «историософской» тематики, возможно, и обусловила исключение «Флоренции»

из книги «Колчан» — для «итальянских» стихов Гумилева, собранных в «Колчане», по мнению Дж.Дохерти, характерно «не столько воззрение на историю, сколько избежание истории», обращение к современности (Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and the Word. Oxford. 1995. Pp. 223—224).

Ст. 3. — Арно — река, на которой стоит Флоренция. Ст. 11—20. — Излагаются события, связанные с волнениями во Флоренции после смерти Лоренцо Медичи (25 апреля 1492 г.). В 1494 г. синьорией (правительственный совет во Флоренции) была изгнана правящая семья Медичи из города, совет попытался установить чисто республиканское правление. Душой этого возмущения был Джироламо Савонарола (1452—1498), выдающийся религиозный и общественный деятель, доминиканский монах, ставший на короткое время правителем Флоренции и пытавшийся «исправить нравы», в том числе путем «сожжения сует», т.е. уничтожения «аморальных» и «еретических» произведений искусства. Утопия Савонаролы потерпела поражение, и он сам был казнен (повешен и сожжен) как мятежник и еретик. Молва приписывает Савонароле уничтожение одного из значительнейших произведений Леонардо да Винчи — картину «Леда», изображавшую совокупление Леды с Зевсом-Лебедем. В действительности картина была уничтожена во Франции по распоряжению Людовика XIV, нашедшего ее «соблазнительной»; известна в многочисленных копиях. Ст. 23—24 Данте Алигьери (1265—1321) был изгнан из Флоренции после краткого пребывания на посту приора в 1302 г. Поводом послужило обвинение в злоупотреблениях, а причиной — начавшаяся ожесточенная распря между «белыми» (умеренными) и «черными» (радикалами) гвельфами (см. коммент. к № 81). Данте принадлежал к «белым». В изгнании (в Равенне) он пишет «Божественную комедию» (1307—1321), которая открывается картинами ада, куда Данте спускается вместе с Вергилием.

96. Гиперборей. 1913. № 6, март, с вар. - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - ВБП - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - СС 1947 II - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП.

Автограф с вар. — в архиве Лозинского. Между третьей и четвертой строфами ранее было:

Шпагу наемный убийца,
Злобно косясь на луну,
Моет; а труп византийца,
Страшный, уходит ко дну.

Дат.: не позднее марта 1913 г. — по времени публикации.

Ю.Н.Верховский назвал это ст-ние «лирикой странствий», где «за каменным маревом» внешних форм раскрывается идеальное начало — «колдовство скал и воды» (Верховский. С. 121). Ю.П.Анненков обратил внимание на реминисценцию из ст-ния Пушкина «В часы забав иль праздной скуки» (Жизнь Николая Гумилева. С. 141); С.Шварцбанд отмечает — перекличку «Венеции» Гумилева с «Венецией» А.А.Блока (см.: Berkeley, с. 309). Дж. Дохерти также видит в ст-нии Гумилева попытку перевести символику одноименного ст-ния Блока из метафизической плоскости в конкретику чувственного восприятия венецианской ночи с ее иллюзорностью, фантастикой и т.п. (см.: Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and the World. Oxford, 1995. P. 225).«"Венеция" Гумилева уже совсем не похожа на "Златую Венецию" русских поэтов пушкинской поры. И, напротив, она вполне соотносится с восприятием этого города в европейской культуре начала XX в. Назовем хотя бы новеллу "Смерть в Венеции" Томаса Манна, написанную в том же 1912 году», — пишет Н.П.Комолова (Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 264). Так же оценивает ст-ние Гумилева и П.Паскаль, приводя собственный стихотворный перевод ст-ния на французский язык (см.: Pascal P. Trois poètes russes à Venise au debut du XXe siecle // Venezia nelle letterature moderne. Venezia — Roma, 1961).

В ст-нии изображена площадь Пьяцетта с собором св. Марка в центре (см. коммент. к № 120).

97. Гиперборей. 1913. № 6, март, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - ИС 1943 - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Ст(XX век) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(X) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ВБП; Акме.

Автограф — в архиве М.Л.Лозинского.

Дат.: не позднее марта 1913 г. — по времени публикации.

Ст-ние «Болонья» В.М.Жирмунский выделял в качестве одного из лучших в «Колчане», как «пример словесной четкости и строгости»: Гумилев «пережил поворот к более сознательному и рациональному словоупотреблению, к отточенному афоризму, к эпиграмматичности строгой словесной формулы» (Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 130).

Н.А.Оцуп называл «лукаво-радостные» стихи Гумилева о Болонье примером того, что «в глубине души русский поэт судит самого себя по законам христианской

морали. Не то, чтобы он был способным вести себя как ханжа. Наоборот, он охотно прощает все грехи плоти. <...> В Италии, как и в других странах, Гумилев остается самим собой — простым и добрым верующим, который целиком отдается разнообразным радостям жизни (притом, можно отметить, что вкус воды в Романье и красота женщин в Болонье доставляют ему почти равное удовольствие), страстным поклонником природы и искусства» (Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 88—89).

Ст. 1. — Романья — область на северо-западе Италии. Ст. 18—20. — Юстиниан Великий (527—565) — византийский император, известный, среди прочего, своими законодательными реформами, изучавшимися (как римское Юстинианово право) в X—XI вв. в болонской «школе свободных искусств», на базе которой в конце XII века был основан один из старейших европейских университетов. Ст. 21. — Тога — верхняя мужская одежда у древних римлян, кусок материи с выемкой для ворота, который обертывали вокруг туловища через левое плечо, так, чтобы руки оставались свободными.

98. Аполлон. 1913. № 3.

ПС 1922 (строфы 8—12) - - СП(Тб) (строфы 8—14) - - СП(Тб 2) (строфы 8—12) - - Русский путь (вар. автографа с восстановлением опущенных строф); Ст(Куйбышев) (некорректная публикация, объединение текстов 1913 и 1915 гг.) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990 (строфы 1—7).

Автограф — в архиве Лозинского. В ст. 39 вместо «гадок» ранее было: «страшен». После строфы 12 ранее было:

Мне золоченый стиль вручил Вергилий,
А строгий Дант — гусиное перо,
И мне не надо ангельских воскрылий,
Чужое отвергаю я добро,
Я лилия простая между лилий,
Средь серебра я только серебро.

Дат.: не позднее марта 1913 г. — по времени публикации.

Два варианта ст-ния «Пятистопные ямбы» (1913 и 1915 гг.) фактически являются двумя разными программными произведениями, созданными в разные периоды жизни поэта; в настоящем издании данные варианты публикуются по правилам, соответствующим публикации оригинальных произведений, в тт. II и III.

Ст-ние опубликовано Гумилевым в журнальной подборке, долженствующей представить образцы подлинно акмеистической поэзии (см. письмо Гумилева к Брюсову от 28 марта 1913 г.: «Действительно акмеистические стихи будут в №

3 Аполлона, который выйдет на этой неделе» (ЛН. С. 512)). Подборка сопровождалась примечанием от редакции: «Печатаемые здесь стихотворения принадлежат поэтам, объединенным теми идеями, которые были изложены в статьях Н.Гумилева и С.Городецкого в январской книжке "Аполлона" (т.е. статьях "Наследие символизма и акмеизм" и "Некоторые течения в современной русской поэзии. Акмеизм", "манифестах" акмеизма, помещенных в № 1 журнала за 1913 г. — *Ред.*) и могут до некоторой степени служить иллюстрацией к высказанным в этих статьях теоретическим соображениям». На историю создания ст-ния проливает свет письмо М.Л.Лозинского от 21 октября 1915 г., в котором, сообщая Гумилеву о решении посвятить ему ст-ние «Каменья», Лозинский пишет: «А раз адепты Великого Трисмегиста занялись разоблачениями сокровеннейших тайн, то и мне ничего не остается, как открыть для общего пользования Окаменелыя Дороги <....> Их поток родился на той же вершине, что и твои "Пятистопные ямбы" (помнишь нашу беседу об автобиографических ямбах)...» (Неизд 1986. С. 149). Обсуждая «открытость» и подчеркнутую взаимную цитатность акмеистических текстов 1912—1913 гг., Дж. Дохерти указывает на «проблематичность вопроса о том, "кто говорит" (в ст-нии Гумилева. — *Ред.*): голос поэта звучит не только индивидуально, но также и более "обобщенно"... В таких случаях необходимо понять, что "цитация", как правило, является признаком не полемической или враждебной реакции на чужой текст, а скорее признаком своего рода совместного творчества». В качестве яркого примера такого творчества при воплощении общих религиозных мотивов Дж. Дохерти приводит связь «Пятистопных ямбов» с «Каменьями» М.Л.Лозинского: «Лозинский написал свое стихотворение в ответ на гумилевское <...> с намерением откликнуться на открыто масонскую образность в конце гумилевского текста...» (Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and the Word. Oxford, 1995. Pp. 203—204). На схожую тематическую и поэтическую перекличку с Мандельштамом в этот же период указывает П.Штейнер в связи с осознанными Мандельштамом масонскими коннотациями слова «отвес» (см.: Steiner P. Poem as Manifesto: Mandel'štam's «Notre Dame» // Russian Literature. 1977. № 5. Pp. 250—251). Очевидно, что ст-ние Гумилева явилось результатом идеологических споров в Цехе поэтов в канун «акмеистического бунта», так или иначе затрагивавших масонскую мистику. «Гумилев — "самый масонский" из русских поэтов. Духовные труды "вольных каменщиков" — одна из его главных тем. Но в старые мехи наливается новое вино; читатель слышит голос современного человека. Вот стихи, которые прямо просятся в антологию масонской поэзии XX века как ее ярчайший образец (цит. ст. 43—60 и 67—72. — *Ред.*). По-видимому, Гумилев стал "вольным каменщиком" в начале 1910-х годов, ибо только с этого времени в его поэзии пробивается масонская струя. Культурный поэт <...> он и к своему новому увлечению подошел с педантизмом ученого. Приведенные строки свидетельствуют о хорошем знании Гумилевым русской масонской литературы. Оттуда пришел образ Ветшающего Адама. В катехизисе

“вольных каменщиков” И.В.Лопухина можно прочитать: “Когда начинается истинная работа в нравственности? — Когда человек начнет совлекать Ветхого Адама. — Когда она заканчивается? — Тогда, когда Ветхий Адам совлечен совершенно”» (Новиков В.И. Масонство и русская культура. М., 1993. С. 55—56). «...Поэтическая программа позднего Гумилева, — пишет М.Йованович, — задумывалась как-то параллельно масонским положениям, и... Цех поэтов в данном отношении должен был напоминать “поэтическую ложу”, возглавляемую “совершенным мастером” Гумилевым» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 35). Впрочем, гумилевская акмеистическая мистика, связанная с масонским учением о «мастерстве», не нашла понимания ни среди «сподвижников» по «Цеху», ни среди читателей и критиков: акмеизм был воспринят как «нео-примитивизм», а «Пятистопные ямбы» — как «декадентское», а не «акмеистическое» стихотворение. «Что можно сказать по поводу такого рода “юношеских” идеалов? — писал об акмеизме А.Долинин. — Ничего особенного. В них, правда, много смешного, примитивного, а все-таки хорошо, что люди бодры, жизнерадостны или хотят быть таковыми. Пусть радуются и веселятся, умеющие это делать. Только бы искренно, только бы не играли в бодрость, не делали вид, что смеются, когда на самом деле хочется плакать. Пока, к сожалению, этой бодрости, этого “акмеистического” духа, еще не было. Пока в их стихах преобладают те же старые тона и образы, что в прежних их произведениях — до объявления себя акмеистами, и мало чем отличаются от таковых у символистов. Наоборот даже. Кажется, что они пишут свои последние стихотворения как бы в насмешку над самими собой, над своей теорией, над своим стремлением к новым мотивам, к “новым именам”. “Пятистопные ямбы” Н.Гумилева проникнуты неподдельной грустью, истинным разочарованием в жизни: (цит. ст. 24, 29—30. — *Ред.*) или: (цит. ст. 43—44. — *Ред.*) как раз, значит, вопреки признанию в теории “самоценности за каждым явлением”. Или: (цит. ст. 19—23. — *Ред.*). И все стихотворение в таком же духе и настроении, пока он остается искренним сам с собою. Правда, в последних строфах он словно спохватывается, поет о каком-то строительстве, о “каменщиках всех времен и стран” и о “призывном голосе Мастера”, но в них-то как раз и чувствуется сплошная надуманность, сплошная поза, как и в “Адаме” С.Городецкого» (Долинин А. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. С. 160). Более резко высказывался В.Г.Шершеневич: «Критиковать стихи акмеистов не представляется надобным: еще раз повторяю, что никто не сможет отличить акмеистического стихотворения от символического. Вероятно, самим акмеистам неясно, почему С.Городецкий <...> символичен в “Яри”, “Дикой воле” и акмеистичен в “Иве”!? Почему Н.Гумилев символист в “Жемчугах”, в “Чужом небе” и акмеист в пьесах, напечатанных в “Аполлоне”?» (Шершеневич В.Г. Футуризм без маски: Компилятивная интродукция. М., 1913. С. 38). В советском литературоведении сохранилась подобная же критическая тенденция в подходе к акмеизму: «В большинстве случаев слишком очевидна была их связь с поэзией символизма. Заметна она была и в “Пятистопных ямбах”

Н.Гумилева, в которых экзотические мотивы переплетались с туманной символикой ставших уже традиционными поэтических образов ("И умерли слепящие мечты", "Одна любовь сковала нас цепями, что адаманта тверже и светлей" и т.п.); лишь изредка проступают здесь живые чувства, не зашифрованные сложным шифром поэтического иносказания» (Тимофеева В.В. Поэтические течения в русской поэзии 1910-х годов. Поэзия акмеизма и футуризма. Н.С.Гумилев, А.А.Ахматова, О.Э.Мандельштам, В.Хлебников // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 372). Характерно, что Т.П.Голованова, исследуя лермонтовские традиции в русской поэзии XX века, видела в «Пятистопных ямбах» лишь разложение неоромантического мировиденья, «разрушение традиции, раздробление ее на элементы, терявшие связи с общим духом единой когда-то системы» (Голованова Т.П. Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 29). Особое внимание историков русской литературы XX века привлекал «автобиографический» смысловой пласт ст-ния, история крушения любви лирического героя. Большинство исследователей склонны видеть здесь рассказ поэта о разрыве с Ахматовой (см.: Хейт. С. 45). «Имя Анна, заключенное парономастически и анаграмматически (в де соссюровском смысле) в различных сегментах текста, — писал о "Пятистопных ямбах" М.Б.Мейлах, — кристаллизуется в имени донны Анны из легенды о Дон Жуане в строфе, посвященной возвращающимся кораблям: (цит. ст. 7—16. — *Ред.*). Впоследствии реминисценции этой легенды, кстати, изучавшейся Ахматовой в связи с ее работой о "Каменном госте" Пушкина, были введены ею в "Поэму без героя" и заняли в ней важное место» (Мейлах М.Б. Об именах Ахматовой: 1. Анна // Russian Literature. 1975. № 10—11. Р. 55). В.К.Размахнина указывает на связь «ахматовской» темы в ст-нии Гумилева с любовной метафизикой лирики А.А.Блока: «...Облик женщины — строго величавой — соотносим не только с конкретным именем, но с представлением о Вечной Женственности, оставляющей поэта. Не случайно возникает сходство с блоковской строкой: "Ты в синий плащ печально завернулась..."» (Размахнина В.К. Серебряный век: Очерки к изучению. Учебное пособие. Красноярск, 1993. С. 87). Однако О.Н.Высотский доказывал, что прототипом героини ст-ния была О.Н.Высотская (см.: Высотский О.Н. Семейная хроника Гумилевых // Гумилев Н.С. Золотое сердце России. Кишинев, 1990. С. 722). Любопытное наблюдение над образностью «любовного» эпизода ст-ния — безотносительно к проблеме прототипа героини — делает О.Клинг, отметив перекличку «Пятистопных ямбов» и ст-ния В.Хлебникова «Передо мной варился вар...» (1909): «Хлебников узнаваемо отобразил приметы стиля Гумилева эпохи "Романтических цветов", акцентируя внимание на экзотизмы, добавив к этому стилевому воссозданию неожиданно возникшую метафору с пауком:

Младой поэт с торчащими усами,
Который в Африке
Видел изысканно пробегающих жираф к реке,

К нему подошел и делал пальцами, как пробегает
по стене паук...

Можно предположить, что в одном из своих вершинных произведений, которому и сам Гумилев придавал особое — акмеистическое — значение — "Пятистопных ямбах"... Гумилев как бы "возвращает", но теперь в виде ироничного автопортрета, читателям пародийный портрет, созданный Хлебниковым» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С. 109). На связь «любовного эпизода» и «масонской темы» ст-ния указывает М.Баскер: «В этом самом откровенно масонском из всех стихотворений Гумилева, опубликованном в качестве иллюстрации к теоретическим соображениям об акмеизме, отрешение от всякой привязанности к женщинам описывается непременным условием для начала сооружения храма в духе суровой устремленности, несомненно <...> с оглядкой на храм основоположника масонства Хирама <...> Следует также учесть, что "Пятистопные ямбы" заканчиваются призывом неназванного Мастера к "каменщикам всех времен и стран". Т.е. Гумилев <...> явно придерживался широкой "духовной" концепции масонства, не подлежащей строго-определенным историческим или географическим границам» (Basker M. Gumilyov's «Akteon»: A Forgotten Manifesto of Acmeism // Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. P. 514).

Ст. 1. — Наяда — в греческой мифологии нимфа источников, ручьев, озер. Ст. 2. — Южный Крест — созвездие, наблюдаемое над Средиземным морем. Ст. 11. — См. коммент. к № 4. Ст. 12. — Вечный Жид, или Агасфер — персонаж христианской легенды позднего средневековья, свидетель крестного пути Христа, отказавший Ему в отдыхе и обреченный за это на вечные скитания. Ст. 15. — Имеются в виду картины, привезенные Гумилевым из Абиссинии по возвращении из путешествия 1910—1911 гг. Этим картинам была посвящена специальная статья «Искусство в Абиссинии», где помещены репродукции картин «Лев с крестом», «Созерцание кометы», «В абиссинской деревне», «Раб, копающий ров вокруг лагеря в пустыне», «Пророк Самуил верхом на льве» и триптиха «Царица Савская и Соломон» («Прибытие царицы Савской в сопровождении своей абиссинской свиты ко двору царя Соломона», «Искушение Соломона царицей Савской», «Царь Соломон благословляет сына своего от царицы Савской, первого абиссинского негуса Менелика I») и даны комментарии к ним (написанные со слов или самим Гумилевым?). «Существуют две школы (течения) живописи, — говорится в заключении статьи об абиссинском искусстве, — гондарская с большим влиянием европейцев (изящная, с уклоном к реализму) и анаксберская (византийское влияние, живопись чисто церковная) — искусство крайне древнее; но памятников старинных почти не сохранилось» (см.: Синий журнал. 1911. № 18. С. 12). В «Африканском дневнике» Гумилев упоминает еще об одной картине — складне, на котором изображены Дева Мария с Младенцем и святой с

отрубленной ногой (см.: Соч II, с. 257). Этот складень был подарен им академику Б.А.Тураеву, другая часть коллекции попала к Е.С.Кругликовой, которая передала ее в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), несколько картин приобрел впоследствии П.Н.Лукницкий, две из них воспроизведены в кн.: Жизнь поэта (вклейка между с. 160—161). См. об этом также: Огонек. 1987. № 15. С. 21. Ст. 20. — Дух Земли — персонаж из первого действия философской трагедии И.-В.Гете «Фауст»: он покинул героя трагедии, который не мог вынести его ужасного вида. Ст. 22. — Автореминисценция раннего ст-ния «У меня не живут цветы...» Ст. 25. — Левант — см. коммент. к № 4. Ст. 27—30. — Здесь излагается известный эпизод индийской эпической поэмы «Наль и Дамаянти» (вольный перевод В.А.Жуковского), сознательно измененный Гумилевым: в действительности Наль проиграл в кости царство, а не Дамаянти (свою жену), и вынужден был, расставшись с Дамаянти, уйти в изгнание. Поэма кончалась благополучным соединением разлученных супругов и наказанием злых сил. Ст. 49—50. — См. коммент. к № 1. Ст. 51. — Имеется в виду Хирам-Абифф, легендарный строитель Храма Соломона, величайшего символа масонства. Упоминание о «лилии Хирама» относится к отрывку ветхозаветной «Третьей книги Царств», описывающей столбы Иахин и Воаз, сделанные Хирамом для Соломонова храма: «А в притворе венцы на верху столбов сделаны наподобие лилии, в четыре локтя» (3 Царств. 7, 19). В масонском символизме эти столбы означали полярные начала природы, своей борьбой порождающие жизнь. Ст. 53—54. — Процесс постройки Храма Премудрости Господней, равно как и поиск философского камня, превращающего грубую породу в золото, — масонские символы преображения человека под воздействием работы «посвященных» (так наз. «magnum opus»). Ст. 55. — Молоток — один из важных компонентов масонской эмблематики: в масонской мистерии, основанной на легенде об убийстве и воскресении Хирама-Абиффа, молоток, послуживший орудием убийства, знаменует собой инструмент ограничения Духа Космической Красоты формальными пропорциями; однако в руках великого мастера он может служить и для освобождения от ограничений в совершенной форме (после завершения magnum opus). Ст. 58. — Адамант — алмаз. Ст. 61—66. — В качестве возможных источников данных ст. можно назвать ст-ние Лермонтова «Гляжу на будущность с боязнью...» и ст. Пушкина из VIII главы «Евгения Онегина»: «Иных уж нет, а те далече...». Помимо того, утверждение о жизни творца, цель которой — связь прошлого с будущим, минуя настоящее, которое оказывается «несуществующим», «медиатором» прошлого в грядущем — мы находим у Вяч.И.Иванова — см.: Иванов Вяч.И. По звездам. СПб., 1909. С. 365. Ст. 71—72. — «Как мистики освобождают свои души от уз материи, как философы находят величайшую радость в глубинах мысли, так и мастера-ремесленники получают свободу от Круговорота Жизни и Смерти, научившись стучать своими молотками в унисон с силами Космоса. Они почитают Божество под личиной Великого Архитектора и Мастера Ремесленника, который

добывает грубые валуны в полях пространства и обтесывает их во вселенные» (Холл. С. 684). Великими Мастерами Иерусалимской ложи, по преданию, были царь Соломон, царь Тира Хирам и архитектор Хирам-Абифф, «Сын Вдовы».

99. ЕЛПН. 1913. № 4.

ПС 1922, с вар. - - ПС 1923, с вар. - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Русский путь - - ВБП - - МП; Русский сонет 1987 - - Сонет серебряного века.

Дат.: не позднее апреля 1913 г. — по времени публикации.

Н.П.Комолова отмечает, что в стихотворении звучит тема «связи времен» (см.: Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 257 — 258). Там же делается попытка связать пейзажную зарисовку Гумилева с картиной Питера Брейгеля «Смерть Икара».

Тразимендское (Тразименское или Перуджийское) озеро расположено в Средней Италии; здесь во время 2-й Пунической войны в 217 г. до н.э. карфагенский полководец Ганнибал одержал блестящую победу над римлянами, фактически уничтожив армию полководца Фламиния (15 тыс. человек).

Ст. 8. — Лавр уже зачах — т.е. исчезли воспоминания о героических деяниях предков. Венком из ветвей лавра в античную эпоху увенчивали триумфаторов. Ст. 14. — Слоны являлись важной ударной силой в карфагенской армии и с успехом использовались Ганнибалом против римских войск; перед битвой боевых слонов специально одурманивали беленой.

100. Гиперборей. 1913. № 9 — 10, нояб.-дек., др. вар. с др. строфикой - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Колчан(Р-т) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Baranski Z., Litvinow J. Rossyiskie manifesty literackie. Cz. 1. Poznan, 1974 - - Rossyiskie kierunki literackie: Przelem 19:20 wieku. Warszawa, 1983; Голос Родины. 1989, ноябрь (№ 44 (2708)).

Автограф с вар. — в архиве Лозинского.

Дат.: весна 1913 г. — по времени отъезда С.М.Городецкого в Италию (Соч. 1. С. 519).

Ст-ние написано по случаю отъезда С.М.Городецкого в Италию (сам Городецкий оценивал заглавие как «неопрятный прозаизм» — см.: Городецкий С.М. Поэзия как искусство // Лукоморье. 1916. № 18. С. 19).

Ю.Н.Верховский рассматривал это ст-ние в контексте ст-ний Гумилева затрагивающих тему несоответствия идеала «странничества» — действительности («Я вежлив с жизнью современною...», «Стансы» и др.). Однако в противопоставлении «книжной» жизни — жизни «реальной» Верховский видел «не раздвоение сознания (Гумилева. — *Ред.*), а только его осложнение с расширением и углублением для поэта самого мира» (Верховский. С. 125). М.Малин указала на «гётеанские» мотивы в этом ст-нии (см.: Maline M. Nicolas Gumilev, poète et critique acméiste. Bruxelles, 1964. P. 144).

Ст. 11 — см. коммент к № 98. Ст. 18. — Нектар в греческой мифологии являлся напитком олимпийских богов; возможно, реминисценция из ст-ния Ф.И.Тютчева «Цицерон», ср.: «И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил». Ст. 22. — Фолиант — толстая книга большого формата.

101. Гиперборей. 1913. № 9 — 10, нояб.-дек., с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 — СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Фен) - - Изб(Кр), опеч. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XXвек) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русские поэты серебряного века - - Русская поэзия «серебряного века»: 1890—1917. М., 1993.

Автограф 1 с вар. — в архиве Лозинского. После четвертой строфы ранее было:

Ну а тот, кто ночи туманной
Говорит: «Этот путь смешон!» —
Как о светлой небесной манне
О пощаде пусть молит он.
И утонет в той грязной ванне,
Где он шкуру мыть осужден.

Автограф 2 с вар. — в ИРЛИ (Ф. 625. Оп. 2. № 11. Л. 1—2).

Дат.: 9 апреля 1913 г. (?) — по датировке Н.А.Богомолова (Соч. I. С. 519).

Перевод на английский яз. («The Sea») — Modern Poems from Russia, translated by Gerald Shelley. London, 1942 (перепечатка книги — Westport, Connecticut, 1977). P. 10.

Мотивы отчуждения лирического героя от мира и вместе с тем подчинения ему были отмечены еще прижизненной критикой (см.: Тумповская М.М. «Колчан»

Н.Гумилева // Аполлон. 1917. № 6—7. С. 65). Среди первых признаков «реабилитации» Гумилева на родине в начале 1980-х гг. стало сопоставление именно этого ст-ния «с мятежными героями Лермонтова» (см.: Хомчук Н.И. Гумилев Николай Степанович // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 123). Современное прочтение стихотворения объясняет и важнейшую черту его творческой природы: «Столь характерное для Гумилева влечение к странствиям... он никак не мог утолить, находясь на российской равнине... Он был словно специально создан природой как некий особый орган — для впитывания и преображения в слово многокрасочной... красоты мира. Самыми счастливейшими минутами своей жизни он считал те, когда полоска воды между бортом корабля и пристанью наконец начинала увеличиваться» (Павловский А.И. «И терн сопутствует венцу...» // Кап 1991. С. 7). Е.Русинко обращала внимание на разницу между образом «Солнца Духа» в этом ст-нии и в ст-ниях «военного цикла»: по ее мнению, в ст-нии «Снова море» данный образ не несет религиозно-патриотической смысловой нагрузки (см.: Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavic and East European Journal. 1977. № 21. P. 207). Анализ метрики ст-ния — «строгого анапестического дольника» за исключением ст. 14 — дан в работе R.D.B.Thomson «The Anapaestic Dol'nik in the Poetry of Akhmatova and Gumilev» (Russian Language Journal. Special Issue. Spring, 1975. P. 52).

Ст. 11. — Улисс — Одиссей, см. коммент. к № 55. Ст. 13—14. — Нептун — римское имя бога морей Посейдона, изображавшегося с трезубцем. Нереиды — нимфы моря, богини волн; здесь — образное название самих волн. Ст. 17—18. — Согласно греческому мифу, богиня любви и красоты Афродита родилась из морской пены у берегов Кипра (отсюда ее прозвания — Анадиомена, т.е. «появившаяся на поверхности моря», и «Киприда»). Ст. 29. — Ср.: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня <...> проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих» (Ис. 61, 1 — 2).

102. Колчан.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП; Сонет серебряного века.

Автограф с вар. — на почтовой открытке, посланной из Порт-Саида 18 апреля 1913 г. О.Н.Высотской (архив семьи Высотских — Кишинев; факсимильное воспр.: Огонек. 1987. № 14. С. 21). Ст-ние предваряет текст: «Целую ручки и всегда вспоминаю, напишите в Порт-Саид в июле месяце куда привезти Вам леопардовую шкуру. Н.Гумилев».

Дат.: не позднее 18 апреля 1913 г. — по штемпелю на открытке О.Н.Высотской.

Р.Д.Тименчик, считающий, что Гумилев, в подходе к «арабской» теме начала 1910-х гг., занимался перебором экзотических вокабул, особенно выделяет это стихотворение, считая его почти «упражнением в буриме» (т.е. написанным на заданные экзотические рифмы) — см.: Тименчик Р.Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 125.

Высотская Ольга Николаевна (1885 — 1966) — близкая знакомая Гумилева в 1912—1913 гг., драматическая актриса, ученица Н.Н.Евреинова и В.Э.Мейерхольда. Ст. 1. — Кьянти — крепкое белое итальянское вино. Ст. 2. — Шерри-бренди — вишневый ликер. Ст. 3. — Эффенди — в Турции титул принцев, ученых, чиновников; в общем значении — господин, уважаемый человек. Ст. 4. — Левант — см. коммент. к № 4. Ст. 6. — Денди (от англ. dandy) — аристократ, светский щеголь. Ст. 8. — Дамаянти — см. коммент. к № 98. Ст. 10. — См. коммент. к № 61.

103. ЕЛПН. 1913. № 5.

ПС 1923, с вар. - - СС II - - СП(Тб), опеч. - - СП(Тб) 2, опеч. - - БП - - Изб(Кр), опеч. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Копия автографа с вар. — Стружки.

Дат.: до мая 1913 г. — по времени публикации.

По наблюдению Дж. Дохерти, это — единственное из итальянских стихотворений Гумилева (не вошедшее в «Колчан»), «которое проявляет реакцию на Италию в личном плане. Подобным же образом Гумилев исключает из «Колчана» именно те стихи, в которых он непосредственно углубляется в итальянскую и римскую историю («Вилла Боргезе», «Тразимендское озеро», «Флоренция») <...> Таким образом Гумилев подчеркивает свою причастность к итальянскому искусству и архитектуре, в ущерб исследованию итальянской и римской истории...» (Doherty J. The Acmeist Movement in Russian Poetry: Culture and the Word. Oxford, 1995. P. 222). Н.Домбр-Потоцки указывает, что последняя строфа ст-ния — «яркий пример отрицания Гумилевым доктрины первородного греха» (см. Dombre-Potocki N. L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Goumilev, неопубл. диссертация. Paris-Nanterre, 1971. P. 184).

Палатин — один из семи холмов, на которых располагался Древний Рим. Ст. 15. — Элизиум — область греческого Аида (царства мертвых), где обитают праведники (другое название — Елисейские поля, Блаженные острова). В римской мифологии и литературе — блаженное место успокоения праведных

душ, во многом отличное от христианского рая (эта традиция развита Ф.Ницше, см. гл. «На блаженных Островах» в его философском романе «Так говорил Заратустра»). Гумилев контаминирует понятие Элизиума с понятием олимпийского обиталища богов. Ст. 16. — См. коммент. к № 102. Ст. 17—20. — Речь идет о христианской теодицее, представляющей рай как награду за победу над греховными соблазнами земной жизни.

104. Заветы. 1913. № 5, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изд(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП; Акме - - Ст(Куйбышев), неправильная строфика - - Русские поэты серебряного века.

Автограф с вар. — в архиве Лозинского.

Дат.: не позднее мая 1913 г. — по времени публикации.

В журнальной публикации стихотворение, вместе со стихотворениями Ахматовой, Городецкого, Зенкевича и Мандельштама, входило в подборку, иллюстрирующую статью А.С.Долинина «Акмеизм». Ст-ние дает возможность для сопоставления «итальянской» тематики у Блока («Стихи об Италии») и Гумилева: «...если у Блока... итальянская "пыль" — "всеевропейская", то есть новая, буржуазная, то у Гумилева итальянская "грязь" — "античная", то есть благородно-древняя. У Блока она вдобавок названа желтой <...>, у Гумилева же "грязь" — золотая, в полном соответствии с яркостью заката и блеском моря. Но главная разница — в интонации. У Блока здесь — раздраженная, у Гумилева и здесь и в остальных стихотворениях итальянского цикла — неизменно веселая» (Винокурова И. Жестокая, милая жизнь // Новый мир. 1990. № 5. С. 256). Н.А.Струве обращал внимание на рифму «закат — крылат» как на специфически «гумилевскую»: определение «крылатый» «принадлежит к излюбленным словам Гумилева и отражает одну из сторон его духа» (Струве Н.А. Последнее стихотворение Н.Гумилева // Вестник русского студенческого христианского движения. 1970. № 98. С. 65).

Ст. 4. — Гарпии — античные чудовища, птицы с женскими головами. Ст. 15. — Роза Сальватор (1615 — 1673) — итальянский художник, изучавший типы и нравы низов общества, эстетизировавший в своих произведениях «безобразное». Ст. 27. — Везувий — действующий вулкан на берегу Неаполитанского залива близ Неаполя. Ст. 31. — Лаццарони (итал.) — нищий, босяк.

105. Колчан.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - Изб(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП; Акме - - Душа любви.

Дат.: не позднее 24 апреля 1913 г. — по аналогии с датировкой ст-ний «итальянского» цикла, с учетом, что 24 апреля 1913 г. Гумилев уехал в Африку.

Перевод на англ. язык («The Cathedral of Padua») — SW. P. 71.

Ст-ние основано на биографических реалиях: «Я прочел вслух понравившееся мне четверостишие из стихов Гумилева "Падуанский собор" <...> — Это я ему показала, — проговорила Ахматова, вспомнив их совместную итальянскую поездку» (Ардов М. Не «поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // Лит. газета. 1989. 4 янв. № 1). В рецензии на «Колчан» отмечалось: «Поэту свойственно мир внешний воспринимать не мыслью, не чувством, а ощущениями. Его "пять чувств" всегда в движении... Часто даже впечатление скорей духовное переживается поэтом чувственно. Так, в "Падуанском соборе" темное опьянение католицизмом дает впечатление нестерпимого томления чувств» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // Аполлон. 1917. № 6—7. С. 63). М.Малин усматривает в этом ст-нии неприязнь Гумилева к пан-католицизму, связанному в сознании поэта со слишком чувственной жизнью (Maline M. Nicolas Gumilev, poète et critique acméiste. Bruxelles, 1964. P. 117). По мнению Ж.Нива, в этом стихотворении Гумилев хорошо прочувствовал «смесь силы, святости, чувственности и мистики, присущую итальянскому католицизму» и, возможно, его восприятие Падуанского собора «могло повлиять на мандельштамовское "Notre Dame", написанное в том же году» (см.: Nivat G. L'Italie de Blok et celle de Gumilev // Revue des Etudes Slaves. 1982. № 54. P. 706—707).

Ст. 3. — В католических церквах таинство исповеди происходит в особых кабинках, разделенных перегородкой, так что священник, принимающий исповедь, не видит исповедующегося полностью, общаясь с ним через зарешеченное окошечко.

106. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

ПРП 1990 - - Соч III; Литературное обозрение. 1987. № 7 публ. стих. (А.В.Лавров и Р.Д.Тименчик).

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: конец 1912 — первая половина 1913 г. — по времени выхода альманаха «Орлы над пропастью» и сближению Игоря-Северянина с акмеистами.

Ст-ние представляет собой акростих («Брюсов и Сологуб»).

Подробная характеристика отношений Гумилева и Игоря-Северянина (наст. имя — И.В.Лотарев; 1887—1941) дана В.А.Кошелевым в работе «Гумилев и "северянинщина". Две маски» (Русская литература. 1993. № 1. С.165—170). Ст. 9. — Имеется в виду кн.: Орлы над пропастью: Предзимний альманах. Изд. «Петербургский глашатай», 1912. В рецензии на это издание Гумилев писал: «Альманах "Орлы над пропастью" является последним выступлением группы эго-футуристов. <...> Рассмотрим творчество адептов этого нового направления. Федор Сологуб, которым открывается альманах, дал самое дурное из всех своих стихотворений. Валерий Брюсов, в сонете "Игорю Северянину", предсказывает этому последнему: "И скоро у ног своих весь мир увидишь ты!" Сам Игорь Северянин находит, что "пора популярить изыски <...> огимнив эксцесс в вирэле!" <...> Кроме того, на обложке напечатаны стихотворения еще четырех поэтов. Обо всех можно сказать одно: вульгарность и безграмотность переносимы лишь тогда, когда они не мнят себя утонченностью и гениальностью» (ПРП 1990. С. 164).

107. ЕЛПН. 1914. № 11, с вар., без указания даты и места написания. - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - ИС 1943 - - СС 1947 II, дефектн. публ. - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1989 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст (XX в) - - Колчан(Р-т) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Русский путь - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; Акме - - Русская литература XX века. Дооктябрьский период: Хрестоматия. Л., 1991.

Дат.: с 24 апреля по сентябрь 1913 г. — по датировке Гумилева; время его пребывания в Африке.

М.М.Тумповская иллюстрировала данным стихотворением «лучшее, что <...> мы найдем в поэзии Гумилева <...> Предел духовной мужественности, какое-то большое спокойствие, порождение большой тревоги, движение, успокоенное в другом движении, расплавленный металл, застывший в другом металле» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // Аполлон. 1917. № 6—7. С. 68). В советском литературоведении ст-ние приводилось как иллюстрация «империалистического» характера гумилевского творчества: «В этом стихотворении мы видим циничное прославление колониальной, захватнической политики. Гумилев сознательно и открыто выступает в роли колонизатора, прикрывающего свою низкую цель "золотым нательным крестом"» (Волков А.А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 132). А.И.Павловский, признавая присутствие в ст-нии «киплинговских мотивов» (перекличка «Африканской ночи» со ст-нием Киплинга «Бремя белых») в то же время пишет об оригинальной трактовке данной тематики у Гумилева (см.: Павловский А.И. «И терн сопутствует венцу...» // Кап. 1991. С. 13—14); А.Б.Давидсон

отметил преодоление Гумилевым «романтической настроенности» при трактовке африканских (экзотических) тем (см.: Давидсон А.Б. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 223). «Сильные ощущения одной из его восточно-африканских ночей передаются в стихотворении, написанном в 1913 г. (во время, или после его последней африканской экспедиции). Его борьба с "неизвестным племенем" описывается, как столкновение между двумя богами и соответствующими им символами (символ "черного бога" является "черным камнем", что подчеркивается необычной неточной рифмой: камень — узнаем...)» (Ivanov Vjaceslav Vs. Two Images of Africa in Russian Literature of the Beginning of the Twentieth Century: «Ka» by Chlebnikov and Gumilev's African Poems // Russian Literature. 1991. № 29. P. 417). Р.Матло писал еще конкретнее: «... в ст-нии "Африканская ночь" Гумилев видит конфликт между христианами и мусульманами, а не между европейцами и туземцами» (Matlaw R. Gumilev, Rimbaud, and Africa: Acmeism and Exotic // Actes du VI-e Congrès de l'Association Internationale de Littérature Comparée. Stuttgart, 1975. P. 655). Отказываясь от мнения о «духовном возрождении» Гумилева в начале мировой войны и считая религиозно-патриотическую образность его военных стихов настолько же данью литературной традиции, насколько выражением личных эмоций, Е.Русинко находит точно такую же религиозную и риторическую тональность в более ранней «Африканской ночи» при описании войны в джунглях между белыми колонизаторами и туземцами (см.: Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavic and East European Journal. 1977. № 21. P. 207).

Ст. 7. — Для народов, населяющих Юго-Запад Эфиопии (Сидамо), в период кушитских культур (до II тысячелетия до н.э.) было характерно поклонение камням (каменным стеллам со схематическими изображениями человека и символическими знаками); остатки этих древнейших верований сохранились до наших дней. Ст. 17. — Уэби — река Уойб (Веби-Джестро).

108. Колчан, с вар. - - **Нива. 1918. № 19.**

Колчан 1923, вар. 1915 - - СС I, вар. 1915 - - Ст 1988, вар. 1915 - - СП(Волг), вар. 1915 - - СП(Тб), вар. 1915 - - СП(Тб) 2, вар. 1915 - - Ст(Пол), вар. 1915 - - БП, вар. 1915 - - СП(Феникс), вар. 1915 - - Изб(Кр), вар. 1915 - - СтПРП(ЗК), вар. 1915 - - СтПРП, вар. 1915 - - ОС 1989, вар. 1915 - - Изб(М), вар. 1915 - - Ст(XX век), вар. 1915 - - Колчан (Р-т), вар. 1915 - - Кап 1991, вар. 1915 - - СС(Р-т) I, вар. 1915 - - Изб(Х), вар. 1915 - - Соч I, вар. 1915 - - СПП, вар. 1915 - - СП(Ир), вар. 1915 - - СП(К), вар. 1915 - - Круг чтения, вар. 1915 - - Ст(Яр), вар. 1915 - - Изб(XX век), вар. 1915 - - Изб 1997, вар. 1915 - - ВБП, вар. 1915; Душа любви, вар. 1915.

Автограф 1 с вар. — в собрании С.И.Умова: опубл. М.Д.Эльзоном (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 104 — 105). На автографе пометка Гумилева: «Александрия, 3 сентября 13.». Копия автографа 2 с вар. — Стружки.

Дат.: 3 сентября 1913 г. — по дате на автографе.

В.К.Лукницкая приводит свидетельство Ахматовой, записанное П.Н. Лукницким, что ст. 13—16 — автобиографичны; речь идет об усадьбе в Поповке («два дома, флигель, пруд и парк, обрамленный хвойным лесом»), которая принадлежала Гумилевым в 1890—1900 гг. (см.: Жизнь поэта. С. 18).

Ю.Н.Верховский видел в ст-нии «новую ноту душевности», которая «после чтения Данта и слов о левантских розах <...> вызывает в воспоминании <...> целый мир — лучезарный, недоступный обидам повседневности» (Верховский. С. 119). По мнению О.А.Мочаловой, в этом ст-нии Гумилева раскрывается его «скрытый душевный фон» (Жизнь Николая Гумилева. С. 116). М.Д.Эльзон высказал предположение, что ст-ние, состоявшее вначале из трех строф, было воспринято Гумилевым при подготовке «Колчана» незаконченным и были дописаны еще две строфы; в работе М.Д.Эльзона приводится мнение по этому вопросу В.С.Баевского: «Стихотворения из трех катренов для Гумилева нетипичны <...> Поэтому Гумилев дописал восемь стихов и ввел противопоставление: Данту и Леванту он противопоставил Эврипида и афинских парней <...> Находит объяснение и <...> особенность ритма <...>: все стихи начинаются с ударного слога или одного безударного, а последние два — с двух безударных слогов. Когда Гумилев вводил противопоставление в лексике, он ввел противопоставление и в ритмике» (Эльзон М.Д. Новонайденные тексты Н.С.Гумилева // Н.Гумилев и русский Парнас. С. 104—105). В.С.Баевский обращает внимание на то, что в данном ст-нии Гумилев употребляет ассонанс — ночью: зимою — редкий случай в его поэзии (см.: Исследования и материалы... С. 90).

Ст. 1. — Реминисценция из ст-ния В.Я.Брюсова «Как царство белого снега...» (1896), ср.: «Какая странная нега // В мире холодного сна!» Ст. 19—20. — При жизни Еврипида афиняне неоднократно демонстрировали свое негативное отношение к попыткам драматурга реформировать традиционное трагедийное действо; творчество Еврипида знаменовало собой переход от «мистериальной» трагедии к трагедии психологической, близкой современным драматическим произведениям. Многочисленные выпады против Еврипида — «убийцы трагедии» — имеются в произведениях Ф.Ницше.

109. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 1.**
ПС 1922 - - ПС 1923 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЛиВ - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Ст 1995; Душа любви.

Автограф 1 — в РГАЛИ (Ф. 147. Оп. 1. № 4. Л. 15). Автограф 2 — список рукой Ахматовой с правкой Гумилева, вместе со ст-ниями № 111 и 112 — в архиве Лозинского. В ст. 19 вместо «пылали» ранее было «играли». Копия автографа 3 с вар. — Стружки.

Дат.: не позднее 29 октября 1913 г. — по свидетельству А.А.Конге в письме к Б.А.Садовскому от 3 ноября 1913 г.

Ст-ние вместе со ст-ниями «Ночью», «Леонард» (№ 110 и 111) предназначалось к публикации в № 8 журнала «Гиперборей»; публикация не состоялась.

Ст-ние было прочитано Гумилевым на «Вечере современной поэзии» в кабаре «Бродячая собака» 29 октября 1913 г. А.А.Конге в письме к Б.А.Садовскому от 3 ноября 1913 г. сообщает, что адресатом ст-ния явилась М.С.Шагинян. А.А.Конге, бывший также поклонником поэтессы, счел стихи Гумилева «наглыми» и на том же вечере прочитал «ответный» экспромт:

Мой соперник, в любви бесплодный,
Я боюсь, ты ошибся ныне.
Ты увидел мираж холодный
В безопасной твоей пустыне.
....
Ты поклялся: «Будешь моею!»
Пусть же будет тебе известно:
Я клянусь, что я сумею
Показать тебе твое место.

«Гумилев настолько обалдел, что сам аплодировал мне, и настолько, по-видимому, струсил, что весь вечер не подошел к Мариэтте», — завершал повествование А.А.Конге (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 73. Цит. по: Соч. 1. С. 566).

Ст. 17—18. — Две горы, называемые «Груди царицы Савской», расположенные посреди пустыни, упоминаются в романе Р.Хаггарда «Копи царя Соломона».

110. При жизни не публиковалось. **Печ. по: ПС 1923.**

ПС 1923 - - СС II - - БП - - Кап 1991, вар. автографа 1 - - СС (Р-т) II - - Соч I, вар. автографа 1 - - СПП, вар. автографа 1 - - Круг чтения - - ВБП, вар. автографа 1 - - МП, вар. автографа 1; Душа любви.

Автограф 1 с вар. — (список рукой Ахматовой с правкой Гумилева, вместе со ст-ниями № 110 и № 112) — в архиве Лозинского. В ст. 19 вместо «бесстыдная» ранее было «ленивая». Копия автографа 2 с вар. — Стружки.

Дат.: не позднее декабря 1913 г. — по датировке ст-ний № 109 и 111.

Ст-ние, вместе со ст-ниями «К***», «Леонард» (№ 109 и 111), предназначалось к публикации в № 8 журнала «Гиперборей»; публикация не состоялась.

Тематически ст-ние близко ст-нию «Разговор» (см. № 115). Ср. с воспоминаниями И.В.Одоевцевой: «Гумилев действительно стыдился не только

своей доброты, но и своей слабости. От природы у него было слабое здоровье и довольно слабая воля. Но в этом он не сознавался никому, даже себе.

— Я никогда не устаю, — уверял он. — Никогда.

Но стоило ему вернуться домой, как он надевал войлочные туфли и садился в кресло бледный, в полном изнеможении. Этого не полагалось замечать, нельзя было задавать ему вопроса:

— Что с вами? Вам нехорошо?

...Длились такие припадки слабости всего несколько минут. Он вставал, отряхивался, как пудель, вылезший из воды, и как ни в чем не бывало продолжал разговор, оборвавшийся его полуобморочным молчанием» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988. С. 79). Сопоставление этого ст-ния со ст-нием Ахматовой «Вижу, вижу лунный лик...» см.: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7—8. P. 41.

111. Гиперборей. 1913. № 9—10, нояб.-дек., с вар. - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Колчан (Р-т) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - Соч (Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП.

Автограф (список рукой Ахматовой, вместе со ст-ниями № 109 и № 110, выправленными рукой Гумилева) — в архиве Лозинского.

Дат.: не позднее декабря 1913 г. — по времени публикации.

Ст-ние вместе со ст-ниями К***, «Ночью» (№ 109 и № 110) ранее предназначалось к публикации в № 8 журнала «Гиперборей»; из этой подборки оно единственное перешло в последний, сдвоенный выпуск журнала за 1913 г. Подробный разбор ст-ния помещен в работе С.Л.Слободнюка «Русская литература начала XX века и традиции древнего гностицизма» (СПб-Магнитогорск, 1994. С. 84—86).

Леонард — в средневековой традиции имя дьявола — предводителя шабаша. Ст. 17—24. — Отказ от инкубата (совокупления с женщиной) характерен для демона, принадлежащего к высшим чинам сатанинской иерархии (см.: Шпренгер Я., Инсисторис Г. Молот ведьм. М., 1932. С. 114). Ст. 25—32. — Описание обстановки шабаша: ночь, горы, полусонное состояние невольного свидетеля. Лев, орел, телец и человек трактуются не только как символы евангелистов, но и обладают глубинной мистериальной хтонической символикой в архаических культах; в данном случае, актуализация этой символики оправдана, если вспомнить, что важнейшим элементом черной мессы было пародирование символики и обрядности христианства. Можно предположить, что одним из источников ст-ния был роман В.Я.Брюсова «Огненный ангел».

112. Нива. 1913. № 46, 16 ноября.

СС II, опеч. - - СП(Тб), опеч. - - СП(Тб) 2, опеч. - - БП(вар. авт. 2) - - СтПРП(ЗК), опеч. - - СтПРП, опеч. - - Ст(М-В), неправ. публ.: вар. авт. 2 с загл. - - СС(Р-т) II опеч. - - ОС 1991 (вар. авт 2) - - СП(Ир), опеч. - - ЧК(вар. авт. 2) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП, с вар. автографа 2; Русский сонет 1987, опеч. - - Сонет серебряного века (вар. авт. 2).

Автограф 1 с вар. в собрании П.С.Романова (фотокопия в журнале «Наше Наследие» (1988. № 1. С. 81)). Автограф 2 с вар. (верстка Колчана с правкой Гумилева) — в архиве М.Л.Лозинского. В автографе 2 ст-ние перечеркнуто Гумилевым. Копия автографа 3 с вар. — Стружки.

Дат.: не позднее ноября 1913 г. — по времени публикации.

Сюжет ст-ния восходит к трагедии В.Шекспира «Отелло».

113. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч I; Даугава. 1987. № 6, (публ. Р.Д.Тименчика) - - Русская литература. 1988. № 2.

Автограф — в ИРЛИ (Ф. 649. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 31). Там же приписка П.П.Потемкина (Л. 32):

Хоть Вы терзали Гумилева
Во первоклассные года,
Но я пишу свои два слова,
Переверхарновшись сюда.

Дат.: 25 ноября 1913 г. — по датировке Р.Д.Тименчика.

Об истории создания ст-ния см. материалы, помещенные в статье К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика (Русская литература. 1988. № 2. С. 181).

Верхарен — Верхарн Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт и драматург; прием в честь приезда Верхарна в Петербург (где среди прочих присутствовали Фидлер и Гумилев) состоялся 25 ноября 1913 г. в «Отель де Франс». «Интерес Гумилева к Верхарну вполне понятен: он еще в 1908 году посвятил ему статью (в связи с изданием на русском языке в переводе Эллиса драмы Верхарна "Монастырь")» (Указ. соч. С. 181).

114. Современник. 1913. № 12, с вар. - - Россия в родных песнях. Пг., 1914, с вар. - - **Колчан**.

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - Ст ПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Колчан(Р-т) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - -

СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии.

Автограф — в ИРЛИ (Ф. 289. ОП. 7. Ед. хр. 13. Л. 1—2).

Дат.: не позднее декабря 1913 г. — по времени публикации.

Ю.Н.Верховский отметил в этом ст-нии способность Гумилева к «проникновению в душевное человеческое и в самую душу вещей; способ изображения и средство изобразительности — рядом со словесной живописью и лепкой — освобождение и гармонизация того внутренне-музыкального, чем вместе с душой поэта дышит и живет изображаемое. И в такую поэзию уже не только всматриваешься со стороны, чтобы полюбоваться ею; она начинает вовлекать в себя и, преломляясь, будить отзвук себе, тоже *изнутри*» (Верховский. С. 120 — 121. Курсив автора. — *Ред.*). Данное ст-ние традиционно рассматривается как воплощение Гумилевым «русской темы». «Русь для Гумилева — таинственно, пламенно и безусловно верующая, "волшебница суровая"... Не думайте, впрочем, что Гумилев не видит с ироничной зоркостью и смешного в русских усадьбах <...> Поставь Гумилев на полку рядом с Руссо сочинения Карамзина или Пушкина, правдоподобие пострадало бы: старосветские помещики до подлинной культуры еще не доросли» (Оцуп Н.А. Н.С.Гумилев // Изб 1959. С. 27). Упоминание о «бароне Брамбеусе и Руссо» на книжной полке (вкупе с дуэльными пистолетами) — отсылает к реально существовавшим деталям интерьера слепневской усадьбы Львовых, о чем свидетельствует Ахматова: «Над диваном висел небольшой портрет Николая I... В шкафу остатки старой библиотеки, даже "Северные цветы", и барон Брамбеус, и Руссо» (Ахматова А.А. Слепнево // Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 246). Р.Д.Тименчик видит в ахматовских стихах «Тот август как желтое пламя...» и «Широко распахнуты ворота...» реминисценции из данного ст-ния Гумилева (см.: Тименчик Р.Д. Храм премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // Slavica Hierosolymitana. Vol. V—VI. Jerusalem,1981. С. 302). «...Заметно <...> гоголевское влияние в "Старых усадьбах", — пишет Л.Аллен. — Наряду с пышным восхвалением мощи тропической <...> природы, которое продолжает до известной степени кавказскую традицию Пушкина и Лермонтова, у Гумилева встречается цикл стихотворений, посвященных нежно-стыдливому и любовно сдержанному изображению русской провинции. Его Россия страшна своей покорностью судьбе. Впрочем, за этим кажущимся беспрекословным смирением таится горячее стремление к ирреальной, волшебной жизни. Гумилевская Россия ищет желанный исход в колдовстве или блаженстве» (Аллен Л. Н.С.Гумилев и отечественная литературная преемственность // Russian Literature and History. Jerusalem,1989. P 82). «Стихов о России, о времени, в какое выпало жить, у Гумилева так мало, что это способно озадачить. Да и те, что есть <...> при всей точности в деталях <...> видятся скорее легендами,

“снами” о России, нежели родом лирического исследования или свидетельством очевидца», — замечает С.Чупринин (ОС 1989. С. 11). «Есть у него лишь мельком проскользнувшее упоминание о “таинственной Руси”, но это, вероятно, не более чем отзвук “бездомной Руси” того же Клюева или Ремизова, да и то скорее всего воспринятый через посредничество А.Блока», продолжал тему «влияний» А.И.Михайлов (см.: Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 67). «Я лично не согласен, что от стихов на “русские” темы в “Колчане” отдает Блоком или Белым. Голос Блока, пожалуй, слышен в предпоследней строфе “Старых усадеб”, но это только одна строфа из двенадцати, а в остальных нет ничего ни от блоковских взволнованных лирических раздумий о России, ни даже от ранних стилизаций Белого», — уточнял Г.П.Струве (СС II. С. XXIII—XXIV).

«Гумилев, в отличие от Блока, Клюева, Есенина, впервые ощутил само понятие России, Родины, Отечества на фронте, и расставаться со своим представлением о России <...> не желал <...> Он обращал свой взор к стародедовской, провинциальной России, где вся атмосфера российской провинции овеяна духом безмятежности и сонного покоя» (Куняев С. На полях, омоченных в крови... // Слово. Вып. 1. М., 1989. С. 308). «Того, чего больше всего боялись, чего не хотели, и все-таки обнаруживали в России символисты — ее стремительное “обуржуазивание”, особенно явственное в больших городах <...> как раз <...> не видит Гумилев. <...> В гумилевской России — одни только “тихие углы”, где идет, или, вернее, стоит, неподвижная, тусклая жизнь» (Винокурова И. Жестокая, милая жизнь... // Новый мир. 1990. № 5. С. 265). Это утверждение опровергает В.В.Бронгулеев: «Да, поэт писал о скучной, томной и не золотой старине. Но <...> он был бесконечно близок к этой старине, великолепно ее чувствовал и, конечно, любил. Стремясь к чужим небесам, с душой, наполненной виденьями иноземных панорам, он отлично знал, что всеми своими корнями накрепко привязан к таким, как его Слепнево, русским дворянским гнездам, к их быту, их духу, их высокой культуре...» (Неделя. 1990. № 23 (1575)).

«На тверской земле Н.С.Гумилев знакомится и с местными обычаями, которые ему также кажутся странными и древними: (цит. ст. 13—16. — *Ред.*). В данном стихотворении нашла отражение старинная местная традиция. Ежегодно в день святых апостолов Петра и Павла — 30 июня по старому стилю в Бежецк из Николаевской Теребенской пустыни, что находилась в 50 километрах к северо-востоку от города по реке Мологе, монахи привозили чудотворную икону “Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского” на большой красивой лодке, украшенной государственными знаками. Все жители города с хоругвями выходили ее встречать, затем совершали крестный ход вокруг Бежецка и ставили икону в Воскресенский собор. Восемь дней ее носили по домам, и эти дни в городе считались праздничными — открывалась праздничная Петровская ярмарка, которая продолжалась неделю <...>

Икона “Святителя и Чудотворца Николая” впервые была обнаружена в 1492 году на земле, принадлежавшей бежецкому боярину Обрезкову. В 1654

году чудотворный образ впервые был привезен в Бежецк, и жители города были спасены от "смертельной язвы", которая безжалостно уничтожала людей в соседних городах и селеньях. С той поры каждое лето эта икона стала путешествовать в верховье Мологи. Ее, вероятно, видел и Н.С.Гумилев, тем более, что святой Николай является его небесным покровителем.

Поэт замечает, что население края чрезвычайно религиозно, чтит православных святых, молится перед образами и в то же время верит в другую, таинственную и скрытую силу. Он видит следы более древней религии, которая тоже имеет власть над людьми (цит. ст. 17—20. — *Ред.*). Знаменья — это и есть проявление сверхъестественных знаков власти древних божеств. Им некоторые люди верят (цит. 31—32. — *Ред.*)» (см.: Сенин С.И. Таинственная Русь Николая Гумилева // Гумилевы и Бежецкий край: По материалам научно-практической конференции, прошедшей в Бежецке 8—9 ноября 1995 года. Бежецк, 1996. С. 25—26).

Ст. 45. — Амулет — вещь, защищающая от злых сил, обладающая магическим действием. Ст. 46. — Фортуна — богиня случая и судьбы у древних римлян; колесо — ее атрибут, означающий непостоянство. Ст. 48. — Барон Брамбеус — Сенковский Осип Иванович (1800—1858), редактор-издатель журнала «Библиотека для чтения», автор, поставлявший в журнал львиную долю материалов. Возможно, имеется в виду и конкретная книга Сенковского «Фантастические повести и рассказы барона Брамбеуса» (1840), пользовавшаяся популярностью у читателей 40-х гг. XIX в.

115. Современник. 1913. № 12, с вар. - - **Колчан.**

Колчан 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Колчан(Р-т) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Ст(Яр) - - Русский путь - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП; Ст(Куйбышев) - - Душа любви.

Автограф — в архиве Лозинского.

Дат.: не позднее декабря 1913 г. — по времени публикации.

По характеристике Ю.П.Анненкова, это ст-ние из тех, «которые наиболее далеки от классицизма и раскрывают затаенную сущность поэта» (Жизнь Николая Гумилева. С. 151—150). В современных интерпретациях ст-ние выступает как своего рода «знак» перерастания «экзотической» темы в гумилевском творчестве в чисто-«лирическую», философскую (см.: Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 121). В.Л.Полушин трактует идею «главенства души над телом» как объединяющую для цикла «итальянских» ст-ний, отводя, таким образом, «Разговору» циклообразующую функцию (ЗС, с. 24). «Поэт развивает свою оригинальную концепцию личности, вскрывая механику "расщепления" человека на физические,

психические и духовные ипостаси и механику последующей их персонификации. "Бесноватая душа" и "угрюмое тело", которое "влачится" за своей напарницей — это неразделимые "характеры" ("Разговор", 1912). Эта образная механика была, похоже, позаимствована Заболоцким ("Прохожий", 1948)», — пишет И.Делич (История русской литературы. XX век: Серебряный век. М., 1995. С. 500). В.Крейд видит в ст-нии проявление «ролевой лирики», проча на место лирического героя — Г.В.Иванова: «в основе (ст-ния. — *Ред.*) видится чей-то портрет, не обобщенный, а конкретный и индивидуальный <...> Посвящение Г.Иванову открыто называет этого человека» (Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenafly, New Jersey. С. 67; следует указать, что аргументация предлагаемой В.Крейдом датировки ст-ния неубедительна, ибо не учитывает... дату первой публикации). В.С.Баевский обратил внимание на «неточные рифмы в начале текста», на «лексику и образность», которые, по мнению исследователя, «больше напоминают раннего Пастернака, чем Гумилева» (Баевский В.С. Николай Гумилев — мастер стиха // Исследования и материалы. С. 91).

Тематически ст-ние апеллирует к средневековой литературной традиции, культивировавшей форму диалога «души» и «тела», см. напр., произведения Ф.Вийона. Иванов Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт-акмеист, участник «Цеха поэтов», в 1913 г. — завсегдатай кабаре «Бродячая собака».

Ст. 34. — Имеются в виду Елисейские поля (см. коммент. к № 103).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГУМИЛЕВУ

116. Ст-ние восстановлено по памяти Ахматовой (**СП (Тб). С.20**).

Дат.: май 1910 г. — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С.113).

Ст.6. — Имеется в виду возвращение Наполеона из Египта 11 октября 1799 г.

117. Ст-ние восстановлено по памяти Ахматовой (**СП(Тб). С.20**).

Дат.: май 1910 г. — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С.113.).

Ст.1. — В битве под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. русско-австрийские войска были наголову разбиты армией Наполеона I. В битве принимал участие прапрадед Гумилева — Яков Алексеевич Викторов (1780—1872), был тяжело ранен и остался жив только благодаря самоотверженности своего денщика Павлюка. После ранения Я.А.Викторов безвыездно жил в родовом имении в селе Викторовка Курской губернии.

118. Ст-ние восстановлено по памяти В.А.Неведомской (**Жизнь Николая Гумилева. С.83**).

Дат.: осень 1912 г. — по датировке Неведомской (там же. С.82).

119. При жизни не публиковалось. **Печатается по копии автографа.**

Ст-ние ранее не публиковалось, упоминаний о нем не обнаружено, за исключением туманного упоминания о некоей «Кармен» и «красном перце» в рассказе О.Н.Гильдебрандт-Арбениной о встрече и беседе с Гумилевым в 1916 г. (см.: Гильдебрандт-Арбенина О.А.Гумилев // Исследования и материалы. С.431). Список с автографа данного ст-ния был найден С.И.Сениным в домашнем архиве Кузьминых-Караваевых. Список представляет собой машинопись текста с обозначением автора — «Николай Степанович Гумилев». По словам владелицы архива, Е.Б.Кондрашовой, автограф ст-ния был подарен приемной дочери В.Д.Кузьмина-Караваева — Марии Карловне Шмидт. По утверждению А.Д.Бушен, знавшей М.К.Шмидт до 1917 года (затем судьба ее неизвестна), она была не очень красивой, имела смуглое лицо, черные волосы; была старше детей В.Д.Кузьмина-Караваева; в Борисовке, где в 1909—1912 гг. М.К.Шмидт встречалась с Гумилевым, она помогала супруге В.Д.Кузьмина-Караваева вести

хозяйство. Характер ее отношений с Гумилевым и повод для написания ст-ния неизвестны. Согласно сведеньям, сообщенным С.И.Сенину, подлинник автографа ст-ния многие годы хранился в семье среднего сына В.Д.Кузьмина-Караваева — Бориса Владимировича, известного в 30-е годы врача-гомеопата. В конце 1941 г. Б.В.Кузьмин-Караваев был арестован, архивные документы (и в их числе — автограф Гумилева) были конфискованы. Копия автографа снята в 1920-е — 1930-е гг. Текст и сопутствующая информация представлены для публикации в настоящем издании С.И.Сениным.

120. Ст-ние было скопировано П.Н.Лукницким в архиве Ахматовой в 1920 — 1930-х гг. Автографов, публикаций, упоминаний данного стихотворения в биографических свидетельствах о Гумилеве не обнаружено. Ст-ние было опубликовано В.К.Лукницкой (СП(Тб) и СП(Тб)2), затем воспроизведено: Соч I и Душа любви. При жизни не публиковалось. **Печ. по списку П.Н.Лукницкого** (ИРЛИ).

Дат. по содержанию: 1912 г.

Ст. 7—8. — Архитектурные символы Венеции — колонна св. Марка и часы в виде гигантов. Ст. 9—10. — Имеется в виду венецианский Собор св. Марка, соединяющий в своей архитектуре Византийский и романский стили.

121. Ст-ние было скопировано П.Н.Лукницким в архиве Ахматовой в 1920 —1930-х гг. Автографов, публикаций, упоминаний данного ст-ния в биографических свидетельствах о Гумилеве не обнаружено. Ст-ние было опубликовано В.К.Лукницкой (СП(Тб) и СП(Тб)2), затем воспроизведено в Соч I и Душа любви. При жизни не публиковалось. **Печ. по списку П.Н.Лукницкого** (ИРЛИ). Дат. по содержанию: 1912—1913 гг.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. Н.С.Гумилев. Фотография. 1900-е гг.

С. 35. А.А.Ахматова. Рисунок углем Д.В.Бушена. На обороте надпись П.Н.Лукницкого: «Фотокопия рисунка углем художника Д.Бушена. Подлинник с дарственной надписью А.А.Ахматовой П.Н.Лукницкому, датированной “24 декабря ст. ст. 1927”, хранится у П.Н.Лукницкого. П.Л.». Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

С. 41. Стихотворения «За что» («О, что за скучная забота...») и «Каждый вечер в саду рокотал соловей...». Автограф Н.С.Гумилева из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

С. 77. А.А.Ахматова. Фотография в группе с М.Сверчковой, Е.Кузьминой-Караваевой, Б.Кузьминым-Караваевым, Д.Бушеном, Д.Пименко, М.Кузьминой-Караваевой. Слепнево. Июль 1911 г. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

С. 91. Н.С.Гумилев. Фотография. 1900-е гг.

С. 119. Дом в усадьбе Львовых — семьи матери поэта (село Слепнево, ныне — Градницы). Фотография из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

С. 157. Святой на льве. На обороте надпись П.Н.Лукницкого: «Фото с картины, привезенной Гумилевым из Абиссинии в 1913 году в числе других». Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

С. 171. Стихотворение «Кармен худа, коричневатый...» Машинописная копия. Из коллекции С.И.Сенина (СПб).

Цветные иллюстрации:

I Человек с кинжалом, бегущий за оленем. Рисунок Н.С.Гумилева. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

II Африканский лев. Рисунок с надписью П.Н.Лукницкого: «Привезен Н.С.Гумилевым из Абиссинии. П.Л.». Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

III Бык на реке. Рисунок абиссинского художника Ато Энгедуарка. На паспарту надпись П.Н.Лукницкого: «Рисунок абиссинского художника Ато Энгедуарка. Привезен в Россию Н.С.Гумилевым. Подарен мне вдовой Н.С.Гумилева Анной Николаевной Энгельгардт в 1925 году. П.Лукницкий. Оклеено мною в 1935 году». Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).

Список условных сокращений, принятых в комментариях и разделе «Другие редакции и варианты»

Айхенвальд — Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. Пг., 1922.

Акаткин — Поэзия серебряного века: Хрестоматия для средних учебных заведений /Сост., автор предисловия В.М.Акаткин. — Воронеж: Изд. Воронежского гос. ун-та, 1995.

Акме — Акме значит вершина: Гумилев, Ахматова, Мандельштам в переводах Леопольда Левина. — Warszawa: Czytelnik, 1986.

Анучин — Анучин Д.Н. О судьбе Колумба как исторической личности и о спорных и темных пунктах его биографии //Землеведение. 1894. Т.1. Кн.1. — С.185—256.

Архив Лозинского — архив М.А.Лозинского (хранится у И.К. Платоновой-Лозинской, Санкт-Петербург); данные материалы приводятся по описаниям, сделанным И.К.Платоновой-Лозинской (см.: Николай Гумилѐв: Исследования и материалы; библиография. — СПб: Наука, 1994. — С. 351—355).

Архив Лукницкого — коллекция гумилевских материалов, собранная П.Н.Лукницким; в 1997 г. передана В.К. и С.П. Лукницкими в РО ИРЛИ. На момент выхода тома опись материалов не создана.

БП — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья А.И.Павловского. Биограф. очерк В.В.Карпова, сост. подгот. текста, прим. М.Д. Эльзона. — Л.: Сов. писатель, 1988 (Б-ка поэта. Большая сер.).

В мире отеч. классики — В мире отечественной классики: Сб. статей. Вып. 2 / Сост. Д.Николаев. — М.: Худож. лит-ра, 1987.

ВБП — Гумилев Н.С. Избранное : К 110-й годовщине со дня рождения. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996 (Всемирная библиотека поэзии).

Верховский — Верховский Ю.Н. Путь поэта // Современная литература. — Л., 1925. — С.93—143.

Декадентская литература — Русская литература XX века: Дореволюционный период: Хрестоматия / Сост. Н.А. Трифонов. — Chicago[Б.д.] (Russian Study Series. № 38; Russian Language Specialities).
[На обл.: Декадентская литература: Ахматова, Бальмонт, Белый, Гумилев, Сологуб и др.]).

Душа любви — Душа любви: Сб. / Сост., вст. статья и прим. А.Казаковой. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во,1991.

Ежов-Шамурин 1925 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. — М.: Новая Москва, 1925.

Ежов-Шамурин 1991 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. Репринтное воспроизведение изд. 1925 г. — М.: Амирус, 1991.

ЕЛПН — Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива».

Жизнь Николая Гумилева — Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост., коммент. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского, А.К. Станюковича. — Л.: Международный фонд истории науки,1991.

Жизнь поэта — Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. — Л.: Лениздат, 1990.

ЗС — Гумилев Н.С. Золотое сердце России: Сочинения / Сост., вст. статья, коммент. В.Полушина. Семейная хроника Гумилевых О.Высоцкого. Художник Ю.Пивченко. — Кишинев: Лит. артистикэ, 1990.

Изб (XX век) — Гумилев Н.С. Избранное / Предисл., сост., прим. Н.Богомолова. Художник А.Свердлов. — М.: Панорама, 1995 (Сер.: «Русская литература. XX век»).

Изб 1943 — Гумилев Н.С. Избранные стихи. — Одесса, 1943.

Изб 1959 — Гумилев Н.С. Избранное / Ред., предисл. Н.А.Оцупа. — Paris: Librairie des cinq continents, 1959.

Изб 1986 — Гумилев Н.С. Избранное / Ред., предисл. Н.А.Оцупа. 4-е изд., стереотип. — Нью-Йорк: Орфей,1986.

Изб 1997 — Гумилев Н.С. Избранное. — СПб.: Димант, 1997.

Изб (Кр) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., прим., коммент. Ю.Г.Кротова. — Красноярск: Кн. изд-во, 1989.

Изб (М) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, прим. Л.А. Смирновой. Художник В.К.Серебряков. — М.: Сов. Россия, 1989.

Изб (Огонек) — Гумилев Н.С. Избранные стихотворения / Сост., ред., вст. статья В.Енишерлова. — М.: Правда,1988 (Б-ка «Огонек». №3)

Изб (Слов) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, коммент., литбиограф. хроника И.А.Панкеева. Художник С.Соколов. — М.: Просвещение, 1990 (Б-ка словесника).

Изб (Х) — Гумилев Н.С.Избранное / Сост., предисл., коммент. Л.А. Смирновой. — Хабаровск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1991.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел.

Исследования и материалы — Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. — СПб.: Наука, 1994.

Кап 1991 — Гумилев Н.С. Капитаны: Стихотворения и поэмы / Вст. статья, сост., коммент. А.И.Павловского. — Нижний Новгород: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1991.

Колчан — Гумилев Н.С. Колчан: Стихи. — Пг.: Гиперборей, 1916.

Колчан 1923 — Гумилев Н.С. Колчан: Стихи. — Берлин: Петрополис, 1923.

Колчан (Р-т) — Гумилев Н.С. Колчан: Стихи. Репринтное воспроизведение изд. 1916 г. — М.: Книга, 1990.

Круг чтения — Гумилев Н.С. Когда я был влюблен...: Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избранная проза / Сост., вст. статья Л.А.Озерова. — М.: Школа-Пресс, 1994 (Сер.: «Круг чтения. Школьная программа»).

Лазаренко — Хрестоматия по отечественной литературе XX века: Для уч-ся XI класса / Сост. Г.П.Лазаренко. — М.: Метод. кабинет Западного округа г. Москвы,1995.

ЛиВ — Гумилев Н.С. Слепая музыка моей любви...: Лирика / Сост. А.Апасов. — М.: Единение, Евроросс, 1992 (Б-ка поэзии «Любовь и вера»).

ЛН — Переписка В.Брюсова с Н.С.Гумилевым (1906—1920) / Вст. статья и коммент. Р.Д.Тименчика и Р.Л.Щербакова. Публ. Р.Л.Щербакова / / Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. — М.: Наука, 1994. — С.400—514 (Лит. наследство. Т.98).

Мифологический словарь — Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М.Мелетинский. — М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1992.

МП — Гумилев Н.С. Конквистадор: Стихотворения. М.: Летопись, 1997 (Сер.: «Мир поэзии»).

Н.Гумилев и русский Парнас — Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. — СПб: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992.

Неизд 1980 — Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. — Paris: YMCA-Press, 1980.

Неизд 1986 — Гумилев Н.С. Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М.Баскер и Ш.Греем. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-Press, 1986.

Николай Гумилев в воспоминаниях современников — Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред., сост., предисл., коммент. В.Крейда. — Репринтное изд. — М.: Вся Москва, 1990.

ОС 1989 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи из девяти книг / Сост. Л.Г.Григорьян. Предисл. С.Чупринина. Худож. оформл. Е.М.Курманаевской. — Ростов-на-Дону: Рост. кн. изд-во, 1989.

ОС 1991 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи и проза / Предисл. и сост. Е.А.Подшиваловой. — Ижевск: Удмуртия, 1991.

ОЧ — Гумилев Н.С. Озеро Чад. — М.: Центр-100, 1995.

Престол — Гумилев Н.С. Престол красоты / Сост., вст. статья Т.Смертиной. — М.: Спас, 1994.

ПРП 1990 — Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М.Фридлендера (при участии Р.Д.Тименчика). Вст. статья Г.М. Фридлендера. Подг. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. — М.: Современник, 1990 (Б-ка «Любителям российской словесности»).

ПС 1922 — Гумилев Н.С. Посмертный сборник / Сост., вст. статья Г.В. Иванова. — Пг.: Мысль, 1922.

ПС 1923 — Гумилев Н.С. Стихотворения: Посмертный сборник. — 2-е изд., доп. — Пг.: Мысль, 1923.
РГАЛИ — Российский государственный архив лит-ры и искусства (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва). Отдел рукописей.
РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург). Отдел рукописей.
Русские поэты серебряного века — Русские поэты серебряного века: Сб. стихотворений: В 2 т. Т.2 / Сост., вст. статья, коммент. Н.Ю.Грякаловой. — Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1991
Русский сонет 1987 — Русский сонет: Сонеты русских поэтов начала XX века и советских поэтов / Сост. Б.Романов. — М., 1987.
Русский путь — Н.С.Гумилев: Pro et contra / Сост., вст. статья, примеч. Ю.В.Зобнина. — СПб.: Изд. РХГИ, 1995 (Русский путь).
Серебряный век русской поэзии — Серебряный век русской поэзии / Сост. Н.В. Банников.— М.: Просвещение, 1993.
Силард 1979 — Силард Л. Русская литература конца XIX — начала XX века (1890 — 1917) . — Budapest: Tankönyvkindo, 1979.
Силард 1983 — Силард Л. Русская литература конца XIX — начала XX века (1890—1917). — 2-е изд. — Budapest: Tankönyvkindo, 1983.
Собрание М.С.Лесмана — коллекция книг и рукописей, ныне частично переданная Н.Г.Князевой-Лесман на хранение в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (СПб).
Сонет серебряного века — Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX — начала XX века. — М.: Правда, 1990.
Соч I—III — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. — М.: Худож. лит-ра, 1991.
СП (XX век) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост., вст. статья, коммент. И.А.Панкеева. — М.: Профиздат, 1991 (Сер.: Поэзия XX века).
СП(Волг) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост. М.Д.Эльзона. Вст. статья М.А.Дудина. Оформл. В.Э. Коваля. — Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988.
СП(Ир) — Гумилев Н.С. Стихи. Проза / Предисл. Вяч.Вс.Иванова. Послеслов. Н.А.Богомолова. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992.
СП(К) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья Вл.Смирнова. — Курск: ИПП «Курск», 1992.
СП(Тб) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Ред., предисл. В.П. Енишерлова. Сост., биогр. очерк, коммент. В.К.Лукницкой. — Тбилиси: Мерани, 1988 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).
СП(Тб)2 — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья В.П. Енишерлова, биогр. очерк, сост., коммент. В.К.Лукницкой. — 2-е изд. — Тбилиси: Мерани, 1989 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).

СП(Феникс) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья Н.Н.Скатова. Сост. и примеч. М.Д.Эльзона. — М.: Современник, 1989. (Феникс. Из поэтического наследия XX века).

СПП — Гумилев Н.С. Стихотворения. Поэмы. Проза / Вст. статья А.И.Павловского. Биогр. очерк В.В.Карпова. Сост., подг. текста В.П.Кочеткова. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990.

Среди стихов — Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894 — 1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Сов. писатель, 1990.

СС [I—IV] — Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, 1962—1968.

СС(Р-т) (I—IV) — Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

Ст.— стих.

Ст 1986 — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост. В.П.Бетаки. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-Press, 1986 (Сер.: Избранная поэзия).

Ст 1988 — Гумилев Н.С. Стихи / Сост. О.Михалевич. Художники А.Куташов и В.Решетов. — Л.: Аврора, 1988.

Ст 1995 — Гумилев Н.С. Стихотворения. — М.: Худ. лит-ра, 1995.

Ст (XX век) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост., вст. статья, примеч. В.Смирнова. Илл. П.Караченцева. — М.: Мол. гвардия, 1989 (Сер.: XX век: поэт и время. Вып.9).

Ст(Куйбышев) — Волошин М., Гумилев Н., Иванов Г., Ходасевич В. Стихотворения. — Куйбышев: Кн. изд-во, 1990.

Ст(М) — Гумилев Н.С. Стихи. — М.: Родина, 1992.

Ст(М-В) — Гумилев Н.С. Стихотворения: На польском языке с параллельным русским текстом / Сост. и ред. польских переводов Адам Поморский. — М.; Варшава: Радуга — Współpraca, 1990.

СтПРП — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / Вст. статья Вяч.Вс.Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худ. лит-ра, 1990.

Ст(Пол) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Художник Н.И.Калита. — М., 1988 (Б-ка журн. «Полиграфия»).

СтПРП(ЗК) — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / Вст. статья Вяч.Вс.Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худож. лит-ра, 1989 (Сер.: Забытая книга).

Ст(Яр) — Гумилев Н.С. Стихотворения /Сост. С.Локалов. — Ярославль: изд-во Гринго, 1994.

Стружки — копия рукописного сборника стихов Гумилева «Стружки» (архив Лукницкого).

Тименчик — Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме (III) // Russian Literature. 1981. № IX. С. 175—189.

Трифонов 1962 — Русская литература XX века: Дореволюционный период: Хрестоматия: Учеб. пособие для пед. ин-тов / Сост. Н.А.Трифонов. — М.: Гос. изд-во, 1962.
Трифонов 1971 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (для пед. ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 3-е изд. — М.: Просвещение, 1971.
Трифонов 1980 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (для пед ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 4-е изд. — М.: Просвещение, 1980.
Трифонов 1987 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (для пед. ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 5-е изд., доп. и перераб. — М.: Просвещение, 1987.
Фиске — Фиске Дж. Открытие Америки (с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания): В 2 т. Т.1. — М., 1892.
Хейт — Хейт А. Анна Ахматова: Поэтическое странствие. М.: Радуга, 1991.
Холл — Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. 2-е изд., испр. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.
ЧК — Гумилев Н.С. Читатель книг / Вст. статья, сост. М.Д. Эльзона. — СПб., 1993.
ЧН — Гумилев Н.С. Чужое небо: Третья книга стихов. — СПб.: Аполлон, 1912.
ЧН 1936 — Гумилев Н.С. Чужое небо: Стихи. — Берлин, 1936.
ЧН 1995 — Гумилев Н.С. Чужое небо: Стихотворения и поэмы / Ред., сост., послесловие М.Т.Латышева. — М.: Яуза, 1995 (Сер.: Серебряные струны).
ШЧ — Гумилев Н.С. Шестое чувство: Стихи, проза, письма о русской поэзии / Сост., вст. статья А.С.Бутузовой-Зюзиной. — Тверь: Московский рабочий, Тверское отделение, 1990.

Berkeley — Nikolaj Gumilev. 1886—1986. Berkeley Slavic Specialties, 1987.
Carmina... — Гумилев Н.С. Carmina ab auctore selecta /Подгот. текста, послесл. М.Д. Эльзона. — СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 1994.
Eshelman — Eshelman Raoul. Nikolaj Gumilev and Neoclassical Modernism: The Metaphysics of Style. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993 (Slavische Literaturen; Bd. 3).
SW — Nikolai Gumilev, Selected Works, selected and translated by Burton Raffel and Alla Burago. — Albany: State University of New York Press, 1972.

Алфавитный указатель произведений

Содержание

1910

1911

1912

1913

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

Научно-художественное издание

Николай Степанович Гумилев

Полное собрание сочинений в десяти томах

Том второй

Компьютерный набор: Е.Е.Федотова

Верстка: В.Э.Воротынцева

Корректоры: О.А.Быстрова, Е.А.Шипова

Маркетинг: А.В.Белова, Н.Н.Крылова, К.И.Мажейка

Издание подготовлено при участии ТОО «Евразия+»

Лицензия ЛР № 010193 от 19.02.1997

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2: 953000 — книги, брошюры
Сдано в набор 6.03.1998 г. Подписано в печать 24.07.1998 г.
Формат 60 х 90 $^{1}/_{16}$. 21,5 п. л. Тираж 7000 экз. Заказ № 1886

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805, Москва, ул. «Правды», 24.
Тел. (095) 257-32-53, 257-31-06, 257-30-53.

Отпечатано в типографии Акционерного полиграфического предприятия
«Джангар». Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ленина, 245.